

АЛЕКСАНДР ТРУБНИКОВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Рыцарский дог

Двое друзей – бывший виллан Жак из селения Монтелье и обедневший арденнский рыцарь сир Робер де Мерлан наконец-то стали полноправными членами ордена Святого Гроба, одного из наиболее могущественных тайных орденов крестоносного братства.

Теперь, выполняя волю Римского Папы Григория Девятого, Жак и Робер в составе отряда рыцарей отправляются с некой секретной миссией в Багдад, чтобы тайно встретиться с наследниками великого Чингисхана. Речь пойдет о сокровищах Повелителя Вселенной...

Но враги не дремлют и каждый шаг героев будет оплачен кровью...

«Рыцарский долг» – является продолжение уже известного читателю романа «Рыцарь святого гроба».

- [Александр Трубников](#)

- [Пролог](#)
- [Глава первая,](#)
- [Глава вторая,](#)
- [Глава третья,](#)
- [Глава четвертая,](#)
- [Глава пятая,](#)
- [Глава шестая,](#)
- [Глава седьмая,](#)
- [Глава восьмая,](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)

- [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
-

Александр Трубников

Рыцарский долг

Надеялся ли папа за свой нейтралитет на предоставление ему свободы действий по обращению тюркской Азии в христианство?.. Во всяком случае, достоверно одно, что он медлил с объявлением «священной войны» и решился на этот шаг только тогда, когда уже было слишком поздно...

Эренжен Хара-Даван. Чингисхан как полководец и его наследие

Италия, провинция Латиум, 1228 год от Р. Х., Крестовоздвижение (14 сентября)^[1]

Ананьи, тихий городок, расположенный в шестидесяти лье к югу от Рима, подремывал, грея под ласковым осенним солнцем красно-желтые черепичные крыши уютных вилл. Путникам, спускающимся вниз с апеннинских перевалов, он казался неровным лоскутным одеялом, наброшенным на холмистое предгорье и придавленным на одном из углов массивной каменной постройкой – дворцом владетелей этих земель, графов Сеньи. Глядя на мирно пасущихся по обочинам коз, на храпящих в тени деревьев свиней, на гусей, важно вышагивающих по середине улицы, и медлительных, полусонных прохожих, невозможно было поверить, что именно здесь, в тиши ухоженных садов и безмолвии живописных усадеб, решаются судьбы всего христианского мира.

Тридцать лет назад, с того времени, как кардинал Лотарио, граф Сеньи и Лаваньи, возглавил Святой престол под именем Иннокентия Третьего, дворец, построенный им в городском предместье, стал местом постоянного пребывания римских пап. Парадная резиденция курии, Латеранский дворец в Риме, давно уже стал смертельно опасной ловушкой. Вечно недовольная всем и вся итальянская знать, то и дело переходящая на сторону главных врагов Церкви – германских императоров, не раз и не два угрожала не только свободе, но порой и самой жизни земных наместников святого Петра. Здесь же, среди владений, принадлежащих вассалам графов Сеньи, даже имея относительно немногочисленную охрану, святые отцы могли чувствовать себя в безопасности, изредка посещая Рим лишь для того, чтобы председательствовать на собираемых время от времени Вселенских соборах да провести обряд помазания королей и императоров.

Ныне дворец – тяжелое квадратное трехэтажное здание из серого гранита, более похожее на доходный дом, чем на замок древней аристократической фамилии, единственным украшением которого была сторожевая башня, увенчанная небольшой звонницей, да открытая галерея с колоннадой, проходящая по всему фасаду второго этажа, занимал восьмидесятипятилетний граф Уголино ди Сеньи. Племянник всемогущего Иннокентия, бывший генерал ордена францисканцев, легат Ломбардии, затем кардинал-епископ Остии, он возглавил Святой престол, приняв по инаугурации апостолическое имя Григорий Девятый. Его святейшество недавно возвратился из кафедрального собора, где по случаю праздника Крестовоздвижения служили торжественную мессу, и теперь отдыхал на втором этаже, где располагались его личные покои.

Почти все внутреннее пространство обширной террасы, выходящей на укрытый за глухим каменным забором внутренний двор, было уставлено кадками, в которых вперемешку росли пальмы и пышные розовые кусты. В центре террасы находился римский прямоугольный бассейн с выложенной на дне мозаикой. Рисунок, составленный из ярких кусочков цветной керамики, представлял собой поясное изображение святого Петра. Вода в бассейне стояла недвижно, так что казалось, что мозаика лежит на самой поверхности.

Почти у самого края бассейна стояло высокое готическое кресло из черного дерева. В кресле сидел, тяжело опершись локтями на широкие резные ручки, человек, облаченный в свободную ризу из тяжелой кроваво-красной парчи. Старческие пигментные пятна, щедро рассыпанные по коже, мелко трясущиеся руки, склоненная набок и непроизвольно покачивающаяся голова, которую ее обладатель, не имея сил удерживать, то и дело опускал на плечо, создавали впечатление, что сидящая в кресле мумия вряд ли способна не то что принимать осмысленные решения, но даже издавать членораздельные звуки. Однако тот, кто

так думал, делал огромную ошибку. Могущественный понтифик, несмотря на старческую немощь, имел несокрушимую волю, острый ум и огромный опыт. Он повелевал всем христианским миром, управляя церковью железной рукой и ввергая в трепет властителей и монархов.

Откуда-то из глубины террасы, из-за кадок с розовыми кустами, появился человек в простой темно-красной сутане тонкого флорентийского сукна и красной кардинальской шапочке. В свои шестьдесят лет старый соратник Григория, кардинал-епископ Санто Сабино, легат в Ломбардии и Тоскане, выглядел на фоне папы не таким уж и старым человеком.

– Что скажешь, брат Гоффредо? – с трудом повернувшись в его сторону, спросил Григорий. Его низкий, с хрипотцой голос звучал чисто и властно.

– Скверные новости, брат Уголино, – ответил тот. – Только что прибыл гонец из Отранто и привез послание из Акры. Император Фридрих, невзирая на отлучение, все же прибыл в святую землю. Едва высадившись на берег, он сразу же бросил все силы на постройку крепости в Яффе, намереваясь, по завершении работ, начать крестоносную войну и освободить Иерусалим.

– Значит, несмотря ни на что, этот еретик намеревается отобрать у мусульман Святой Град? – Взгляд папы стал жестким и колючим, а его пальцы, словно когтистые лапы коршуна, вцепились в подлокотники кресла. – А как же его переговоры с каирским султаном?

– По донесениям наших осведомителей, переговоры идут полным ходом. Однако Фридрих и его маршалы здраво рассудили, что, если они будут располагать мощной цитаделью с защищенным морским портом, расположенной всего в двух-трех дневных переходах от Иерусалима, то договориться с аль-Камилем будет намного проще.

– *Vis passim para bellum*, – пробормотал папа. – Хочешь мира – готовь войну. Как военачальник и стратег, этот сицилийский выкормыш всегда принимает безупречные решения. Но все его начинания обречены, потому что язва мирских, греховных знаний бельмами разъедает его душу. Он не понимает, что с последователями пророка Магомета нельзя ни о чем договариваться, а нужно вести беспощадную войну. У нас же ни по эту, ни по ту сторону моря давно уже нет и, увы, скорее всего больше не будет армий, способных не то что сокрушить ислам, но даже восстановить Иерусалимское королевство в тех границах, что оно занимало до войны с Саладином...

– Ты прав, брат Уголино, – кивнул кардинал-епископ. – У христианского мира нет сил, чтобы одолеть ислам. Поэтому выход у нас лишь один. Если мы не обратим в нашу веру языческие орды рвущихся к новым завоеваниям монголов и не направим их на Багдад и Дамаск, то не пройдет и нескольких десятков лет, как Восток будет потерян для христиан навсегда...

– Уже больше двадцати лет, – продолжал говорить Григорий, не обращая внимания на слова своего собеседника, – с тех самых пор как мы узнали о зарождении новой восточной империи, сначала папа Иннокентий, а затем и я, скромный продолжатель всех его начинаний, готовим союз с монголами, неся этим диким кочевникам свет христианской веры. Да уготовано райское блаженство всем нашим братьям-францисканцам, которые умерли смертью мучеников, сгинув в лесах и пустынях, корчась на дыбах у разбойников-эмиров и сгнивая заживо в арабских зинданах, пока мы, соблюдая строжайшую тайну, не смогли, наконец, снестись с их предводителем, Чингисханом, склонив его к обращению в христианство и союзу со Святым престолом! И вот, когда все уже было решено, и нам оставалось лишь передать монгольскому императору сигнал к началу войны, в дело вмешался Фридрих. Сам он, желая опередить наших новых союзников, отправился в поход, а его тайные агенты получили приказ любой ценой разорвать цепь посредников, которая соединяла Святой престол и ставку монгольского императора. И это им удалось. Они вышли на след нашего тайного эмиссара, брата Базила, который возвращался в Италию, и гнали его, словно раненого оленя, через Русь, Польшу,

Германию, Арденны, Реймс, Бургундию и Прованс. А потом настигли на борту нефа, ^[2] идущего в Неаполь, и убили, тем самым оборвав последнюю ниточку, соединяющую нас с посланцем монголов, ожидающим в Акре.

– А вот здесь могу порадовать тебя, брат, – снова вмешался в монолог Григория кардинал Гоффредо. – Этот же гонец доставил еще одну, на сей раз хорошую весть. В дела Святого престола вмешалось провидение Господне. Патриарх Иерусалимский, Геральд де Лозанн, сообщает, что два пилигрима, рыцарь и виллан, находившиеся на том же самом корабле, на котором плыл брат Базил, стали случайными свидетелями его убийства. Непостижимым образом им удалось стать обладателями тайного знака, необходимого для встречи с монгольским посланцем.

– И кто же эти пилигримы? – Папа приподнял редкую белесую бровь и устремил на кардинала колючий, пронизывающий взгляд.

– Арденнский рыцарь, Робер де Мерлан, вассал графов Ретельских, а вместе с ним и бургундский вольный виллан по имени Жак из селения Монтелье, – справляясь с пергаментом, который он до этого держал за спиной, ответил Гоффредо. – Они, как пилигримы, направлялись в Акру. Рыцарь принял крест по настоянию архиепископа Реймса, который защитил сеньорию Мерлан от посягательств тамплиеров. А виллан дал крестоносный обет, спасаясь от преследования графов Колиньи-ле-Неф, против которых он поднял бунт, когда те потребовали от его молодой жены исполнения права первой ночи. Как выяснилось, целый год судьба восточного христианства находилась у них в руках. Прибыв в святую землю, они, не ведая, какой ценностью обладают, попали в самый настоящий переплет. Вначале стали врагами агентов императора, затем восстановили против себя барона Жана Бейрутского, после чего едва не были казнены по ложному доносу, но...

– Меня не волнует судьба каких-то там мирян, – Григорий вновь бесцеремонно оборвал кардинала. – Главное, что они выполнили свое предназначение. Так, значит, связь с посланцем Чингисхана установлена?

– Совершенно верно, – ответил Гоффредо, – им оказался небезызвестный мастер Григ, глава гильдии киликийских каменщиков. Далее патриарх пишет, что, в точности исполняя ваше распоряжение, немедленно отправил на Восток тайное посольство.

– Геральд де Лозанн, – недовольно поморщился папа. – Пока он был настоятелем клюнийской обители, в тени славы святого Бернара и в окружении толковых помощников, его исполнительность казалась нам способностью к выполнению ответственных и самостоятельных поручений. Поэтому мы приложили все усилия к тому, чтобы он был избран патриархом, и назначили легатом освободительного похода. Но, очутившись среди тамошней баронской вольницы, которая требует для укрощения сильной воли и твердой руки, он полностью растерялся, боясь принимать какие бы то ни было решения, и начал согласовывать с курией каждый, даже самый незначительный свой шаг. Впрочем, моя задача как духовного пастыря не поминать о прошлом, а, прежде всего, заботиться о будущем. Скажи мне, кого Геральд отправил с посланием на Восток, надеюсь, не беззащитных братьев-францисканцев?

– В поход отправились пятнадцать рыцарей ордена Святого Гроба, во главе с приором Сен-Жерменом.

– Самое доблестное и в то же время самое закрытое крестоносное братство святой земли, созданное для охраны церкви Святого Гроба. Единственный орден, который подчиняется непосредственно патриарху, – Григорий удовлетворенно кивнул. – Сен-Жермен один из немногих преданных нам людей, находящихся в святой земле, на которых можно возложить столь важную миссию.

– А вы не переоцениваете своего протеже? – вкрадчиво усомнился Гоффредо. – Воинская

доблесть, ряд успешно выполненных тайных поручений и победы в нескольких сражениях еще не делают его выдающимся политиком. Уж слишком он помешан на чести и рыцарском долге.

– Я достаточно долго живу на этой земле, чтобы уметь отличать тупого рубаку от человека, способного выполнить свой долг до конца и не растеряться в сложной обстановке, – жестко ответил папа. – Ходят упорные слухи, что Чингисхан отдал Богу душу, и среди его наследников развернулась жестокая борьба. Так что никто не знает, что ожидает посланников по прибытии в Каракорум, и не тебе решать, кардинал, кого мне, святому апостолику, облекать своим высоким доверием.

Отвернувшись от понтифика, словно для того, чтобы отыскать на столе какую-то бумагу, кардинал Гоффредо поджал губы и закатил глаза. При этом выражение его лица было точь-в-точь как у бедного, но честолобивого наследника, который вынужден терпеть все капризы богатого старого дядюшки, помышляя лишь о том, когда же, наконец, Господь призовет того в райские кущи.

– Да, кстати, ваше святейшество, – возвратившись к креслу, добавил кардинал. – В отряде посланников находятся и эти двое, о которых я упоминал, – рыцарь и виллан. Они оба теперь братья ордена Святого Гроба. Вы перебили меня как раз тогда, когда я начал рассказывать о том, что де Мерлан – это тот самый рыцарь, который опозорил вашего внучатого племянника, Пьетро ди Россиано, во время злополучного турнира в Тире...

– Так, значит, это именно они! – снова вскинул брови Григорий. – Действительно, Пьетро, возвратившись из Сирии, рассказал мне о своих злоключениях. Во время поединка он был сброшен на землю, отбил зад и вынужден был отдать в качестве трофеев подаренные мной оружие, доспехи и коня. Рассказывая об этом рыцаре и его оруженосце-виллане, Пьетро не жалел черных красок. Но так как я терплю этого зазнайку и бездельника только лишь из светлой памяти к его бабушке, моей покойной кузине, могу сказать, что для меня его проклятия – лучшая рекомендация для кого бы то ни было. К этим двоим, если они возвратятся назад, конечно, нужно будет присмотреться повнимательнее. Нам всегда нужны доблестные, надежные и, что намного важнее, везучие воины. Кстати, в отряде имеется наш соглядатай?

– Безусловно, ваше святейшество, – кивнул Гоффредо. – Все необходимые распоряжения были отданы заблаговременно, так что человек, который является нашими глазами и ушами, уже среди них или присоединится к ним по дороге.

– Хорошо, – удовлетворенно кивнул понтифик. – Сегодня же надиктуй и отправь патриарху письмо, напоминающее, что интердикт, наложенный на Фридриха, все еще остается в силе, и святой апостолик требует принять все необходимые меры, чтобы Иерусалим был освобожден не еретиком, а истинно христианскими воинами.

– Вы совершенно правы, святой отец, – кивнул Гоффредо, делая пометки на воценой дощечке. – Иерусалим не может быть освобожден отлученным императором. И уж тем более, никак не путем переговоров с неверными. Нужно сделать все, чтобы этому воспрепятствовать. Пригрозить отлучением любого города святой земли, куда ступит его нога, напасть на его здешние владения – только бы он как можно скорее вернулся обратно.

– Действуй, – кивнул Григорий, – и помни: важнее, чем миссия, возложенная на отряд посланников, отныне нет для нас ничего. Вести от них должны доставляться мне незамедлительно в любое время дня и ночи. А теперь ступай, и да поможет нам Бог!

После того как брат Гоффредо скрылся в глубине сада, папа, отказавшись от предложенного камердинером обеда, задремал, сидя в кресле и наблюдая за рыбками, играющими в бассейне. В ожидании привычного в это время корма, рыбки, плавая у самой поверхности, подняли едва заметную рябь, заставив мозаичный лик святого Петра ухмыляться и подмигивать нарисованным на потолке трубящим архангелам.

Глава первая, в которой выясняется, что доброе слово и арбалет действуют порой намного лучше, чем просто доброе слово

Путешествия избавляют от многих предрассудков.

Аль-Масуди

**Иерусалимское королевство, окрестности Акры, 1228 год от Р. Х., по праздниество
Крестовоздвижения (15 сентября)**

Не успел последний ломтик бордово-красного солнца, дрожа в потоках теплого воздуха, скрыться за кромкой моря, как створки ворот Святого Антония стали медленно закрываться, а из надвратной башни опустилась тяжелая, окованная железными полосами деревянная решетка. Затем под действием механизмов, укрытых в боковых барбаканах, почти бесшумно натянулись толстые, густо смазанные жиром цепи, поднимая надо рвом большой подъемный мост. Теперь те, кто желал попасть в столицу Иерусалимского королевства или покинуть ее, должны были ждать до утра либо обзавестись крыльями – в ночную пору преодолеть мощные городские укрепления можно было разве что по воздуху.

Последними, кто успел покинуть Акру до ночной стражи, был отряд рыцарей-крестоносцев в белых плащах с изображенными на них прямыми желтыми крестами – эмблемой Иерусалимского королевства. Этот знак свидетельствовал о том, что всадники, уходящие в ночь, принадлежали к самому закрытому и привилегированному крестоносному братству святой земли – ордену Святого Гроба. Пятнадцать братьев-рыцарей и столько же тяжеловооруженных конных сержантов, в сопровождении слуг и обоза из вьючных и боевых коней, двигались плотной безмолвной массой, явно стараясь как можно скорее удалиться от города.

Едва акрские башни скрылись за первым же холмом, скакавший впереди всадник движением руки остановил отряд.

– Брат Серпен, прими командование! – не оборачиваясь, произнес он негромким властным голосом, обращаясь к высокому широкоплечему рыцарю. – Не очень торопясь и производя как можно больше шума, скачите в сторону деревни Бахайя. Миновав ее, на ближайшем перекрестке сверните на дорогу, ведущую в Капернаум. По ней, как можно быстрее и, вместе с тем, теперь уже как можно тише и незаметнее, мчитесь в сторону Бины, до постоянного двора, который держит Аббас. Не доезжая до него примерно двух полетов стрелы, сверните с дороги в большую смоковную рощу, там ждите нашего возвращения.

– Слушаюсь, мессир! – ответил Серпен, занимая место во главе отряда.

– Сир Робер и брат Жак, вы останетесь со мной, – распорядился предводитель отряда, съезжая на обочину.

Тот, кого он назвал сиром Робером, – рыжеволосый коротышка с топорщащимися в разные стороны жесткими соломенными усами, выполняя приказ, осадил ухоженного вороного коня, стукнув его рукояткой плети между ушей, и отъехал в сторону. За ним последовал второй всадник – высокий черноволосый сержант. Это и был упомянутый приором брат Жак.

Серпен дал команду продолжать движение, и вскоре отряд растворился в сумраке. Братья-рыцари точно выполнили приказ. Теперь случайному путнику, повстречавшему отряд,

показалось бы, что по дороге движется не три десятка человек, а целая армия. Не успел топот копыт и гроыхание доспехов затеряться между холмов, как Сен-Жермен развернулся к небольшой тропинке, ведущей в сторону Яффы, и прищпорил коня.

– Слушай, Жак, – обратился рыцарь к своему спутнику перед тем, как двинуться вслед за приором, – что-то я смотрю, не успели мы отъехать от Акры и на три лье, как тут же начались какие-то странности. Отвлекающие маневры, тайные перемещения. Вот, помнится, когда я вместе со своим покойным дядюшкой, графом де Ретель, воевал с англичанами во Фландрии...

– Город и его окрестности кишат шпионами императора Фридриха, Робер, – бесцеремонно перебив собеседника, ответил сержант, – а самые опасные в нашем путешествии именно первые часы. Мессир предпочел пустить врагов по ложному следу, значит, так надо. В конце концов, наше дело – исполнять приказ.

С этими словами оба всадника дали шпоры коням и устремились вслед за приором, чей силуэт уже начал теряться в сгустившейся темноте.

* * *

Бархатная осень Палестины, никак не проявляющая себя днями, по ночам, однако, уже вступала в свои права, подготавливая смену нестерпимо жаркому лету. Время цикад прошло, и теперь пряный воздух восточного побережья был наполнен непривычной, терпкой шуршащей тишиной, которую лишь изредка нарушали тревожные вскрики неведомых ночных птиц. Черный бархат восточного неба нависал над самой головой, и дорогу освещал яркий свет бесчисленных звезд, едва не затмевающих только что взошедшую желто-красную луну.

Всадники пустили коней в частую рысь. Теперь Жак понял, почему предусмотрительный приор выбрал для начала путешествия такое, казалось бы, неудобное и непривычное время. На пустой, безлюдной дороге их не могли незаметно преследовать соглядатаи. К тому же после закрытия ворот покинуть город было совсем не легко.

Несясь во весь опор, они обошли Акру стороной и вскоре оказались у моста через реку Рикордан. Выше по течению шумела, падая с плотины, вода и стучали жернова – это работала тамплиерская мельница.

– Единственное место на много лье окрест, где можно беспрепятственно переправиться на другую сторону реки, – пояснил Сен-Жермен, – и у нас здесь назначена встреча.

Они въехали на каменный мост. Едва кони достигли его середины, как от толстого ствола большого раскидистого дерева, растущего на противоположном берегу, отделился силуэт всадника. Вороной першерон, черный сюрко^[3] и черное седло делали его похожим на Черного Тамплиера из знаменитой легенды. Поперек седла всадник держал большой богато инкрустированный арбалет. Жак и Робер произвольно осадил коней и схватились за мечи. Однако, когда всадник приблизился на расстояние нескольких шагов, выяснилось, что это тайный посланник Чингисхана, глава гильдии киликийских вольных каменщиков, мастер Григ.

– Фух, вы бы хоть предупреждали, мессир, – облегченно выдохнул Робер, – а то тут всякая чертовщина в голову лезет...

«Тоже испугался, хоть и рыцарь», – позлорадствовал Жак.

– Здравствуйте, достопочтенный! – воскликнул Сен-Жермен.

– Так вот, значит, как все задумал наш мессир, – пробурчал арденнский рыцарь, вкладывая в ножны меч. – Сразу убить не двух, а даже трех зайцев: пустить возможную погоню по ложному следу, встретиться с вами в безопасном месте да к тому же и приглядеть, не отправлен ли вслед за нами шпион...

Кони киликийца и арденнского рыцаря тоже узнали друг друга. Ветер Робера наклонил голову, неприязненно всхрапнул и сделал правым копытом роющее движение. Лаврентиус-Павел мастера Грига громко втянул воздух обеими ноздрями, фыркнул и тонко, недовольно заржал.

– Ты прав, брат Робер, – кивнул приор. – До рассвета далеко, а если кто-то отправлен из города в замок Рикордан, к Фридриху, с сообщением о нашем отъезде, то этого места ему не миновать. Так что устроим засаду.

Они съехали с дороги и укрылись за тем же самым деревом, за которым их ожидал мастер Григ.

– Отличное место! – оглядевшись, поцокал языком Робер, – лучше не придумать. Под деревом хоть рыцарский отряд поставь – с дороги ничего не разглядишь. Зато любого, кто скачет из Акры, видно как на ладони еще за полполета стрелы до моста...

– Тише, брат-рыцарь, – прошептал Сен-Жермен, – кажется, я слышу стук копыт на дороге. Приор оказался прав. Вскоре со стороны Патриарших ворот раздался мерный цокот копыт, и из-за холма появилась, быстро приближаясь, фигура всадника.

– Позвольте мне, мессир, – снова вытянул меч де Мерлан. – В Акре нет такого коня, чтобы от Ветра ушел.

Скаун, словно подтверждая слова хозяина, нетерпеливо всхрапнул...

– погоди, брат Робер, – остановил его приор, – стычка пока не входит в наши планы. Мастер Григ, – обернулся он к вольному каменщику, – не желаете ли вы продемонстрировать свое искусство стрельбы из арбалета?

– С удовольствием, мессир! – ответил киликиец, с натугой взводя рычагом тугую короткую тетиву.

Сен-Жермен удовлетворенно кивнул:

– Только очень вас прошу оставить его в живых. Хотелось бы знать, какие планы вынашивают наши противники.

– А вдруг это мирный путник? – спросил у Робера Жак. – А мы его вот так, ни за что ни про что...

– Скачущий во весь опор, в полночь, из Акры, где все ворота заперты, в сторону Рикорданского замка, где сейчас находится император Фридрих? – Робер сочувственно поглядел на приятеля. – Воистину в такой ситуации разве что можно предположить, что он просто хочет передать императору от нашего патриарха пожелания доброй ночи...

Всадник с разгону влетел на мост. Мастер Григ приложил приклад арбалета к плечу и начал поворачиваться, сопровождая цель. Стукнула, освобождаясь, тетива. Свистнул в воздухе арбалетный болт.^[4] Конь незнакомца всхрапнул, высоко вскинул круп, выбросил, словно катапульта, седока и, перевернувшись через голову, кубарем покатился по придорожной траве.

– Вперед! – крикнул приор.

Рыцари, дав шпоры лошадям, выскочили из-под дерева.

– Не особо удачный выстрел, мэтр! – покачал головой Сен-Жермен. – Вы попали точно в круп. Конь с перепуга потерял равновесие, не удержался на ногах и сломал себе шею.

– Я ведь ни разу в жизни не участвовал в настоящем бою, мессир, – извиняющимся тоном отвечал киликиец. – Кто же мог подумать, что, если стреляешь в подвижную мишень, нужно брать такое большое упреждение...

– Да господь с ним, выстрел не так уж и плох, – ответил дипломатичный приор, – во всяком случае, то, что от вас требовалось, вы сделали. Что касается всадника...

– Ба! – воскликнул де Мерлан, подойдя поближе к неподвижному телу. – Это не святая земля, а какая-то большая деревня, вроде моего родного Ретеля. Куда ни ткнишь, везде знакомые

лица.

– Вы что, знаете этого человека? – спросил приор.

Жак подошел поближе. Перед ним, раскинув руки, закрыв глаза и устремив четко очерченный юношеский подбородок навстречу почти достигшей зенита половинке луны, лежал бывший парижский студиязус, ныне приближенный императора Фридриха, Николо Каранзано, с которым друзья познакомились во время плавания в святую землю.

Робер осторожно ткнул его в бок носком сапога. Флорентинец застонал.

– Жив! – обрадовался Робер. – Что будем делать, мессир?

– Мы не можем здесь больше задерживаться, – ответил Сен-Жермен. – Мастер Григ, похоже, именно у вас самый сильный конь. Не могли бы вы повезти этого молодого человека? Мы заберем его с собой, а когда он очнется, решим, что с ним дальше делать.

– Кажется, у него сломана нога, – озабоченно сказал киликиец. – Я в юности учился на лекаря и немного разбираюсь в подобных вещах. Прошу вас, друзья, помогите мне положить его на спину Лаврентиус-Павла.

– А как поступить с его лошадей? – спросил Жак. – Если ее найдут на дороге, то могут выйти и на наш след.

– А вот за это не беспокойся, брат-сержант, – Робер крикнул, поднимая студиязуса на круп капризно храпящего першерона. – Выдерну стрелу, а об остальном позаботятся местные жители. Времена сейчас голодные, так что не успеет взойти солнце, как в десятке окрестных очагов уже будет булькать похлебка и шипеть жаркое из свежей конины. – Эх, Ветер! – Рыцарь похлопал по шее своего жеребца. – Да убережет нас с тобой Господь от столь незавидной участи...

Перекинутый через круп Каранзано снова громко застонал.

– Он уже приходит в себя, – обеспокоенно произнес мастер Григ, – давайте-ка пришпорим коней! Юноше нужно как можно скорее наложить шину, чтобы он не остался калекой на всю жизнь.

Всадники, не возвращаясь на мост, поскакали на шум запруды.

– Последняя предосторожность, – пояснил Сен-Жермен. – Чтобы исключить любую погоню, я попросил великого магистра, своего давнего друга Пере де Монтегаудо о помощи, и мы возвратимся обратно на тот берег по дамбе тамплиерской мельницы. Брат-сержант, который за ней присматривает, получил необходимые указания. Этой ночью он будет спать как мышь и потом даже на исповеди сможет побожиться, что ничего не видел и не слышал.

* * *

Жак за все время пребывания в святой земле не заезжал вглубь страны дальше ливанских предгорий в окрестностях Тира. Теперь же он с удивлением наблюдал, как с каждым лье местность менялась прямо на глазах. Плодородную прибрежную равнину сменила скалистая земля, густо поросшая странной растительностью, – растущие вразнотык невысокие деревья самых непредсказуемых форм торчали среди скалистых обломков, словно встопорщенная шерсть у мокрой кошки. Лишь изредка бесконечные заросли этого то ли маленького леса, то ли высокого кустарника прерывались черными прямоугольниками обработанных полей да ровными рядами оливковых, апельсиновых и смоковых рощ.

На подходе к постоялому двору приор остановил отряд напротив одной из рощ и подал условный знак. Из-за деревьев тут же появились всадники, и к путникам подъехал брат Серпен:

– Я уж думал отправлять вам навстречу разъезд, мессир! Близится рассвет...

– Нас задержал пленник, – ответил Сен-Жермен, – он ранен и требует немедленной помощи. Дайте команду, брат-рыцарь, двигаться поскорее.

Местом встречи с караваном был определен постоялый двор Аббаса. Этот прячущийся за высоким забором не то франкский странноприимный дом, не то сарацинский караван-сарай, более напоминающий хорошо укрепленное тамплиерское командорство, пользовался одновременно и доброй, и дурной репутацией. Из рассказов брата Серпена Жак знал, что хозяин этого места, Аббас, был человек неизвестного происхождения и вероисповедания. Одни говорили, что он бывший тамплиерский туркопол,^[5] по выслуге лет ушедший на покой, другие, – что это принявший ислам нормандский рыцарь, долгие годы возглавлявший разбойничью шайку, которая держала в страхе южные пограничные земли. Правда это или нет, выяснить было невозможно: все лицо его было покрыто шрамами, и никто ни разу не видел, как и кому этот человек молится. Для пилигримов, незнакомых с Востоком, его постоялый двор легко мог стать местом последнего приюта – чужак здесь считался законной добычей. Зато любой вооруженный человек, живущий в Палестине – неважно, франк или сарацин, – заплатив за постой, мог чувствовать себя в полной безопасности. Аббас немедленно пресекал любые попытки обнажить оружие и в отношении дел своих гостей был нем как рыба. Зная о странном кодексе хозяина, многие местные владельцы – и христиане, и мусульмане – часто приезжали сюда на тайные переговоры.

Аббас был предупрежден о приезде большого отряда. Едва последний всадник очутился внутри, безмолвные слуги затворили мощные ворота с хорошо смазанными петлями и задвинули тяжелый, окованный медью засов.

Сен-Жермен отправился лично проследить за тем, как рыцари, сержанты и оруженосцы переодеваются в приготовленное платье, превращаясь в простых наемников и слуг, а мастер Григ, Жак и Робер занялись пленником.

Киликиец вытянул из ножен острый, словно бритва, кинжал и уверенным движением разрезал у студиозуса брз^[6] от завязок и до самого пояса.

– К счастью, перелом закрытый, – покачал головой киликиец, – достаточно будет наложить шину, и через пару-тройку недель все срастется. Подержите-ка его, чтобы не дергался, – обратился он к стоящему рядом Роберу.

Рыцарь взял студента за плечи, мастер Григ схватился за ногу и начал вправлять сломанную кость. Каранзано вскрикнул от боли, раскрыл глаза и обвел присутствующих мутным взглядом.

– Стало быть, гностики все наврали, и ад все-таки существует, – пробормотал он, поднимая голову. – Кто вы такие, друзья мои? Христианские черти или мусульманские джинны?

– Не расстраивайся, Николо, – ответил де Мерлан. – Я не знаю, кто такие гностики, но они определенно не врут, потому что мы не черти или джинны, а добрые христиане и, мало того, твои старые друзья.

– Вот те на, – широко раскрыл глаза окончательно пришедший в себя флорентинец. – Скакал, поскользнулся, очнулся – на ноге деревяшка привязана, а вокруг злейшие друзья его величества императора. Значит, насколько я разбираюсь в политике Иерусалимского королевства, теперь меня ожидает допрос с пристрастием с последующим отпущением грехов при помощи мизерикордии?^[7]

– Стали бы мы тебя за собой волочить и ногу твою обихаживать! – обиделся де Мерлан. – Поживешь пока, не дрейфь. Зачем скакал посреди ночи в Рикорданский замок, можешь не рассказывать, и так понятно. Ответь лишь, кто тебя послал, – бальи, граф Томмазо?

Николо обреченно кивнул.

– Вот и ладно, – Робер, подмигнув незаметно Жаку, продолжил ненавязчивый допрос: – И

что, по-твоему, теперь должен делать император, пошлет ли он за нами погоню?

– Он не будет рассеивать свое войско и так невеликое, – покачал головой студиозус. – Если с утра вслед за вами и выйдет отряд, он не будет удаляться от Акры.

– Стало быть, дальше пограничной ар-Рамы нас преследовать не станут, – подытожил Робер. – Так что, как говорил покойный дядюшка, граф Гуго де Ретель, запирая пленников рыцарей в подземелье своего замка: «Чувствуй себя как дома». Мы пошли готовиться к путешествию, а ты пока побудешь в компании моего слуги.

В комнату вошел Рембо. Бывший жонглер, ныне оруженосец де Мерлана, знал Николо еще в Марселлосе. При виде своего бывшего покровителя он превратился в столб. Каранзано при виде старого знакомца, в свою очередь, изменился в лице.

– Здесь не хватает, пожалуй, только доблестного капитана Турстана, чтобы почувствовать, будто мы снова плывем на «Акиле» из Марселлоса в Мессину...

Жак и Робер, оставив бывшего жонглера и бывшего студента вспоминать о своих дорожных приключениях, вышли в общий зал.

– Я одного из надежных слуг поставил за соседней стеной, – пробормотал Робер, – пусть послушает, о чем они там говорят, – нет ли все же измены? Если они не в сговоре, то берем студента с собой. Если же что не так – то отдадим Аббасу.

До утра осталось не так уж много времени, и друзья, переодевшись в светские наряды, начали обустриваться на ночлег.

– Как говорил мой покойный дядюшка, граф Гуго де Ретель, объявляя на марше привал: «Отдых – это оружие. Людей, которые умеют отдыхать, еще меньше, чем тех, кто умеет работать».

С этими словами достойный рыцарь взбил устроенную из охапки сена постель и двинулся в противоположный угол комнаты, где лежали вязанки хвороста. Взяв одну из вязанок в руки, он вдруг остановился напротив двери.

– Что там? – спросил Жак.

– Тише, – рыцарь встопорщил усы и прижал палец к губам. – Слышу шум на дороге. Похоже, у ворот не меньше десятка всадников. Воистину у Аббаса сегодня удачный день, а точнее ночь – от гостей просто нет отбоя...

В подтверждение этих слов снаружи раздался громовой голос:

– Хозяин, именем императора, отворяй калитку! Мы выполняем особое поручение и хотим тебя кое о чем расспросить!

– Расспросить Аббаса? – хмыкнул Робер. – Он бы еще захотел допросить надгробную статую крестоносца в родовом склепе замка Ретель. Ей-богу, узнал бы гораздо больше...

– Тихо! – на сей раз оборвал приятеля Жак. – Похоже, Аббас все же впустил их вовнутрь.

Судя по голосам, в зал вошли трое.

– Мы гонимся за рыцарским отрядом, выехавшим на закате из Акры, – послышался чистый высокий голос. – Они направились вдоль побережья на север, в сторону Тира, но затем неожиданно свернули на восток. Мы отследили их путь до дороги, ведущей в Капернаум, однако после твоего постоянного двора никто не видел и не слышал никаких всадников.

– Ничего не знаю, господа, – хриплым разбойничьим голосом отвечал Аббас. – У меня останавливаются разные путники. Вот и сейчас ночует киликийский торговый караван. А никаких рыцарей, ускользавших в сторону Галилеи, я видеть не видел, в чем могу поклясться хоть Девой Марией, хоть боевым верблюдом пророка...

«Хитер наш хозяин, – подумал Жак, – он ведь и в самом деле не видел, как мы ускользали в Галилею».

– Ладно, шут с тобой, – громыхнул второй. – Сейчас поедem дальше искать. Только время

зря потеряли. А пока принеси-ка нам кувшин вина, горло промочить, да вели подать воды нашим воинам.

Скрипнула дальняя дверь – Аббас отправился исполнять поручение нежданных гостей. Дождавшись ухода хозяина, двое незнакомцев продолжили разговор.

– Ох и не нравится мне все это, – сотрясая воздух, громыхнул первый. – Ну отправил Фридрих тевтонский отряд за кем-то в погоню, он император, его право. Но зачем меня-то было посреди ночи поднимать? Ведь мой господин, бальи граф Томмазо, отлично знает, что я, после той стычки, с любым братом-тевтонцем на одном поле и сусликов ловить не стану...

– Не переживайте, монсир, – ровным вежливым голосом, в котором, однако, сквозил холод ирландских морей, отвечал второй. – Поверьте, что и я, как собрат госпиталя Святой Марии Тевтонской, испытываю по отношению к вам не менее теплые чувства. То, как вы насмерть зарубили пятерых наших братьев в ответ на их вполне законное замечание о недопустимости распевания громких песен в трапезной комтурии во время заутрени... Но, хорошо зная вашего господина, графа Томмазо д'Арчерра, возьму на себя смелость предположить, что он просто решил приставить к нам свое доверенное лицо, дабы быть уверенным, что ваше отношение к ордену обеспечит самый беспристрастный надзор.

– Да уж, то, что за вашим братом нужен глаз да глаз, это точно, – снова прогремел шумный собеседник. За дверью слышались тяжелые шаги – разговаривая, он ходил по комнате. – Уж больно хитер ваш великий магистр. И императору хочет угодить, и в то же время с тамплиерами старается не ссориться. Ну да ладно, сейчас чуть передохнем да поедем дальше. Только чует мое сердце, что никого мы не найдем. Нужно, конечно, для очистки совести проверить, что тут за караван квартирует. Да, кстати, а это что тут за ручка...

Его голос оборвал треск и грохот. Тяжелый дубовый засов хрустнул и отлетел в сторону. Дверь в комнату, где прятались Жак и Робер, отворилась, словно от порыва ураганного ветра, и на пороге выросла, загораживая весь проем, гигантская фигура. Низко склонив голову, через порог переступил и выпрямился, задевая макушкой черную от копоти потолочную балку, воин столь невероятных размеров, что Жаку, чтобы разглядеть его лицо, пришлось задрать подбородок.

Вязанка хвороста, которую нес Робер, с первым ударом в дверь выпала у него из рук, и сразу же в воздухе блеснуло лезвие меча. При виде обнаженного оружия гигант взревел, как раненый буйвол, и одним ухватистым движением отцепил от пояса тяжелую булаву. Жак, толком не сообразив, что происходит, ринулся на помощь де Мерлану, а из-за спины громогласного обладателя булавы показался рыцарь с тевтонскими крестами на сюрко, сжимающий в руках длинный кинжал.

– К оружию! – воскликнул тевтонец.

Но не успели противники броситься друг на друга, как их остановил громкий властный голос:

– Стойте, прах меня побери! Клянусь дыханием Яхве, сандалиями Мухаммеда и мечом архангела Гавриила, что, если вы все сей же миг не опустите оружие и не разойдетесь по разным углам, то я прикажу слугам наглухо запереть все двери снаружи и своей рукой подожгу дом. Или решайте свои споры мирным путем, или покиньте мои владения!

На пороге комнаты стоял разъяренный Аббас. У него за спиной толпилось не меньше десятка вооруженных копьями слуг.

– Ладно-ладно! – воскликнул в ответ Робер. – Мы не собираемся тут воевать, просто подстраховались от неожиданностей. К тому же мы с этими господами отлично знаем друг друга. Недобитый Скальд, это опять ты?

– Нет, это призрак твоей покойной прабабушки! – ворчливым голосом отозвался гигант. –

Так вот, значит, за кем нас отправили в погоню, подняв посреди ночи! Знал бы я, что неведомые враги императора – это мои лучшие друзья, Жак и Робер, я бы в жизнь не согласился на то, чтобы вас преследовать.

– А вы, сир де Барн, снова решили исполнить роль наших конвоиров? – немного придя в себя, спросил у тевтонца Жак.

– Что поделаешь – служба. Мой эскадрон сопровождал великого магистра Германа фон Зальца в Рикорданский замок, к императору, где мы остались на ночлег. Незадолго до полуночи эскадрон был поднят по тревоге... – Тевтонец сделал многозначительную паузу и недовольно покосился на Аббаса.

Убедившись, что более спокойствию постоянного двора ничто не угрожает, а недавние противники хотят поговорить без лишних свидетелей, понятливый хозяин подал знак своим слугам и вместе с ними скрылся за дверью.

– Как выяснилось, – продолжил рассказ де Барн, – ночью к воротам Акры был послан императорский гонец с каким-то тайным поручением. Он-то и наткнулся у моста на труп лошади, на чепраках которой были изображены гербы флорентийского дома Каранзано. Так как Николо Каранзано входил в свиту императора, гонец немедленно вернулся назад и доложил о находке графу Томмазо. Тот, как королевский балли, немедленно попросил военной помощи у великого магистра, и мессир фон Зальца отправил нас на поиски убийц, или, скорее, похитителей, – тело несчастного флорентинца обнаружить так и не удалось. Добравшись до Акры, мы выяснили, что из города под вечер вышел вооруженный до зубов отряд. Мы бросились за ним в погоню и шли по следам, пока не потеряли их сразу же после этого постоянного двора.

– А вот теперь вы мне объясните, приятели, – миролюбиво, но подозрительно прогудел Недобитый Скальд, – с каких это пор рыцарь и оруженосец ордена Святого Гроба путешествуют в простом платье и подражаются на охрану киликийских караванов. Да и вообще, хотелось бы мне знать, откуда это вот он, – гигант развернулся в сторону стройного тевтонца, – так хорошо знает моих старых друзей.

– Мы давно знакомы, – вспыхнул де Барн. – С сиром Робером де Мерланом и братом-сержантом Жаком из Монтелье нас связывает трагическая история, когда они едва не были казнены по ложному доносу. А вот меня удивляет, каким образом с ними знакомы вы!

При этих словах Недобитый Скальд чуть не лопнул от возмущения.

– Да с Робером де Мерланом мы еще в юности сражались бок о бок под знаменем французского короля против германцев и англичан! – прорычал он, делая огромные усилия, чтобы не схватиться за булаву. – А Жака я знаю еще с того самого дня, как они вдвоем впервые ступили на землю Акры.

Прервав назревающий спор, в комнату заглянул Рембо. Он еще не успел переодеться и потому предстал перед глазами в наряде орденового слуги. Недобитый Скальд нахмурился. Оруженосец Робера, знавший о крутом нраве гиганта не понаслышке, тут же исчез.

– Ладно, – проворчал Робер. – Кто из вас наш больший друг, я думаю, вы всегда успеете выяснить. Сейчас речь идет о том, что мы будем делать дальше. Точнее, как поступите вы, господа?

– Что тут происходит? – Теперь в комнату заглянул брат Серпен. – У ворот топчутся тевтонцы, из вашей комнаты слышен подозрительный шум. Рембо пробежал мимо с белым как мел лицом...

– Все в порядке, приятель, – миролюбивой улыбкой, которую попытался изобразить Робер, хватило бы, наверное, для того, чтобы навсегда помирить всех сторонников папы и императора и по ту и по эту сторону моря. – Скажи мессире, что мы просто встретили старых друзей.

Жак дернул приятеля за рукав, но было уже поздно. Серпен хмуро кивнул и исчез.

– Мессиру? – тут же поднял бровь де Барн. – Значит, здесь братья ордена во главе с самим приором. Да уж, ценит ваш патриарх киликийских купцов. И ценит настолько, что выделяет им в охрану своих лучших воинов.

– Ну? – хмуро осведомился де Мерлан. – И что из этого следует?

– Бальи не зря послал с нами преданного лично ему человека, – улыбнулся тевтонец. При этих его словах Недобитый Скальд скривился, будто откусил гнилой инжир.

– Гранмастер фон Зальца шепнул мне на ухо, – продолжил он, не обращая ни малейшего внимания на реакцию своего попутчика, – что он получил тайное послание от великого магистра тамплиеров. Тот очень просил, чтобы, если вдруг посреди ночи начнется заварушка с засадами и погонями, мы не проявляли излишнего усердия в погоне. Так что теперь все зависит от некоего сира Макса – вольного рыцаря из Гента, капитана личной гвардии иерусалимского бальи, который больше известен в Заморье как Недобитый Скальд.

– Очень интересно, – проворчал гигант, смерив тевтонца с макушки до пят долгим, оценивающим взглядом. – Я-то тут при чем? То, что отряд, который ушел вдоль моря, тевтонцы догнать не смогли, графу Томмазо я доложу непременно. Пусть он с вашим гранмастером сам выясняет отношения. А лезть в дела патриархата да шпионить за караванами всяких купцов, это уж увольте. Поэтому сейчас мы выпьем вина и продолжим погоню, дабы совесть моя была чиста.

– Вы хотели испить вина, господа? – Теперь в проходе стоял Аббас, из-за спины которого выглядывал слуга с кувшином на подносе.

Робер и Недобитый Скальд обменялись понимающими взглядами и одновременно повернулись к хозяину, глядя на него с нескрываемым сочувствием, как обычно сильные и здоровые мужчины глядят на умалишенного или смертельно больного человека.

– Воистину, как говорил мой покойный дядюшка, граф де Ретель: «Отправь дурака за вином, он один кувшин и принесет», – с тяжелым вздохом произнес Робер.

– Два кувшина, миротворец! – добавил Скальд. – До рассвета еще достаточно времени.

* * *

Солнце едва успело оторваться от синеющей на горизонте горной гряды, как из ворот постоянного двора выехало пять больших, крытых парусиновыми тентами возов. Спереди, сзади и с боков возы были окружены вооруженными конниками. Наметанный взгляд франкского воина, конечно, сразу бы различил под грубыми серыми сюрко и далеко не новыми железными шлемами не простолудинов, а благородных рыцарей, но для встречающихся по дороге мусульманских крестьян, ремесленников и торговцев все латиняне были на одно лицо.

Волы, запряженные парами, уверенно тянули тяжелые повозки.

– Тяжелые кони под седлом и волы в упряжи, – подъехав к мастеру Григу, сказал Жак. – Не самый быстрый способ передвижения. Сколько времени займет у нас путь до Багдада?

– Арабские всадники с заводными лошадьми проделывают путь от Дамаска до Багдада за три недели, – ответил киликиец. – Но мы не арабы. Отряду придется двигаться по вражеской территории, поэтому рыцарское снаряжение должно быть всегда с собой. Мы долго думали с приором, не взять ли с собой вьючных верблюдов, но, в конце концов, отказались от этой мысли. И не пожалели об этом. Теперь на дне каждого фургона упрятано ваше орденское платье и полный доспех, а поверх него уложено боевое оружие, которое мы якобы везем на продажу. Того, что я закупил, готовясь к походу, вполне достаточно для того, чтобы быстро превратить два десятка рыцарей и конных сержантов в силу, способную противостоять целой армии

мусульман. Сверху лежит дорогое венецианское оружие – мечи, фальшоны, кольчуги, которые я доставляю якобы по заказу одного из монгольских владык. Это объясняет, почему мы движемся на восток. Кстати, как там наш пленник?

– Уже немного пришел в себя, – улыбнулся Жак.

Он оставил киликийца и поравнялся со второй повозкой, где в обществе Рембо ехал Каранзано. Сержант, подосланный проследить за разговором жонглера и студента, вернувшись, доложил, что, несмотря на сломанную ногу, завидев старого знакомого, флорентинец едва не кинулся в драку с криком, что он «убьет подлого шута, который слямзил у него полдень перед выгрузкой в Мессине». Рембо клялся и божился, что его оклеветали, потом вдруг покаялся, на что студиозус сказал: «Дурак, попросил бы – я бы ливр тебе дал».

– Никакой наш Рембо не шпион, – выслушав сержанта, заключил Робер. – Но отпускать его нельзя ни при каких обстоятельствах. Посоветуюсь-ка я с приором, и, если он позволит, возьмем негодяя с собой. Дорога длинная, пока доберемся, поди, и на поправку пойдет да, глядишь, между делом что полезное вспомнит да расскажет.

Флорентинцу, которого безо всяких объяснений утром подняли с лежанки и погрузили в повозку, казалось, было на все наплевать. Он быстро пересадил к себе жонглера, выпросил у сердобольного мастера Грига кувшин его любимого шотландского зелья, «дабы унять боль», и теперь ехал, наслаждаясь жизнью и слушая жонглера, голосащего длинные, как караванный путь, баллады.

Завидев Жака, Николо приветственно помахал рукой, в которой был зажат почти опорожненный кувшин. Жак отрицательно мотнул головой. Студиозус кивнул, соглашаясь, передал сосуд Рембо и подозвал Жака к себе. При этом его лицо мгновенно потеряло привычное разгильдяйское выражение.

– Найди Робера, – произнес он шепотом, едва Жак приблизился настолько, чтобы его расслышать, – и возвращайтесь вдвоем. Мне очень нужно с вами поговорить.

– Звал? – коротко поинтересовался Робер, спрыгивая на ходу с Ветра прямо на передок повозки.

– Звал, – ответил Николо. – Значит, давайте для начала расставим все точки над i. Так получилось, что мы оказались в лагерях противоборствующих сторон. Тут никаких обид друг к другу нет и быть не может. Стало быть, в том, что я, выполняя приказ бальи, ехал со срочным донесением к императору, нет ничего подлого. На то, что вы при этом меня выследили и захватили, я со своей стороны тоже не вправе обижаться. Но вот то, что вы мне оказали помощь и сохранили жизнь, делает меня вашим должником. Видел я рожу этого Аббаса, – Николо передернуло от отвращения. – Оставьте вы меня у него, этот живодер спускал бы с меня шкуру лоскутами до вашего возвращения. А так как отец приучил меня всегда отдавать долги, я не буду откладывать это дело в долгий ящик. Короче говоря, я знаю, что в вашем отряде есть предатель. После приема в Рикорданском дворце, когда все гости разъехались, я договорился с одной смазливой служанкой встретиться в одной из дальних комнат. Надо же такому случиться, чтобы император Фридрих и балья, граф Томмазо, для того чтобы побеседовать с глазу на глаз, пришли именно туда. Я спрятался в нишу за драпировкой и слышал весь разговор. Среди прочего, обсуждая ваши сборы, граф Томмазо сказал императору: «Впрочем, мы обо всем знаем из первых уст. В окружении этого непробиваемого приора есть преданный мне человек».

– Значит, так, – немного подумав, произнес Робер, – про все это никому ни слова. Сен-Жермен человек прямой, и своим поведением он может спугнуть шпиона. А сами будем его искать...

– А он не попробует снова подсыпать отраву в еду, как это было за день до отъезда? – спросил Жак.

– Вряд ли, – мотнул головой рыцарь. – После того случая все стали очень осторожны. Теперь слуги, допущенные к провианту и стряпне, первыми пробуют то, что подается рыцарям и сержантам. Да и опасаться особо пока нечего. Путь у нас неблизкий, а для одиночки так и вообще смертельный. Да и цель нашей поездки, насколько я понял, не секрет для Фридриха. Кто бы он ни был, этот императорский шпион, – до Багдада он от нас не сбежит. А до того времени, думаю, мы его сможем раскрыть.

* * *

Вторую ночь после выезда из Акры посланники провели в пограничном селении Ар-Рама. Здесь, в отличие от постоянного двора Аббаса, рассчитанного как на франков, так и на сарацин, располагался самый настоящий восточный караван-сарай – большой, шумный, суетливый и разноязычный. Купцы из Мосула и Дамаска везли в земли крестоносцев ткани, пряности и рабов и возвращались с рулонами фландрского сукна, оружием и железной утварью, изготовленной в Ломбардии.

До полудня караван двигался против солнца, вдоль бесконечных фруктовых садов. Волы тянули повозки в непривычном для рыцарей медленном темпе, так что командующий конницей брат Серпен дал команду перевести лошадей с рыси на шаг.

Никто из путников, встречавшихся по дороге, на них особого внимания не обращал – франкские торговцы частенько проникали в эти земли и не были здесь редкостью. А если и находился любопытный караванщик, который с высоты верблюжьего горба начинал с удивлением разглядывать крытые возы, то, наткнувшись взглядом на киликийца, понятно отводил глаза. Торговые люди этой нации были здесь не редкостью и, по своему христианскому вероисповеданию, предпочитали для охраны своих грузов нанимать латинских солдат.

Когда солнце достигло зенита, Жак увидел огромную, уходящую вниз, цветущую долину, на дне которой сверкала водная гладь Галилейского моря.

– Так это никакое не море, а просто большое озеро, – разочарованно пробурчал Робер, – таких морей и в Шотландии пруд пруди.

– Может, Галилейское море и не так велико, как принято считать, – отозвался мастер Григ, – но для нас, христиан, оно имеет особое значение. Большинство апостолов, учеников Спасителя, были здешними рыбаками, и сам Иисус, перед тем как отправиться в Иерусалим, проповедовал именно в этих землях...

– А вот и первые гости, – перебил киликийца Робер, который, слушая рассказ, по привычке, выработанной годами военных походов, не забывал все это время внимательно оглядывать окрестности.

Снизу по дороге к ним навстречу скакал отряд в полтора десятка легких всадников в открытых остроконечных шлемах, с маленькими круглыми щитами. У каждого из них из-за спины выглядывал колчан, полный стрел. Братья-рыцари, все как один, опустили руки на рукоятки мечей.

– Дайте команду остановить повозки, мессир, – произнес мастер Григ, обращаясь к Сен-Жермену, – я думаю, что смогу все уладить мирным путем.

Караван остановился. Вскоре сарацины приблизились на расстояние в два десятка шагов и выстроились поперек дороги полукругом. Вели они себя вполне мирно – кривые сабли оставались в ножнах, а короткие луки в седельных колчанах.

– Кто здесь старший? – крикнул сарацин, одетый побогаче своих спутников, явно их предводитель.

Мастер Григ тронул поводья и двинулся ему навстречу.

– Я устал Григ из Киликии, – спокойно произнес он, обращаясь к сарацину. – Я вольный каменщик и следую по своим делам. Каким негладным счастьем я обязан тому, что такой доблестный витязь осчастливил мой скромный караван личной встречей?

– Я эмир Алим аль-Талум, вы находитесь на моих землях, – косясь на мощную грудь Лаврентиус-Павла, произнес сарацин. – Ты не можешь ехать дальше вместе со своими джигитами, если они не правоверные. Отправь их туда, где нанимал. Теперь мои воины будут тебя охранять до самого Дамаска. И если ты будешь щедр, то мы не причиним тебе зла. Мало того, за дополнительную плату вы сможете помолиться у ваших капищ своим трем богам.

Жак не сразу сообразил, что под «тремя богами» сарацин подразумевает Святую Троицу...

– Вот фирман светлейшего султана Дамаска, – в ответ на слова эмира мастер Григ достал из правого рукава пергаментный свиток и покачал у самого его носа большой печатью, висящей на длинном шнурке. – Мой караван движется с его соизволения и имеет право на собственную охрану.

– Эмиром Талума, который вы, неверные, называете Капернаумом, меня поставил сам султан Каира аль-Камил, – горделиво ответил Алим, презрительно косясь на печать. – Я не подчиняюсь бунтовщику из Дамаска, и этот твой фирман – мне не указ.

– Врет, конечно, шелудивый пес, – прокомментировал его ответ Робер, который переводил разговор Жаку и Серпену. – Султаны Дамаска и Каира воюют друг с другом, так что они тут все, поди, вспоминают кто их сюзерен, в зависимости от того, что в данный момент принесет больше выгоды.

– В таком случае, может, уважаемого эмира устроит другой фирман? – холодно осведомился мастер Григ, извлекая из левого рукава свиток потолще, на котором висела печать размером с маленькое блюдце. – Его мне выдал сам султан аль-Камил.

– Если этого сарацинского осла не удовлетворит и сей пропуск, – пробурчал Робер, – то придется, наверное, нам, братья-рыцари, показывать наши собственные фирманы, – он красноречиво положил ладонь на перекладину меча.

– Не кипятитесь, сир, – ответил Сен-Жермен, – эмират Талум простирается по всей мусульманской Галилее, до самого Бейсама. Нам нельзя обнажать оружия, если мы не хотим, чтобы наша миссия завершилась еще до того, как мы окажемся на той стороне заиорданских гор.

На этот раз у эмира не нашлось никаких возражений. Поняв, что с этого каравана ему не удастся получить ни дирхема, Алим недовольно окликнул своих джигитов, огрел плеткой коня и, поднимая клубы серой дорожной пыли, понесся вниз по склону. Мастер Григ махнул рукой, и караван продолжил путь.

– Не думайте, что эмир так легко отпустил богатую добычу только лишь потому, что у нас имеется султанская грамота, – пояснил мастер Григ. – Он рассчитывает напасть на нас во время ночевки в Капернауме или думает подстеречь где-нибудь в ливанских горах. Но мы его разочаруем. Наш путь лежит не в Дамаск, а в обход Галилейского моря, мимо Тивериады. Там, в Хаттине, нас уже ждет проводник, который знает все здешние места и проведет через болота на левый берег Иордана.

* * *

Посланники свернули с главной дороги и двинулись в сторону Галилейского нагорья. Дорога – даже не дорога, а просто едва утоптанная немногочисленными путешественниками

тропа – петляла меж холмов, то и дело открывая виды, один живописнее другого. Но если раскинувшаяся внизу водная гладь с прибрежными деревушками и парусами рыбацких лодок радовала глаз, то холмы, по которым они теперь проезжали, напротив, повергали в уныние. После разгрома христиан Саладином эти земли стали приграничной полосой, которую постоянно разоряли как христианские, так и мусульманские грабители, и обитаемые селения здесь давно превратились в безжизненные развалины. Жак с сожалением рассматривал плодородные и богатые, но заброшенные земли, на которых можно, наверное, выращивать виноград, который будет не хуже бургундского.

Проводник – немногословный, хмурый галилеянин – ждал их в деревне Кефар-Хаттин, первом селении, где они встретили на улицах людей, а не одичавших коз. Солнце уже клонилось к закату, но приор Сен-Жермен не отдал команду на привал, а, к удивлению Жака и Робера, приказал двигаться дальше. Не успела деревушка скрыться из виду, как Сен-Жермен, оглянувшись по сторонам, приказал разбивать лагерь у дороги, напротив весело журчащего меж камнями ручья.

Жак огляделся по сторонам, удивляясь, сколь неудобное место для ночевки выбрал их предводитель. Уходящая вниз долина легко могла укрыть от часовых приближение целой армии, а с противоположной стороны начиналась безжизненная каменистая возвышенность, увенчанная двумя одинаковыми холмами, которые напоминали рожки годовалого теленка, представляющие собой отличное место для засады. Сержант провожал взглядом опускающееся точно меж холмов кроваво-красное, дрожащее в горячем воздухе солнце, как вдруг у него за спиной раздался хрипловатый голос проводника, который начал что-то рассказывать на сирийском наречии.

– Он говорит, – перевел стоящий рядом Робер, – что ему рассказывал об этом дед. Много лет назад, когда в эти места привел свои бесчисленные армии блистательный Саладин, к деревне подошло, сверкая железом, войско христиан. Они направлялись из Кудса в крепость Табария. Франки выстроились у подножия холмов, а Саладин окружил их с трех сторон.

До ночи правоверные, не вступая в бой, медленно теснили христиан в сторону Хаттинских холмов. Но едва на землю опустилась ночь, воины ислама заставили жителей деревни таскать хворост и разложили с подветренной стороны большие дымные костры, которые доставили вашим рыцарям много страданий.

Рано утром железная армада, где все – и кони и люди, отрезанные от воды, – жестоко страдали от жажды, двинулась сюда, к этому самому ручью. Христиане, не считаясь с потерями, пытались пробиться к воде, но султан Саладин поставил у них на дороге своих лучших воинов, и вскоре франки, выбившись из сил, стали отходить назад, собираясь наверху, пока не заняли вершины обоих холмов. Вскоре всех, кто остался в живых, окружили плотным кольцом всадники Саладина. Часть франков смогла прорваться сквозь окружение, бросив на произвол судьбы остальных. Правоверные по приказу султана ринулись вверх по пологим склонам, и там, наверху, началась кровавая беспощадная бойня. Она продолжалась весь день, а когда солнце начало клониться к закату, в седловину, бросая на ходу щиты и мечи, побежала толпа неверных. Они кричали от ужаса, и воины Саладина стреляли в них из луков. И только вот там, на холме, – проводник указал рукой на правый рог, над которым прямо на глазах исчезал последний кусочек заходящего солнца, – еще долго, очень долго, в окружении уцелевших рыцарей в белых плащах, стояла повозка, над которой возвышался большой деревянный крест. Когда крест, наконец, был обрушен на землю, вокруг него не оставалось ни одного живого христианина. Сразу после вечернего намаза мимо деревни, к шатру Саладина, конвоиры погнали толпу пленных, среди которых был и король франков, и его эмиры, и множество рыцарей...

Жак слушал сирийца, затаив дыхание. После того как проводник замолчал, он увидел, что

вокруг собрались все братья Святого Гроба.

– Десять рыцарей, которые защищали карроchio – повозку с Честным Крестом, – в полной тишине произнес Сен-Жермен, – были братьями Святого Гроба во главе с приором. Все они погибли, выполняя свой рыцарский долг. Вступая в орден, я поклялся быть достойным чести и славы тех, кто сложил голову в Хаттинском сражении, и, видит Бог, я сделаю все, чтобы ее исполнить. Давайте же, братья, вознесем молитву за упокой их душ.

Все присутствующие – рыцари, сержанты и слуги – вслед за приором опустили на колени, обратив свои взоры к почти неразличимым в опустившейся на землю ночи очертаниям страшных холмов.

– Мы никогда не ходим наверх, – дождавшись, когда христиане завершат молитву, тихо сказал проводник, – и не пасем на них коз. Там бродят духи непогребенных воинов, а земля после каждых осенних дождей и по сей день смывает вниз щедрый урожай выбеленных временем костей. Но в каждую годовщину сражения мы собираемся в мечети и просим Аллаха, чтобы он простил неверных и дал им покой, потому что они храбро сражались, даже не имея надежды.

Несмотря на усталость после дневного перехода, Жак, чей караул был на рассвете, так и не смог заснуть. Лежа на земле, он, не отрываясь, смотрел на холмы, и ему чудилось, что оттуда доносятся стоны и лязг мечей. Следуя душевному порыву, он встал, вышел из лагеря, опустился на колени и, по воинскому обычаю воткнув в землю меч, сложил перед собой руки. Обращаясь к ярким звездам, мерцающим в седловине, словно души погибших рыцарей, он стал произносить клятву, не задумываясь над тем, откуда к нему приходят эти торжественные и берущие за душу слова. Поднявшись на ноги, он увидел, что чуть в стороне от него молится, стоя перед мечом на коленях, Робер де Мерлан, еще дальше – брат Серпен, а за ним еще один брат-рыцарь.

Жак возвратился в лагерь и уснул, едва его голова коснулась дорожного мешка. Сон его был легким и счастливым. Он видел смеющуюся Зофи в белом льняном платье, бегущую к нему по полю ярко-желтых одуванчиков, каких нет нигде, кроме родного Монтелье, и отца, который стоит у раскрытых ворот и протягивает ему повод оседланного коня, словно провожая сына в дальнюю дорогу...

Сержант проснулся, ощущая на сердце давно позабытую легкость, какую он испытывал, наверное, только в отрочестве, во время учебы в монастыре, после отпущения грехов и святого причастия. Вся его жизнь, которая в последнее время превратилась в нескончаемую борьбу за выживание, словно обрела иное значение и наполнилась особым смыслом. Если до этого он воспринимал их поездку как простую обязанность орденского сержанта, которую он должен исполнять как плату за спасенную жизнь, то теперь он в полной мере осознавал себя частью крестоносного братства рыцарей Святого Гроба. Далекий, загадочный Багдад стал его единственной и вожделенной целью, рядом с которой все прежние страхи и устремления меркли, как исчезают с небосвода звезды при появлении первых солнечных лучей.

* * *

Отряд продолжал двигаться по краю Галилейской долины. Рембо время от времени брал в руки лютню и, скрашивая монотонность пути, наигрывал какую-нибудь веселую прованскую мелодию, а понемногу оправляющийся Каранзано рассказывал о своих студенческих похождениях и бесчисленных интрижках.

После полудня, когда в просветах между холмами стал просматриваться южный край Галилейского моря, перед глазами у посланников выросла одиноко стоящая гора.

– Она напоминает мне тушу огромного кабана, который лежит посреди поляны, уткнувшись носом в землю, – заявил Робер, который как раз рассказывал друзьям про большую охоту в Арденнском лесу, которую устроил в честь короля Филиппа-Августа его покойный дядюшка, граф де Ретель. – Неплохое, однако, место, если нужно защищаться от врага, – добавил он, оглядывая окрестности, – а уж если там, на плоской вершине, поставить добрую крепость, то можно, пожалуй, все эти земли от Тивериады до Капернаума так прижать, что мышь без спросу не проскочит...

– Ты прав, Робер, – ответил Сен-Жермен. – Это место, гора Фавор, и в самом деле ключ не только к Галилее, но и ко всему королевству...

– Мессир! – Его рассказ прервал дозорный из арьергарда. – Нас догоняет большой конный отряд, и разрази меня гром, если это не воины, а простые купцы!

– Кто это может быть? – задал вопрос приор.

– Похоже, – прикладывая ладонь ко лбу, ответил Робер, – что эмир аль-Талум все же решил не упускать добычу.

– Рыцарям и сержантам! – скомандовал Сен-Жермен. – Надеть доспех и не высовываться из-за повозок! Пусть думают, что нас мало. Тогда, если захотят напасть, сделают это сразу, а иначе будут преследовать и нападать по ночам. Брат Серпен, оставайся пока с обозом. Проследи, чтобы рыцари и сержанты полностью вооружились. Оруженосцев также на конь и пусть приготовят копья. Укройтесь за фургонами и ждите моей команды.

Приняв все необходимые меры, приор подозвал к себе трех рыцарей и трех сержантов караульной смены, в числе которых оказались Жак и Робер.

– Наденьте шлемы, братья, и приготовьтесь к бою, – сказал он, направляя коня в сторону приближающегося отряда.

Отъехав от каравана на расстояние в половину полета стрелы, рыцари выбрали небольшой холмик и, выстроившись в шеренгу, стали ждать приближения врага.

– Человек тридцать, от силы сорок, – всматриваясь в катящееся прямо на них пыльное облако, произнес Робер, – хотят атаковать нас с ходу. Если бы это была разведка – то не мчались бы сломя голову.

Тем временем всадники, разглядев рыцарский авангард, а затем и караван, замедлили ход, перевели коней с бега на шаг, а затем и вовсе остановились. От общей массы отделились три всадника.

– Похоже, вы правы, это воины Алима, – щурясь от солнца, сказал мастер Григ. – Вот и отлично!

Сен-Жермен поднял было руку, чтобы остановить киликийца, но было уже поздно. Не дожидаясь приближения парламентаров, тот достал из-за пазухи и поднял высоко над головой охранный фирман. Реакция мусульман оказалась молниеносной. Все трое парламентаров, чуть не подпрыгнув в стремях, завyli, словно стая голодных шакалов, резко осадил своих лошадей и, продолжая вопить на ходу, что было духу припустили обратно.

– Если это и воины Алима, – зашевелились под шлемом усы де Мерлана, – то нападают они на нас явно на свой страх и риск. Вот что, мастер Григ! Этой твоей парадной кольчужкой только сусликов пугать, а показывать сарацинам другие фирманы я бы теперь не рискнул. Так что, огрей-ка своего Лаврентиус-Павла плеткой да скажи что есть духу в укрытие. А мы уж тут сами как-нибудь справимся.

Киликиец не стал тратить времени на пустые препирательства. Он в точности выполнил все указания Робера, и вскоре его знаменитый германский першерон, оскорбленный до глубины души непочтительным обращением, недовольно храпя, двигался в сторону обоза, который издавна казался вымершим и беззащитным. Тем временем незнакомые всадники, отправив в

тыл запасных лошадей, развернулись широким строем и, не прекращая, на первый взгляд беспорядочного, движения, стали приближаться к рыцарям. В руках у них замелькали луки.

– Щиты!!! – закричал страшным голосом Сен-Жермен.

В воздухе засвистело и зажужжало, и через мгновение Жак понял, что кочующее по хроникам избитое выражение «град стрел» – это отнюдь не фигура речи. Едва он успел выставить перед собой каплевидный кавалерийский щит, как по его поверхности часто застучало. Две или три стрелы со звоном отскочили от шлема, недовольно всхрапнул уколотый через хаурт^[9] Бургиньон.

Непроизвольно втянув голову в плечи, Жак подивился мастерству наездников, которые, постоянно перемещаясь, успевали пускать в их сторону стрелы без видимого перерыва. Напавшие на них воины, кем бы они ни были, оказались умелыми и дисциплинированными бойцами. Однако против братьев их луки были бессильны. Вскоре, как нападавшим, так и защищающимся стало понятно, что стрелы не приносят ни тяжеловооруженным рыцарям и сержантам, ни их хорошо защищенным коням ни малейшего ущерба. Мусульмане, чьи колчаны почти опустели, решили сменить тактику. Повинуясь команде, всадники, словно стайка испуганных мальков, одновременно бросились назад.

– Отходим! – крикнул Сен-Жермен. – Сейчас они либо убегут, либо бросятся в атаку.

– Что-то не похожи они на тех, кто вот так, за здорово живешь, выйдет из боя, – разворачиваясь и давая шпоры коню, крикнул в ответ Робер.

– Серпен, вы готовы? – поравнявшись с повозками, воскликнул приор.

– Да, мессир! – отозвался брат-рыцарь.

– Оруженосцам, подать копья! Рыцарям и сержантам, построиться для ударной атаки!

– Вот это правильно, мессир! – одобрительно отозвался Робер, принимая у Рембо тяжелое боевое копьё.

Жак занял место во втором ряду, за спинами у рыцарей и по команде приора, одновременно с остальными сержантами, достал из ножен меч.

Пока рыцари формировали строй для атаки, сарацины убрали луки, сомкнулись и теперь неслись прямо на них, выставив вперед свои копья. Их строй оказался раза в три шире, чем шеренга набирающих скорость всадников, и Сен-Жермен, оценив обстановку, почти перед самой сшибкой успел скомандовать: «Сержанты, по пять человек, разъехаться и прикрывать фланги!»

Две разогнавшиеся конные лавы сошлись, словно льдины во время ледохода, с грохотом и вздымая на дыбы коней. Рыцарская шеренга ударила по врагам, и ни одно из десяти копий не прошло мимо цели. Кожаные доспехи, вполне пригодные для защиты от стрел и сабель, не смогли защитить своих хозяев. Острые стальные наконечники, в которых к моменту удара сосредоточилась вся мощь тяжелого всадника и несущегося галопом коня, с хрустом входили в живую плоть и пронзали тела степняков насквозь, выходя наружу из спин, словно у попавших в ловчую яму волков, скользкими кровавыми кольями. Через несколько мгновений души десятерых воинов уже отправились на мусульманские небеса, а пятеро или шестеро, чудом оставшись в живых, выбитые из седел и покалеченные, корчились на земле под копытами разгоряченных от боя коней.

Сержанты на левом фланге встретили вражеские копья на щиты. Тонкие древка сарацин, предназначенные для ударов по легкой пехоте, не выдерживая столкновения с толстыми дубовыми досками, обтянутыми воловьей кожей и оббитыми железными полосами, с треском ломались. Вылетающих прямо на них всадников братья встречали длинными кавалерийскими мечами, против которых мусульмане оказались бессильны. Правому флангу, где находился Жак, пришлось тяжелее – щиты, прикрывающие левый бок, не защитили от копий и оказались лишь

обузой. Жак, чьи чувства в боевой горячке обострились до предела, смог уклониться от направленного на него наконечника и, дождавшись, когда перед ним появится спина не успевающего осадить коня всадника, точно выверенным ударом – от корпуса, обрушил меч на прикрытый кожаной защитой загривок. Сарацин с разрубленной шеей рухнул на землю. Двум его товарищам, которые скакали слева, повезло гораздо меньше. Нападавшие атаковали, сжимая копья на восточный манер, обеими руками, и, уступая рыцарям в силе удара, значительно превосходили их в точности. Один степняк вогнал копьё прямо в глазное отверстие полумаски, другой угодил своему противнику точно под подбородок.

Первая атака была отбита. Правый фланг нападавших почти без потерь пролетел вперед на несколько десятков шагов. Всадники остановили коней и достали сабли, готовясь ударить рыцарям в тыл, как вдруг со стороны повозок раздались щелчки арбалетов. Из десятка степняков в седлах осталось всего четверо или пятеро. Пытаясь понять, с какой стороны им угрожает опасность, они испуганно оглядывались по сторонам.

Пока сержанты держали фланги, а оруженосцы перезаряжали арбалеты, рыцари успели развернуться, сомкнули строй и, обнажив мечи, снова ринулись в атаку. Сарацины, еще не опомнившись после столкновения, попробовали было защищаться, но почти сразу поняли, что единственным их преимуществом перед франками является быстрота коней. Они попытались обойти противника по большому кругу и броситься наутек. Но арбалеты имели достаточную дистанцию стрельбы для того, чтобы достать их и на этом расстоянии. После второго залпа к храпящим в стороне заводным коням неслось всего двое, один из которых, судя по блестящей на солнце кольчуге, был предводителем отряда разбойников. Сержанты бросились за ними вслед, но беглецы, не обращая внимания на отстающую погоню, изо всех сил хлестали лошадей.

– Уйдут, проклятые! – завопил Робер. – Чтоб им ни дна, ни покрывки...

Тут за спиной у рыцарей хлопнуло и зажужжало, затем над головами просвистела тяжелая арбалетная стрела, и предводитель кулем повалился с коня.

– А вы определенно делаете успехи в стрельбе, – сняв шлем, Сен-Жермен развернулся к подскакавшему со стороны повозок мастеру Григу. – Меткий выстрел, мэтр. К тому же с руки и на полном скаку.

Три степняка – единственный уцелевший в бою и двое оставленных для присмотра за лошадьми, изо всех сил нахлестывая коней и вздымая клубы пыли, быстро удалялись в сторону горизонта, а в небе над полем боя уже кружило с десятков появившихся, словно по волшебству, стервятников.

Сен-Жермен приказал на всякий случай выставить наблюдателей, после чего братья ордена Святого Гроба начали подсчет убитых. Робер не ошибся в первоначальной оценке численности противника – на земле лежало тридцать два человека.

С рытьем могил для погибших они провозились до глубокой ночи – каменистая почва упорно не желала, чтобы воины крестоносного братства легли в землю, как и положено по христианскому обычаю, на глубине человеческого роста. С первыми лучами солнца скорбная работа была завершена, и братья, помолившись за спасение душ своих товарищей, продолжили путь, оставив место боя уже давно опустившимся на землю и в нетерпении переступающим с ноги на ногу стервятникам.

Вскоре гора Фавор скрылась из виду. Продолжая путь, они достигли южной оконечности Галилейского моря. Теперь перед ними лежала необъятная заболоченная равнина, на противоположной стороне которой синели неясные очертания скалистой гряды. Посреди равнины змеилась лента реки с многочисленными рукавами и притоками.

– Иордан! – всматриваясь вдаль, произнес мастер Григ. – Теперь наша цель – вон то дальнейшее нагорье.

– И как мы, черт побери, проберемся на противоположную сторону с этими телегами? – искренне удивился Робер. – Там и коням-то, похоже, не пройти, не то что этим тушам, – он кивнул в сторону невозмутимых волов.

– По-твоему, сир рыцарь, – ехидно поинтересовался киликиец, – я отдал кучу денег проводнику только лишь за то, чтобы он рассказывал про сражения да указывал нам, словно слепцам, торный путь? Еще в незапамятные времена местные жители проложили по долине гать из смоленых бревен, которая поддерживается и по сей день. Наш проводник и представляет гильдию, которой известны все места и приметы, которые позволяют безопасно переходить на противоположную сторону. Этим путем пользуются контрабандисты всех мастей, а также и те, кто желает пробраться незамеченным в латинские земли и обратно.

– Придержите лошадей, братья-рыцари! – прерывая все разговоры, прогремел голос Сен-Жермена. – Сержантам и слугам спешиться и страховать повозки. Начинаем спуск.

– А как же обед? – тоскливо произнес Робер, покосившись на солнце, которое уже висело у них за спиной, явно готовясь к закату.

– Собери в кулак все свое терпение, – ответил проводник, который трусил рядом на своем муле, – следующий привал мы устроим только после того, как пересечем Иордан.

Прошло совсем немного времени, как вдруг пологий склон завершился, круто уходя вниз, до самого дна долины. Пока разъезд, высланный приором на разведку, мчался вниз по петляющей, словно змея, дороге, а возницы проверяли и подтягивали упряжь, Жак, оглядываясь по сторонам, увидел в двух-трех полетах стрелы справа на небольшом возвышении развалины каких-то укреплений.

– Это крепость Бельвуар, – пояснил стоящий рядом Сен-Жермен. – Когда-то госпитальеры выкупили небольшой форт у сеньора Тивериады и возвели здесь мощную крепость. Наш приятель-проводник и все контрабандисты окрестных селений вспоминают те годы, как самое черное время. Госпитальеры стали брать с них дань и прекратили набеги отрядов, приходящих из-за Иордана. Но крепость уже давно разобрали под фундамент, и теперь эти земли снова превратились в пограничную полосу.

– Вас тут послушать, так речь идет о деревянном частоколе, – воспользовавшись паузой, вклинился в рассказ Робер. – Слушаешь любой рассказ о войнах и удивляешься – то крепость разобрали, то крепость вновь построили.

– А ты хоть раз, в том же Тире, рассматривал вблизи, из чего построены стены и башни? – ответил вольный каменщик. – Пиленый ракушечник – это не гранит, из которого возводят замки на Западе. Ровные прямоугольные блоки хорошо составляют в любые конструкции. Их кладут на тонкий слой слабого раствора, поэтому здешние крепости возводятся за год-другой, а разбираются до фундамента за три-четыре месяца.

Спуск в долину прошел без происшествий. Вблизи оказалось, что заболоченная пойма Иордана не так уж и непроходима, как виделось сверху. Она, скорее, представляла собой архипелаг, состоящий из множества островков, разделенных озерцами, протоками и просто подтопленными местами. Камыш здесь был столь высок, что, по выражению Робера, через долину можно было незаметно провести не только небольшой караван, но и стадо слонов.

Двигаясь вдоль кромки болот, они вскоре вступили на отлично замаскированные, а оттого незаметные для неискушенного взгляда бревна. Гать оказалась надежной, так что вскоре кони и осторожные волы перестали бояться и затрусили по ней словно по наезженному тракту.

Весь последующий путь до осыпавшегося от времени небольшого каменного моста, переброшенного через русло реки еще римлянами, прошел без неожиданностей. Болота, где человек был редким гостем, оказались наполненными жизнью. Здесь селилось бесчисленное количество птиц и обитали мелкие и крупные звери. Робер, привыкший к охоте на другую,

менее беззащитную дичь, не обращал внимания на то и дело выскакивающих под ноги зайцев и фазанов да пасущихся на сухих лужайках непуганых газелей. Зато мастер Григ, на протяжении всего пути упорно упражнявшийся в стрельбе, наконец-то смог продемонстрировать свое искусство и подстрелил сдуру выскочившего на тропу здорового секача, обеспечив отряд мясом на несколько дней вперед. День оказался очень длинным и утомительным. Жак, наевшись до отвала жареной свинины, опустился на теплую землю и, слушая монотонную речь рассказчика, быстро и незаметно для себя уснул.

* * *

Наутро отряд быстро добрался до подножия Заиорданских гор. Жак не успевал удивляться тому, как быстро изменялась окружающая их местность. Спустившись в долину, перебравшись через Иордан – маленькую, по бургундским меркам, речку – и проехав несколько лье, они вдруг попали в совершенно иной мир. Здесь все было не так, как в Галилее. Теперь их окружали не бархатные холмы с пологими склонами, а коричнево-желтые скалы, изрезанные промоинами, на которых кустились жесткие и такие же желтые, как и приютившие их скалы, травяные пучки.

Перед самым въездом в ущелье, по дну которого им предстояло подняться наверх, безропотные до сей поры волы, завидев, что зеленый ковер сочной болотной травы остается позади, а ему на смену приходит редкая растительность, больше напоминающая верблюжьи колючки, все как один заревели и напрочь отказались двигаться вперед.

– Пусть ваши животные не боятся, – под свист кнутов, ругань погонщиков и недовольный рев сказал Роберу проводник, – там наверху их ждет много еды. До пустыни еще дня четыре пути, и, пока вы ее не достигнете, у волов и коней не будет недостатка в траве и воде.

Проводник оказался прав. Несколько часов спустя они, поднявшись наверх, оказались на почти ровном плато.

– Ты только погляди! – воскликнул Жак. – Кто бы мог подумать, что здесь, в скалах, места не беднее, чем в Палестине и Галилее!

– Это нагорье, – пояснил Сен-Жермен, – простирается от долины Иордана до Сирийской пустыни. Мы находимся в северной его части. Здесь много потухших вулканов, и их пепел еще в добиблейские времена щедро удобрил эту землю. Кроме того, здесь много воды. Все плато пересекают вadi – ущелья, по дну которых текут реки и ручьи. Здесь еще до арабов ромеи держали цепь фортов, которые до прихода Саладина находились в руках у крестоносцев.

Волы, получив на коротком дневном привале изрядные порции зерна, оживились и до самого вечера весело трусили вперед, так что всадники смогли перейти на легкую рысь.

В сумерках, когда Сен-Жермен уж было собрался останавливать караван для ночной стоянки, посланный вперед разъезд вернулся с сообщением, что в двух десятках полетов стрелы от них находится большое селение.

– Ирбид, – кивнул головой проводник, – сирийский город, который вы, франки, называете Арабелла. До прихода франков здесь была деревня, а после захвата побережья сюда ушло много беженцев. Теперь, когда для мусульманских купцов и паломников дороги вдоль морского побережья закрыты, Ирбид стал пересечением путей между Сирией, Трансиорданией и Месопотамией. Местный эмир платит дань султану Дамаска, но имеет благоразумие не интересоваться тем, какому богу молятся останавливающиеся здесь купцы, и что они везут в верблюжьих вьюках и повозках.

В Арабелле не было большой крепости, как объяснил все тот же проводник, постоянные землетрясения делали любую фундаментальную постройку бессмысленной, она не простояла

бы и двух лет. Поэтому укреплены здесь были лишь относительно скромный дом эмира да огромный, как во всех торговых городах, караван-сарай.

Мастер Григ, прихватив дорожную фландрскую кольчугу и мешочек серебра, в сопровождении двух сержантов отправился на поклон к правителю. Отсутствовал он долго, но вернулся довольно улыбаясь. Дамасский фирман в совокупности с полновесной пошлиной и редким подарком, в отличие от Капернаума, произвели здесь более чем благотворное воздействие. Караван-баши немедленно получил категоричный приказ разместить дорогих гостей как можно лучше и ублажать их до утра всеми возможными способами – от изысканных яств до лучших невольниц. Эмиру, редко принимающему знатных гостей, хотелось проявить настоящее гостеприимство и показать, что и здесь, в левантийском захолустье, они живут не хуже, чем в больших столичных городах.

Но уставшие путники, обрадовавшись тому, что наконец-то смогут выспаться, имея над головой крышу более надежную, чем звездное небо, предпочли отдых восточным увеселениям, и даже любвеобильный Робер, не пропускавший ни в Акре, ни в ее окрестностях ни одной юбки, и тот, пробурчав:

– Эх, как говорил покойный дядюшка, граф Гуго Де Ретель: «Всего вина не выпьешь, всех наложниц не переимеешь», – едва покончив с ужином, опустился на ароматное ложе из клевера и, даже не глянув в сторону трех девиц, исполняющих под звуки бубна, барабана и какой-то унылой дудки танец живота, сразу же закрыл глаза. Почти сразу же после этого тонкие стены глинобитной мазанки сотряс богатырский храп.

Первый отрезок пути был пройден. Теперь, когда между посланниками и их возможными преследователями лежало нагорье и заболоченная долина, Сен-Жермен решил дать рыцарям и сержантам более продолжительный отдых. Два дня, проведенные в Арабелле, прошли в дорожных хлопотах. Братья распрощались с проводником-галилеянином и, по совету эмира, наняли убеленного сединами бедуина с выражением лица столь же мрачным и неприступным, как и у его предшественника.

Кроме обычных дел, связанных с ремонтом упряжи и закупкой провианта, перед Сен-Жерменом стоял непростой вопрос – как поступить с обездвиженным флорентинцем. После долгих колебаний приор, который не желал попусту проливать кровь, но в то же время опасался за то, что посторонние могут поставить под угрозу их миссию, решил посоветоваться с остальными.

– Николо я предлагаю взять с собой, – безапелляционно заявил Робер. – Студент еще долго сам на ноги не встанет, а здесь его оставлять нельзя. Он человек неглупый – пообещает местным заправилам горы золота, да и отправит гонца с посланием к Фридриху. Не убивать же его, в самом деле? Пусть пока в обозе побудет.

Вскоре Арабелла скрылась среди скал, и дорога запетляла по нагорью на восток.

Места здесь были лихие, и предусмотрительный приор все время отправлял вперед усиленный дозор, который, находясь в двух-трех полетах стрелы от медленнодвигающихся повозок, поднимался на возвышенности, чтобы не прозевать засаду.

Через несколько дней они добрались до маленькой арабской деревушки, стоящей у кромки серо-желтого песчаного моря. Здесь начиналась Большая Сирийская пустыня, которая, по словам проводника, тянулась отсюда почти до самого Багдада.

Глава вторая, в которой герои перестают соглашаться с тем, что Восток – дело тонкое

Багдадский халифат, двадцать пятый день зульхижжи 625 года хиджры (1228 г., 25 ноября)

Пустыня была покрыта слоем черно-красных камней самых разных размеров – от огромных глыб величиной с коня, до камушков не больше лесного ореха. Словно неведомый великан густо усыпал земную твердь от Сирии до Ирака, а затем выровнял ее огромной скалкой. С высоты птичьего полета движущийся караван был похож на большую неповоротливую гусеницу, ползущую по поверхности оштукатуренной щебнем стены.

Путь, который посланники рассчитывали одолеть за четыре, от силы пять недель, растянулся почти на два с половиной месяца. Измученные волю оказались совершенно не приспособленными к пустыне. Они тянули повозки со скоростью пешего путника и нуждались в длительных передышках, так что чуть не у каждого оазиса приходилось задерживаться на два, а то и три дня.

Лошади, не имея больше сил идти рысью, то и дело сбивались на шаг, а сидящие на них всадники еле держались в седлах. Два раза они попадали в страшную пыльную бурю. Красная пыль, от которой не было спасения ни под лицевыми платками, ни под полотняными накидками, быстро въедалась в кожу, укрывала тонким слоем одежду, мазала спины волов и конские чепраки, так что теперь братья ордена и их кони казались ожившими статуями, щедро покрытыми яркой охряной краской.

Единственным из путешественников, которого, казалось, совершенно не коснулись превратности пути, был едущий на рослом одногорбом верблюде бедуин. Окрас животного и цвет одежд, в которые был облачен наездник, ничем не отличались от цвета пустынной пыли. Проводник оказался единственным человеком в отряде, которому удалось, несмотря ни на что, сохранить свой первоначальный облик. Одна из конных статуй – движущаяся почти бок о бок с верблюдом, вдруг ожила. Всадник с ненавистью сорвал лицевой платок, из-под которого тут же выставились рыжие усы.

– Ну и сколько нам еще тащиться по этому мертвому полю? – спросила у бедуина ожившая статуя.

– Чуть меньше четверти луны, – безучастно ответил проводник. Он немного помолчал, после чего рассудительно добавил: – Если, конечно, на то воля Аллаха.

Достославный рыцарь Робер де Мерлан скривился и с ненавистью огляделся по сторонам.

– Господь с твоим Аллахом, – пробурчал он, доставая флягу из седельной сумы. – Ты, старик, уже скоро как две недели, изо дня в день талдычишь, что нам осталось не больше семи дней пути. Я уже готов поклясться любимым седлом моего покойного дядюшки, графа Гуго де Ретель, что ты на самом деле не ведешь нас в Багдад, а задумал скормить той самой черепахе, на которой, как известно, стоит земная твердь. Чую, еще неделя-другая, и мы достигнем края земли, да и свалимся прямо в пасть этой твари. Вот что я скажу. Если нам в ближайшие пару дней по-прежнему не встретится ни одна живая душа, то я буду точно уверен, что ты завел нас прямехонько на тот свет.

– Ты слишком тороплив, франк, – немного помолчав, с обидой ответил бедуин. – Мой род водит караваны по этой пустыне еще с тех далеких времен, когда были живы внуки и правнуки пророка Мухаммеда...

– А ты случайно не потомок пророка Моисея? – глотнув из фляги воды, ехидно поинтересовался рыцарь. – Тот своих евреев сорок лет по пустыне водил. Хочешь пить, Жак? – Не обращая ни малейшего внимания на уничижительные взгляды старого араба, Робер протянул сосуд скачущему рядом приятелю.

Жак молча принял флягу, чуть опустив свой платок, сделал три бережливых глотка и с благодарным кивком возвратил ее назад. Он настолько вымотался от монотонного пути, что не имел желания ни слушать, ни говорить и держался из последних сил. Нескончаемые, неотличимые друг от друга дни сливались в такие же одинаковые недели, словно их путь продолжался вечность. Каменная равнина, казалось, простирается до самого конца света, и там, впереди, откуда восходит солнце, нет и никогда не было никакого Багдада.

Совсем не так было в начале пути. Первые лье Большой Сирийской пустыни показались посланнику легкой прогулкой. Простиравшаяся вокруг местность напоминала раскинувшийся от горизонта до горизонта городской пустырь, где проплешины мелкого, плотно утрамбованного песка то и дело перемежались участками сухой глинистой почвы, густо покрытой сеткой трещин. Воздух там имел особый, ни на что не похожий пряный запах, напоминающий сладковатый аромат в лавке, торгующей восточными травами.

Жак, который провел детство среди лесов и полей альпийских предгорий, с удивлением обнаружил, что пустыня казалась необитаемой лишь на первый взгляд. На самом деле звериная жизнь среди песчаных волн была ключом не слабее, чем в густо заселенной Палестине.

Время от времени из-за невысоких барханов высывалась острая мордочка любопытной лисы, выслеживающей хомяка или суслика, то и дело из-под копыт взлетали, шумно хлопая крыльями, разнообразные птицы, и в любое время дня, пошарив взглядом по небу, непременно можно было обнаружить высоко парящего хищника, который облетал свои владения в поисках добычи. Водились в этих местах и волки, и шакалы, и, если верить проводнику, иногда встречались смертельно опасные пустынные рыси.

Но Сен-Жермена больше беспокоил иной, несравнимо более опасный хищник – двуногий. Чем дальше они забирались в пески, тем больше мер безопасности принимал приор. Рыцари и сержанты теперь были разделены на три смены – караульную, которая, невзирая на жару, облачившись в полные доспехи, следовала в авангарде и арьергарде, бодрствующую, которая скакала без кольчуг и шлемов, но в любой момент была готова в них облачиться, и отдыхающую, которая спала в повозках. Если прибавить к этому четырех наблюдателей, сопровождающих караван со всех сторон на расстоянии голоса, то он не мог быть застигнут врасплох.

Дорога оказалась довольно оживленной – трижды за первую неделю пути они встретили огромные караваны, составленные из нескольких сотен тяжелогруженных верблюдов, идущих из Багдада в Дамаск и движущихся в сопровождении сильной охраны. Каждый раз при встрече их проводник-бедуин выезжал вперед и объяснялся с представителем своей гильдии, неизменно сопровождающим купцов, после чего они, уступая друг другу дорогу, расходились, ловя на себе привычно подозрительные взгляды арабских всадников, скачущих на легких тонконогих лошадях, и бедуинов, оседлавших боевых дромадеров.

Чужие дела здесь никого не интересовали. Гонит дурак-киликонец через пустыню волов, каждому из которых ежедневно нужно не меньше двух мехов воды и три меры зерна, – это его дело. Кто знает, может, он богат, как индийский раджа? Взял в охрану вместо местных воинов глупых и неповоротливых франков, которые в пустыне беспомощны, словно заплутавшие в горах дети, – опять же сам виноват. Если на разбойников наткнется, будет у тех богатая добыча, о которой не зазорно на старости лет внукам рассказывать...

Но, к великому огорчению скучающего в пути Робера, проезжающие мимо купцы так и не

рискнули атаковать отряд, который в любое время дня и ночи представлял собой грозную силу, способную дать достойный отпор любому, кто захотел бы проверить, насколько франкские кони медлительны, а сами франки – неповоротливы и беспомощны.

Тем временем мягкий климат Иордании с каждым днем менялся, становясь все жестче и злее. Ночи делались ощутимо холоднее, а дни – жарче, воздух все суше, а пыль, которую ветер швырял в лица путникам, – все крупнее. Еще через несколько дней среди песчаных дюн начали встречаться крупные каменные обломки. С каждым переходом их становилось все больше и больше, и в один прекрасный день Жак, несущий службу наблюдателя впереди отряда, поднявшись на невысокий холмик, обнаружил, что вся пустыня превратилась в огромное скопление камней.

Климат, и без того не баловавший посланников, теперь стал вовсе невыносим для всех – и для людей, и для животных. Ночью на смену нестерпимой жары приходил непривычный, почти что зимний холод, а к утру укрывавшие землю камни остывали настолько, что у волов и лошадей из ноздрей валил пар, а крыши фургонов покрывались тонким слоем инея. Жак и представить себе не мог, что где-то на земле существуют подобные места. «Наверное, настоящий ад выглядит именно так», – думал он, косясь по сторонам.

Недели пути, проведенные среди то ледяных, то нестерпимо жарких камней, казались годами, и в голову путникам сами собой стали приходить мысли о тщете бытия и безнадежности любых начинаний. Каменная пустыня словно пыталась их раздавить, заставить смириться со своей судьбой и показать, сколь ничтожен человек, оказавшись один на один с безучастной и недружелюбной стихией. Многие рыцари и сержанты тоже начали понемногу падать духом, и даже неугомонный жонглер Рембо перестал на привалах играть на лютне и распевать свои шансоны.

Жака отвлек от недобрых воспоминаний голос Николо Каранзано, который, выглядывая из фургона, что-то рассказывал Роберу. Судя по всему, де Мерлан, несмотря на жару, снова выпросил у мастера Грига немного огненной шотландской воды, слегка окосел и теперь находился в философском настроении.

– Именно сюда уходили библейские пророки, чтобы разговаривать с Богом и архангелами, – вещал образованный флорентинец. – Они проводили здесь недели и месяцы, а потом возвращались к соплеменникам и диктовали свои пророчества, которые потом составили почти весь Ветхий Завет...

– Представляю, – бурчал, косясь на не поощрявшего даже невинного богохульства приора, де Мерлан. – Мне в этих местах с мечом, в доспехе, в окружении лучших рыцарей Заморья, и то не по себе. А если забраться в эти места босиком, в рубище, да пробыть одному неделю-другую... Теперь я понимаю, отчего иудейский Бог всегда такой грозный и жестокий.

Жак открыл было рот, чтобы попросить приятеля богохульствовать потише, как вдруг многомудрую беседу арденнского воина и ломбардского студента прервал дикий вопль брата Серпена, который скакал в передовом дозоре.

– Будь я проклят! – ревел на всю пустыню широкоплечий нормандец, размахивая над головой мечом. – Но похоже, что эти треклятые камни наконец-то закончились, и впереди лежит обычная земля!

Путники пришпорили коней, кнуты погонщиков захлопали по спинам ревуших волов, выбивая из них пыль, отряд ускорился. Вдали, у самого горизонта, появилась тонкая зеленая полоска, она стала шириться и утолщаться. Каменная безжизненная равнина мало-помалу превратилась в обитаемую местность с островками зеленеющих кустарников и частыми оазисами, а дорога, до этого прямая, как стрела, зазмеилась, огибая овраги и невысокие холмы. Еще через три дня пути оазисы слились в большие пальмовые рощи, а справа и слева засияли

белые квадратные домики арабских деревень.

– Кто бы мог подумать, – оглядываясь по сторонам, пробормотал Робер, – что при виде самой что ни на есть обычной травы у меня будут слезы наворачиваться на глаза.

Настал вечер, и торжествующий проводник объявил:

– Завтра будем поить коней в Евфрате!

К полудню следующего дня перед взорами пораженных братьев уже расстилась пойма великой месопотамской реки.

* * *

– Если бы я не был уверен, что мы находимся в Ираке, – произнес успевший повоевать в Египте Сен-Жермен, – то я бы решил, что мы оказались где-то в долине Нила. Неудивительно, почему франкские путешественники постоянно путали Вавилон и Каир. Если отправиться в путь, не умея ориентироваться по звездам, то можно быть вполне уверенным, что вскоре перед тобой покажется не Багдад, а стены Каира или Дамьетты...

Долина, зеленая и богатая на урожай, оказалась заселенной плотнее, чем окрестности Акры. Пальмы – высокие и стройные, чьи верхушки находились на такой высоте, что для того, чтобы разглядеть свисающие грозди поспевающих фиников, братьям приходилось запрокидывать головы до ломоты в затылках, давно уже перестали грудиться небольшими рощами, превратившись в сплошной, тянувшийся до самого окоема ровный и густой лес. И этот лес был для обитателей здешних мест источником настоящего благоденствия.

Люди здесь были приветливы и не смотрели на франкских рыцарей с ужасом, как это было в Сирии. В каждом селении вдоль дороги стояли ряды торговцев с едой, поделками и безделушками. Рембо, которого де Мерлан, как хозяин, хорошо кормил и одевал, но на всякий случай не баловал звонкой монетой, был прижимист и обычно мог торговаться полдня за четверть дирхема. Однако и он, справившись о здешних ценах и подсчитав, что за свои два динара он может кормиться чуть не полгода, пришел в лихорадочное возбуждение.

– Великая страна! – радостно восклицал он, набив рот сладостями, которые, купи он их в Тире или Бейруте, проделали бы невосполнимую брешь в бюджете орденового оруженосца. – А какие тут люди! А уж девушки, наверное, столь же прекрасны и доступны, как этот восхитительный шербет!

Перед самым въездом в селение Рамали их остановил арабский разъезд. Их старший, к удивлению рыцарей явно грамотный, долго и внимательно изучал фирман багдадского халифа и вернул его мастеру Григу с подчеркнутым уважением. Затем, не скупясь на образные слова и превосходные эпитеты, араб поинтересовался, не желают ли достойные путники добровольно пожертвовать для обустройства здешних дорог небольшую денежную сумму, которая для столь богатых людей должна показаться совершенно необременительной. После получасового, крайне вежливого торга «необременительная сумма» в конечном итоге вылилась в полдирхема за каждого коня или вола, четверть дирхема за слугу, десять дирхемов за повозку и по дирхему за каждого полноправного (с точки зрения арабов) путешественника. При этом бедуин и его верблюды оказались свободными от таможенной пошлины.

Перед тем как переправиться на другую сторону реки, путники провели два дня в караван-сарае Рамали, изгоняя из себя дух пустыни и наслаждаясь восточным гостеприимством. Багдад – цель их путешествия – лежал в четырех или пяти днях пути.

С каждым лье широкой наезженной дороги, где без труда могли разминуться три, если не четыре повозки, местность, окружающая путников, становилась все оживленнее, а виды

расстилающихся вокруг плодородных долин – все живописнее. Казалось, что сам Господь выплеснул в долину двух великих месопотамских рек – Тигра и Евфрата – всю зеленую краску, которую он сберег, обойдя своей милостью Большую Сирийскую пустыню.

Жак, отбросив вместе с остальными опостылевший за месяц пути лицевой платок, полной грудью вдыхал чистый речной воздух и наслаждался проплывающими перед взором картинами. После черно-красного ада пустыни предместья Багдада казалась ему тем самым библейским раем, который служит христианам наградой за праведную и безгрешную жизнь.

Словно в подтверждение его мыслям, прямодушный Робер, глядя широко раскрытыми глазами на медленную желтую реку, которую чуть не через каждое лье пересекали частые наплывные мосты, на лес финиковых пальм, тянущихся до горизонта, на сеть каналов, обильно орошающих ячменные и пшеничные поля, то и дело ворчал: «Мы тут, значит, за Царство Небесное с сарацинами сотню лет воюем, а они в это время живут в настоящем раю...»

И вот, наконец, знаменитая и в то же время загадочная столица мусульманского мира появилась перед глазами посланников.

– Не зря во всех арабских книгах его называют «Круглый город», – произнес Николо Каранзано, привставая на передке повозки. За время пути сломанная нога у него зажила достаточно, чтобы опираться на нее во время ходьбы, но все же не так хорошо, чтобы путешествовать верхом. – Ты только погляди! Все здесь выглядит в точности так, как описано у кордовского хрониста ибн Джубайра. Лет двадцать назад он совершал хадж и на обратном пути позволил сделать список со своих пергаментов в библиотеке Палермо. Ученые мужи обычно не могут похвалиться красивым слогом, но сей кордовский богослов описал город так, что я, вспоминая о днях, проведенных в Палермо за чтением манускрипта, узнаю все, что вижу перед собой! Вот внешнее кольцо стен, за ним еще одно – внутреннее, за которым располагается огромная площадь. Там, на площади, стоят дворец халифа, главная мечеть, за ней диван (так они называют свой государственный совет), оружейные мастерские и казармы для войск. Для жителей города входа на площадь нет – четверо ворот, расположенных по четырем сторонам света охраняются сильной стражей и постоянно находятся на запоре. Вокруг города – множество роскошных дворцов, где живет местная знать.

– Очень толково все обустроено, – одобрительно кивнул де Мерлан. – Любая вражеская армия при штурме вынуждена будет сначала тратить силы на осаду внешних цитаделей, затем – на первую стену, потом штурмовать городские кварталы, и, лишь добравшись до внутренних стен, враг может начать настоящую осаду. Но там у них внутри, если я правильно понял то, что рассказал Николо, есть все, что необходимо: вода, продовольствие, жилые помещения и кузница. Да здешний халиф может лет десять сидеть в обороне и со стен поплевывать. Только вот укреплений здесь уже не два – а целых три кольца.

– Ты прав, сир рыцарь, – прикладывая ладонь ко лбу, отозвался мастер Григ. – Мои соотечественники – киликийцы рассказывали мне, что нынешний халиф, аль-Мустансир, в расточительности пытается перещеголять самого Гарун аль-Рашида, покровительствует наукам и усиливает армию. Но почему никто мне не донес, что он затеял постройку еще одной линии укреплений?! Я же еще пять лет назад сговорился с великим визирем дивана, чтобы этот подряд передали именно моей гильдии!

– Стены города крепки, – внимательно оглядывая вырастающие перед ними по мере приближения постройки, добавил Серпен. – Но здесь ведь и помимо этого есть на что подивиться. Поглядите, сколько вздымается ввысь минаретов. И, кроме того, – рыцарь запрокинул голову, – я вижу среди мечетей мусульман и купола христианских храмов!

– Сразу видно, братья, – улыбнулся Каранзано, – что вы, побывав на Сицилии, ничего там не видели, кроме мессинских борделей. А между тем там мусульмане искони живут с

христианами бок о бок, и всем известно, что приверженцы христианства и иудаизма считаются в исламе заблуждающимися, но не еретиками. Если они платят особый налог, джизию, то обладают правами почти такими же, как и правоверные последователи пророка Магомета.

– Так что, халиф – это глава всех мусульман? – поинтересовался Робер.

– Не совсем, – ответил студиозус. – В исламе все запутано еще больше, чем в христианстве. Нет, то есть сначала так оно и было. Принявшие ислам правители арабов, тюрок, персов и курдов – мелики и султаны – признавали власть потомков племянника Магомета, считая их преемниками пророка – халифами. Но, кроме потомков племянника Али, право быть наместниками Магомета долго оспаривали потомки его дочери, Фатимы, – каирские халифы Фатимиды. Их род был прекращен курдом Саладином, который, подчинив себе Сирию и Египет, хоть и оказывал уважение халифу Багдада как главе ислама, но уже не признавал его своим светским сюзереном. Не так давно от халифов отложился Хорезм, но его завоевали монголы, так что теперь все владения халифата составляет только Месопотамия – земли Междуречья. Но места здесь, как видим, богатые и позволяют содержать большую и сильную армию.

– Это все, конечно, хорошо, – оглядываясь по сторонам, заявил вдруг Робер, – но, судя по всему, свиные ребрышки, которые так великолепно готовят в «Черном тамплиере», мы не увидим еще месяца два-три. И посему, братья-крестоносцы, предлагаю, пользуясь случаем, прикупить небольшую отару. Если мне не изменяет мой опыт, то внутри этого красивого города любая снедь нам обойдется раза в три дороже... Тем более что в шашлыках, я смотрю, здесь нет недостатка...

И в самом деле, Жак, рассматривая бесконечные придорожные базары и чайханы, был поражен огромным количеством выставленных на продажу овец и баранов. Чуть не каждый второй торговец, стоящий вдоль большого тракта, держал в руке веревку, на другом конце которой переступала с ноги на ногу овца. А у любой встретившейся по дороге лавки, на привязи или в небольшом загончике, ожидало своей участи не меньше трех обреченно блеющих животных.

Хозяйственный Робер, призвав в помощники мирно дремавшего под крышей фургона Рембо, получил одобрение Сен-Жермена и отправился на закупки. Но каково же было его удивление, когда ни один из десятка торговцев не согласился уступить ему свой товар. При этом на вопрос говорящего по-арабски франка, сколько стоит овца или баран, и стар и млад вели себя совершенно одинаково. Вначале арабы выпучивали глаза, затем опускали их вниз и внимательнейшим образом разглядывали достославного рыцаря, сосредоточившись на области, расположенной пониже живота, – словно хотели через насквозь пропитанную рыжей пустынной пылью камизу^[10] разглядеть его рыцарское достоинство. Затем они поднимали глаза вверх, поминали шайтана и отмахивались от покупателя с таким непритворным возмущением, словно он захотел купить в наложницы их мать или родную сестру. При этом столь ярко проявляемая религиозная нетерпимость никоим образом не проявлялась в отношении фиников, ячменных лепешек, кур и свежеприготовленной бастурмы.

– Слушай, уважаемый, – отчаявшись разжиться бараниной, обратился Робер к проводнику. – Они что, здесь все сговорились путникам овец не продавать? Или нужно слово особое знать? И вообще, ничего не понятно. Паломников, кроме нас, на дороге пруд пруди, и им продают, да еще и улыбаются при этом, как ретельский кюре после рождественского разговения.

– Курбан-байрам, – коротко ответил проводник, не удостоивая де Мерлана даже поворотом головы.

– Курбан-байрам? – удивленно переспросил рыцарь. – А это еще что такое?

– Конечно, Курбан-байрам, как же я мог об этом позабыть! – воскликнул мастер Григ. –

Это главный мусульманский праздник. Согласно Корану, Аллах явился во сне к пророку Аврааму и повелел ему принести в жертву своего первенца Измаила. Авраам отправился в долину Мина к тому месту, где ныне стоит Мекка, и начал приготовления. Однако Аллах, видя решимость пророка, смилостивился, и вместо Измаила в жертву был принесен ягненок. Праздник символизирует милосердие Бога и то, что вера – лучшая жертва. Накануне праздника правоверные мусульмане совершают полное омовение, завтракают нечетным количеством фиников (это у них называется мустахаб), затем закалывают овцу, едят баранину и раздают милостыню. При этом, прежде чем зарезать жертвенное животное, его обязательно кладут головой в сторону Мекки. В следующие после праздника дни обычно наносят визиты к родным и близким знакомым, так как посещение в дни праздника жертвоприношения считается благословенным и желательным.

– Теперь понятно, почему они на меня так смотрели, – проворчал Робер. – Не могли понять, кто я такой. Если мусульманин, то почему во франкском наряде, если христианин, то зачем мне их жертвенные овцы. Похоже, в эти дни под ножами гибнет не меньше половины всех окрестных отар. Ну да ладно, доберемся до Багдада, а там уж разживемся мясом через местных христиан.

– Но у этого праздника есть еще одна сторона, о которой мы до сих пор не думали, – задумчиво произнес киликиец. – Курбан-байрам знаменует начало муаззама, первого месяца мусульманского года. А в это время запрещены войны и, что намного важнее, все походы.

– Это означает, – подъехав к друзьям, прибавил Сен-Жермен, – что мы пробудем в этом городе не меньше месяца. А, учитывая то, что сейчас происходит в Иерусалимском королевстве, это очень скверно. Теперь, после того как мы прибыли в Багдад, счет у нас идет на дни.

– В любом случае, мессир, на то чтобы связаться с монголами, понадобится некоторое время, – отвечал мастер Григ. – К тому же вполне возможно, что нам придется скакать в столицу империи, Каракорум, чтобы передать послание вновь избранному хану.

– Мы уже вблизи городских ворот, – вмешался в разговор брат Серпен. – Приготовьте фирман халифа, уважаемый мэтр.

По мере приближения к внешним стенам, Багдад начинал понемногу терять в глазах путников так поразившее их издали великолепие.

– Все предместье – сплошные руины, – покачивая головой, произнес Сен-Жермен. – Точно так же выглядит сейчас и Константинополь – остатки былого величия и процветания.

– Это аш-Гарбия, – старая, западная часть города, – отозвался мастер Григ. – С тех пор как город разрушили сельджуки, люди предпочитают селиться на восточном берегу Тигра, в аш-Шаркии.

Дорога вывела караван ко вторым, если считать от верхнего течения реки, городским воротам, которые назывались аз-Зафария, но приготовленный было мастером Григом фирман понадобился им не скоро. В канун Курбан-байрама желающих попасть в город купцов, а особенно паломников, оказалось столь много, что путникам пришлось ожидать своей очереди почти до самого вечера. Фирман халифа оказал свое обычное действие, пошлина оказалась не такой уж и большой, хотя втрое превышала ту, которую заплатил перед ними караванчик из Мосула, а стражники, убедившись, что имеют дело не с торговцами, а послами, не проявили к их грузам особого интереса.

– Ну вот мы и в Багдаде, – оказавшись внутри городских стен, произнес Робер, при этом не скрывая облегчения. – И где же ваши монголы, уважаемый мэтр?

– Не так быстро, сир рыцарь, – улыбнулся мастер Григ. – Сначала мы переправимся на восточный берег и остановимся в христианском квартале. Затем дождемся окончания празднеств и отправимся в караван-сарай, принадлежащий уйгурам, где нас должен ожидать

тот, кто знает меня в лицо.

Тепло попрощавшись с бедуином, к которому успели привязаться во время тяжелого и полного опасностей перехода, братья направились к большому мосту. Они перебрались на противоположный берег и вскоре оказались в квартале Каррада, который выдавал свою принадлежность к христианству разве что наличием церкви. Внешне же его обитатели не отличались от мусульман ни поведением, ни одеждой.

– Теперь я понимаю, почему наш уважаемый мэтр выбрал именно этот квартал, – разглядывая надписи на вывесках бесконечных лавочек и духанов, ухмыльнулся Каранзано. – Не знаю, какие они христиане, но большая часть торговцев, сапожников, медников и скобянщиков на этой улице, если верить их именам, – киликийцы.

– Мы, киликийцы, никогда не обманываем друг друга, – невесело усмехнулся мастер Григ. – Однако, после того как из-под носа моей гильдии уведен такой подряд, – он кивнул в направлении строящихся стен, – лучше пока держаться от них подальше.

Постоялый двор, к которому их привел мастер Григ, принадлежал тюрку-мелькиту по имени Назар. Хозяин, едва заведя среди подъехавших к воротам путников Грига, просиял, тут же начал гонять многочисленных слуг и устроил вновь прибывшим воистину царский прием. Не успело солнце коснуться невысоких городских крыш, как кони были распряжены и почищены, волю вольготно расположились в стойлах, рыцари, сержанты и слуги, развалившись на непривычно мягких подушках, отдавали должное искусству ливанского повара, а прачки яростно терли об рифленые доски плащи и камизы, с которых стекала желто-коричневая от пустынной пыли вода.

* * *

Отгремел мусульманский праздник Курбан-байрам, и жизнь в Багдаде понемногу стала возвращаться в привычную колею. Рыцари Святого Гроба быстро восстановили силы и, вознаграждая себя за долгое воздержание, предавались мелким радостям восточной жизни, при этом всеми силами стараясь не впадать в грех чревоугодия и праздности.

Именно здесь, под крышей у гостеприимного Назара, который, казалось, был готов сам наизнанку вывернуться и вывернуть своих работников, только бы угодить единоверцам из далекой Палестины, достолавный рыцарь Робер де Мерлан смог наконец-то по достоинству оценить все преимущества крестоносного братства перед орденом монашествующих рыцарей, которые, как известно, в отличие от последних, не дают обет целомудрия. После того как монголы завоевали Хорезм, невольничий рынок, расположенный в одном из живописных предместий Багдада, был переполнен рабынями из Ургенча, Хивы и Бухары, и у братьев, после двух месяцев, проведенных без женской ласки, не было недостатка в плотских утехах. Уже на третий день пребывания на постоялом дворе при виде одалисок, которых в изобилии предоставлял им хозяин, у братьев не разбежались глаза, а на танец живота, вызывавший поначалу скрежет зубов и сверканье глаз, они и вовсе перестали обращать внимание.

Тем временем мастер Григ, не желая предаваться восточной праздности, каждый день, оседлав Лаврентиус-Павла и испросив у Сен-Жермена двух сержантов для охраны и сопровождения, отправлялся на поиски человека, который должен был привести посланников к монголам.

Однажды под вечер киликиец возвратился к друзьям, сияя от радости.

– Нашел! – объявил он Жаку и Роберу, которые, сидя в общем зале, доедали плов и спорили, заказывать еще и жареную рыбу или не объедаться, как вчера. – В Багдаде нужного человека

найти не просто, но мне это удалось!

– Что, нашел монголов? – морщась от звенящего над самым ухом бубна и отмахиваясь, как от надоедливой мухи, от пляшущей гурии, единственное одеяние которой составляла набедренная повязка из прозрачного газа, поинтересовался Робер.

– Совершенно верно! Я все узнал, – Жак видел киликийца таким довольным только один раз в жизни, когда тот впервые объезжал улицы Тира на только что привезенном из германских земель жеребце. – Подряд на строительство городских укреплений еще не заключен. Слава богу, жив еще устадар Маджид ад-Дин, смотритель городских жилищ. Власть его, огромная при старом халифе, как выяснилось сегодня во время ужина в его новом дворце, при молодом халифе только усилилась. Проходимцам из разрушенного Ургенча, которые поснимали все драгоценности со своих жен и наложниц и сделали богатое подношение визирю дивана, он поручил на пробу возведение только одного-единственного пролета. Но теперь, после нашей встречи, они будут с позором изгнаны, а главную работу выполняют мастера моей гильдии...

– Что-то я не понял, Жак, – ткнул приятеля в бок слегка осоловевший Робер, – мы сюда по делам христианского мира прибыли или в качестве эскорта главы киликийской гильдии каменщиков? Ты, уважаемый мэтр, лучше отвечай, нашел ли ты этих монгольских посланников?

– А, вы об этом, – думая о своем и производя в уме какие-то весьма приятные расчеты, отозвался мастер Григ. – С этим делом тоже вроде все в порядке. Возвращаясь от устадара, я заглянул в торговый двор к уйгурам и показал монгольскую пайцзу, так что передайте Сен-Жермену, что нас там ждут завтра, сразу после полудня.

С этими словами киликиец удалился в свою комнату, бормоча под нос: «Пять мастеров нужно забрать со строительства Монфорта, семерых – из Яффы, а еще человек пятнадцать – из Кони. Нужно завтра же отправить гонца в Мосул...»

От первой встречи с монголами зависел успех всей миссии, и Сен-Жермен, как человек, имеющий немалый опыт в исполнении тайных и опасных поручений, начал готовиться к поездке с раннего утра. В сопровождение приор взял двух самых опытных рыцарей – Робера и Серпена, а также и четырех сержантов, в число которых, по просьбе де Мерлана, вошел и Жак. Оставшимся братьям было объявлено военное положение, и они, запершись в занятой отрядом части постоянного двора, ожидали возвращения приора, облачившись в доспехи и оседлав боевых коней, в полной готовности к любым неожиданностям.

Квартал, который занимали уйгуры, располагался в противоположном конце города, на западном берегу, и, чтобы попасть туда, отряду пришлось снова пересекать Тигр.

Под стук копыт по деревянному настилу наплывного моста, который поддерживали многочисленные плоты, Жак с завистью урожденного крестьянина всматривался в густую желто-зеленую воду месопотамской реки, берущей начало в горах. Каждым своим весенним разливом Тигр столь щедро удобрял земли, расположенные в его пойме, что местные земледельцы могли собирать урожай трижды в году. Негромко переговариваясь, посланники пересекли рыночные кварталы Сукур – целый город, размерами не уступающий Акре или Тиру, с улицами, полностью перекрытыми каменными сводами, где людской поток не оскудевал ни днем, ни ночью, а торговля приостанавливалась лишь на время намаза. За рынком располагался госпиталь – огромное строение, которое одним своим внешним видом могло посрамить орден Святого Иоанна Иерусалимского.

– Думаю, – рассказывая об этом замечательном сооружении, с ехидцей отозвался мастер Григ, – что при виде отдельных комнат для больных, в которых имеются свои бани, водопроводы и отхожие места, при виде лучших лекарей Востока, которые на деньги, выделяемые из государственной казны, приходят сюда дважды в неделю, наблюдают за

состоянием больных и предписывают им необходимое лечение, и их помощников, которые готовят лекарства и пищу, любой брат-госпитальер, будучи преисполнен стыда, немедленно, не сходя с места, сделал бы сам себе обрезание и обратился в ислам. В Багдаде, как рассказал мне за ужином мой старый друг устадар Маджид ад-Дин, одиннадцать больших городских мечетей, а малых, говорят, несколько сотен! Здесь в аш-Шаркии находятся около тридцати медресе, которые составляют особую силу города и являются особым предметом гордости халифата. Богословы, законоведы, астрономы, математики, лекари и поэты приезжают сюда учиться со всех концов мусульманского мира, а знания, которые хранят здешние библиотеки, во много раз превосходят то, чем обладает христианство! Я сам почерпнул из местных книг множество секретов строительного ремесла. Но особо устадар гордится багдадскими банями. Их здесь около двух тысяч.

– И мы, крестоносцы, пришли на Восток, чтобы сокрушить этот мир? – произнес де Мерлан, обращаясь в первую очередь к Сен-Жермену. – Посмотрите, перед нами – главный город мусульман, а христиане здесь живут без притеснения. Можно ли представить себе мечеть где-нибудь в Париже, на острове Ситэ?

– Я знаю мир ислама намного лучше, чем подавляющее большинство христиан, – ответил рыцарю приор. – Я отлично понимаю, что этот мир имеет множественные превосходства над нами, и искренне желаю этому миру здравствовать. Но если передо мной поставят выбор – кому из двоих жить, а кому уцелеть, то я без колебаний остановлю свой выбор на христианстве. По той простой причине, что все мои предки христиане, сам я родился в христианской стране, и мой народ, будучи покорен мусульманами, окажется в рабстве. А именно сейчас, сир Робер, перед нами такой выбор и стоит. Государство монголов не может оставаться под властью шаманов – империя должна иметь религию с единым богом. Если сыновья Чингисхана не приведут покоренные ими народы к христианству, то вскоре один из его внуков или правнуков примет ислам, и Восток больше никогда не будет христианским. Поэтому я сделаю все, чтобы в точности выполнить данное папой поручение.

– Послушайте, мессир, – обратился к приору брат Серпен, – а не кажется ли вам, что монголы окажутся христианами не лучшими, чем куманы, крещенные в Болгарском царстве? Они точно так же, как и этот принц Толуй, истово отбивают поклоны, а потом, без колебаний, делают чаши из вражеских черепов. Не нам ли с вами на переговорах в Адрианополе царь Калоян хвалился кубками, изготовленными из отрубленных голов императора Балдуина Константинопольского и короля Фессалоник Бонифасио де Монферрата?

– А что ты предлагаешь, брат-рыцарь? – задал встречный вопрос Сен-Жермен. – Отдать Святую Землю на откуп императору Фридриху и каирскому султану?

– Мне кажется, мессир, – вмешался в беседу как всегда бесцеремонный Робер, – если монголы сокрушат аль-Камила, то лет через десять папа и император будут вспоминать о своих разногласиях, как о самом спокойном времени в жизни, а монголы, не остановившись на достигнутом, словно гунны Аттилы, вторгнутся в Европу... Не лучше ли, чтобы войну за освобождение Святого Града все-таки начал Фридрих, а не папа в союзе с этими кочевниками, которым что окреститься, что обрезать – раз плюнуть?

– Я тоже хочу сказать, – не удержался в стороне от разговора и мастер Григ, – что Фридрих показался мне достаточно просвещенным и рациональным человеком, по сравнению с которым папа и иерусалимский патриарх, да простит меня Господь, кажутся не дальновидными пастырями христианских народов, а просто полуграмотными фанатиками.

– И именно папа с его фанатизмом одержит верх над просвещенным Фридрихом, – чуть помолчав, ответил сразу всем троим Сен-Жермен. – С тех пор как существует мир, мракобесы всегда побеждают людей мыслящих, потому знание взывает к разуму, а суеверие – к чувствам.

Людям в большинстве своем не нужны сложные пояснения – им требуются ясные слова и символы, а просвещенный разум, осознавая сложность мироздания, никогда не дает простых ответов. «Есть ли жизнь после смерти?» – спрашивает человек. «Не знаю, – отвечает знание, – оттуда никто еще не возвращался». «Есть!» – отвечает вера. Пророки общаются с потусторонним миром и приносят оттуда писания, а Иисус Христос своим воскресением доказал бессмертие души. «Как достичь счастья?» – спрашивает человек. «Не знаю, – снова отвечает знание. – Счастье – это расстояние между тем, что человек есть, и тем, чем он желает быть. Добивайся поставленных в жизни целей либо сделай свои цели достижимыми – и ты будешь счастлив». Суеверие же отвечает просто – делай то, что тебе проповедует твой пророк, устами которого вещает сам Господь, и будешь счастлив, если не на этом, так на том свете. Вот поэтому мы будем поддерживать не Фридриха, который не понимает, что, желая договориться с исламом, пытается примирить непримиримое, а папу Григория, который фанатично стремится к тому, чтобы весь мир стал христианским, а все монархи мира были вассалами Святого престола. И пусть трижды прав германский император, но мы призовем на его защиту монголов, потому что любой другой путь отбросит христианство на сотни лет назад!

Участники спора надолго задумались и не нашли никаких доводов, способных опровергнуть слова приора.

– Я со своей стороны, – добавил к словам приора мастер Григ, – сделаю все, чтобы исполнить волю Чингисхана, к которому преисполнен самого глубокого уважения.

– А каков он был, Чингисхан? – Жак задал киликийцу вопрос, который давным-давно вертелся у него на языке.

– Я видел его всего дважды, – нахмурился мастер Григ, – это великий воин и выдающийся правитель. Несмотря на то что его власти и богатству мог позавидовать любой монарх, он жил скромно, как простой воин. Он был неграмотен и не владел чужими наречиями, но ум его и в зрелые годы оставался светел и чист. Он умел сразу увидеть суть любого предмета и дела, и главное – окружил себя выдающимися людьми. Возвышая человека, он не интересовался ни его происхождением, ни вероисповеданием. И даже личная преданность его волновала гораздо меньше, чем умение хорошо исполнять порученное дело. Предпочитая разумных подданных преданным дуракам, он, как показывает обширность его владений, оказался прав. Ведь умные и умелые люди, которые могут принимать решения и отвечать за свои поступки, будучи облечены властью, служат намного преданнее, чем бездарные и беспомощные придворные лизоблюды, которыми наполнены ныне дворцы правителей как Запада, так и Востока...

Отряд пересек центр Багдада и приближался к окраинам, где находилось нужное им подворье.

– Уйгуры, – пояснил мастер Григ, – народ кочевников и торговцев. Подобно иудеям, они уже давно не имеют своего государства, но, распространившись по всему Востоку, живут обособленными группами. Среди них много образованных людей, они отличаются храбростью и одновременно предприимчивостью. Чингисхан, покорив Китай, возвысил этот народ и дал ему право торговать на всех принадлежащих ему землях. Множество уйгуров вошло в его государственный совет. Купцы-мусульмане, которым теперь перекрыта дорога в Китай, дай им волю, вырезали бы их всех до единого. Но каждый уйгурский караван имеет пропуск с печатью самого великого хана, и халиф строго-настроено предупрежден, что если хоть один волос упадет с головы подданного Монгольской империи, то мстить обидчикам прискачет не меньше двух туменов. А халифу сейчас ссориться с монголами не с руки...

Внешне уйгурский постоялый двор ничем не отличался от бесконечных подворий шиитов, суннитов и христиан, живущих у стен аш-Шаркии. Узкий переулок, петляющий между глухими каменными стенами, завершался прочными деревянными воротами, которые укрывали

обитателей от внешнего мира.

Посланников здесь ждали – не успел отряд подъехать к воротам, как тяжелые створки разошлись в стороны, запуская их во двор. Внутри буйствовала зелень и драгоценными изумрудами сверкали небольшие искусственные водоемы, так что это место напоминало скорее не торговый караван-сарай, а дворец какого-то вельможи.

Рабы с железными ошейниками, на которых были выбиты имена их хозяев, подскочили к братьям и, придерживая стремена, помогли им сойти с коней.

Сен-Жермен, а вслед за ним рыцари и сержанты, стараясь ничему не удивляться, проследовали за провожатым по крытой аллее, оплетенной диким виноградом, и вышли к приземистому зданию, чей фасад украшала резная колоннада из розового фессалийского мрамора. Меж колоннами, в конце широкой каменной лестницы, стоял человек, столь разительно отличающийся от всей окружающей их арабской сказки, как отличалась бы, наверное, черная фигура степного каменного истукана, поставленная среди мраморных греческих статуй.

Это был коренастый воин в полном доспехе, но без шлема. Его черные как смоль, жесткие длинные волосы были собраны в две толстые косы, а узкие раскосые глаза глядели на рыцарей без страха и удивления, скорее выражая недоверие и интерес. Воину было, по оценке Жака, лет тридцать – сорок, хотя и трудно было судить о годах представителя народности, которая внешне столь разительно отличалась от франков. Но то, что это не простой воин, а монгольский нобиль, было понятно и без объяснений – его доспех отливал толстым слоем позолоты, местами оцарапанной стрелами и мечами, а во взгляде светилась внутренняя сила человека, уверенного в себе и привыкшего повелевать.

Судя по тому, как одобрительно хмыкнул стоящий рядом Робер, Жак понял, что рыцарь, как и он, признал в монголе человека, который большую часть жизни провел в походах и сражениях. Воин, не отрывая взгляда от посланников, задал вопрос на незнакомом языке. Слова его были отрывисты, но в то же время показались Жаку неведомой мелодией, наполненной странными звуками.

– Чормаган-нойон, – перевел после небольшой паузы мастер Григ, – спрашивает, кто из вас старший и с кем он будет говорить?

Глава третья, в которой посланники выясняют, что у правды железное лицо

Багдад, седьмой день мухаррама 626 года хиджры (1228 г., 6 декабря)

Через три дня после встречи с Чормаган-нойоном Робер, озверевший от ожидания и пресыщенный всем, чем только может пресытиться франкский рыцарь в восточном городе, отправился обедать в лучший багдадский духан, прихватив с собой Жака.

– Нам, поди, на днях отправляться в Каракорум, – объяснил он по дороге приятелю. – А там, где живут эти самые монголы, если верить рассказам, едят одних лишь сусликов да лис, запивая их прокисшим кобыльим молоком. Так что, пока есть возможность, нужно немного побаловать желудки чем-то вкусненьким. Как говорил мой покойный дядюшка, граф Гуго де Ретель: «Война войной, а обед строго после мессы».

Назар, будучи, с одной стороны, владельцем собственной кухни и с трепетом относившийся к ее репутации, а с другой – настоящим восточным человеком, для которого воля гостя – закон, после долгих колебаний согласился на определение «лучший духан Багдада после караван-сарая уважаемого Назара», после чего указал приятелям место, где он расположен, и даже выделил провожатого. Духан, в котором собрались обедать Жак и Робер, находился на плоской вершине невысокого холма, стоящего над излучиной Тигра. Отсюда, с разложенного под навесом толстого мягкого ковра открывался великолепный вид на Западный город.

Друзья, за время скитаний по святой земле больше привыкшие к портовым тавернам с ядреными подносицами, которые скорее думали о том, как заполучить богатого посетителя на сеновал, чем о том, как его обслужить за столом, наконец-то поняли, что такое настоящее восточное гостеприимство. Духанщик, выяснив, что его заведение посетили не простые христиане, а приехавшие с далекого запада франкские посланники, прежде всего, освободил для них самое лучшее место, распорядившись заменить лежащий там вполне приличный ковер на другой, совершенно новый. Затем, дабы ничто не мешало отдыху редких гостей, их ковер был отделен от остальных посетителей переносной плетеной ширмой.

Первым блюдом оказался огромный карп. Рыбину распластовали на цельном куске собственной шкуры, словно раскрытую книгу, и, закрепив на двух кольях, поджарили у открытого огня. Затем, когда рыба дала сок, костер немедленно загасили, оставив лишь угли, положили на них рыбу шкурой вниз и оставили «на дозревание». Пока в большом медном котле кипела вода и варился белый рассыпчатый рис, духанщик, лично опекавший франков, предложил им испробовать незнакомое блюдо «салад».

– Ну, это вроде как овощи, порезанные и приправленные мясом и специями, – переводил для Жака Робер. – У них этот самый «салад» обычно составляет первую и вторую перемену блюд.

– Ну что же, давай попробуем, – согласился Жак. – Только ты спроси, какие они бывают?

– Он говорит, что у них двадцать одна разновидность салатов, – после продолжительной дискуссии объяснил приятелю рыцарь. – Сейчас нам покажут все.

Не успели друзья удивиться, как перед ними словно из-под земли выросли слуги с подносами в руках. На подносах стояли небольшие блюда с самыми разными яствами, один лишь вид которых свел скулы одновременно у обоих. Робер тихо застонал, повел носом, облизнулся и бросил короткую фразу, после которой слуги начали торопливо переставлять содержимое подносов перед посетителями.

– Пока они рыбу до ума доведут, мы как раз все это и перепробуем, – пояснил приятелю рыцарь, водя своей рыжей пятерней над тарелками и думая с чего бы начать. – Эх, в переметной суме кувшин доброго вина. Как бы нам его приобщить к этому пиру?

– Хозяин – мусульманин, – засомневался Жак. – Боюсь, что если не у нас, так у него будут неприятности.

Но де Мерлан, упорный как все арденнцы, все же прогулялся до коновязи и, не обращая ни малейшего внимания на побелевшее от ужаса лицо духанщика, раскупорил заветный кувшин. Нужно сказать, что мусульманин, в котором вера вынуждена была вступить в борьбу с долгом хозяина, повел себя более благородно, чем рыцарь, ведущий родословную, если верить его словам, еще со времен первых Каролингов. Он быстро распорядился, чтобы христиан прикрыли «от ветра» еще одной ширмой, пересадил ближайших посетителей подальше от безбожников, выставил дозорных на подходе к духану, а его самого совершенно неожиданно одолела кратковременная слепота, которая, впрочем, не мешала ему зорко наблюдать за всем, что происходит под навесом.

Когда кувшин был опустошен, рыба и салаты почти съедены, а приятели принялись за рассыпчатый ароматный плов, на пороге духана появился мастер Григ.

– Какие новости, уважаемый? – благодушно поинтересовался разомлевший от вина и отличной еды де Мерлан.

Первая встреча не внесла в их дальнейшую судьбу никакой ясности. Чормаган ограничился тем, что принял от Сен-Жермена послание папы Григория, кивнул и сказал: «В ближайшее время я передам его хану». На вопрос приора о том, что им делать дальше, он лишь коротко бросил: «Не покидайте пределов Багдада. Когда это понадобится – вас найдут».

– Новости есть, – отозвался киликиец, присаживаясь на подушки рядом с друзьями и подзывая слугу, чтобы сделать заказ. – Но даже и не знаю, какими их назвать – плохими или хорошими. Я был у каменщиков из Ургенча. Несчастные люди, беженцы, но в то же время отличные мастера. Они вняли моим доводам и согласились перейти в нашу гильдию, так что теперь ничто и никто не помешает получению подряда на строительство стен... впрочем, это не имеет отношения к делу. Главное заключается в том, что все мастера-каменщики, где бы они ни находились, объединены в некое сообщество, цель которого – передавать друг другу особые секреты ремесла таким образом, чтобы они не становились достоянием посторонних. Для этого у нас существует целая система знаков, позволяющих узнавать друг друга. Так вот. После того как выяснилось, что один из мастеров является посвященным, как и я, он, будучи свидетелем завоевания Хорезма монголами, рассказал мне много интересного. Оказывается, принявший нас Чормаган-нойон – это отнюдь не простой посланник, а один из трех военачальников, самых близких к Чингисхану. Он командовал крылом войска во время войны с Китаем и возглавлял главную армию монголов во время покорения Хорезма.

– Понятно, – перебил киликийца Робер. – То, что он находится здесь и лично принял послание, может обозначать лишь одно – преемники Чингисхана всерьез готовятся к походу на Запад. Кстати, что там говорят ваши хорезмийские приятели о том, кто стал преемником умершего императора?

– По монгольскому закону престол должен унаследовать не старший, а младший сын правителя, – ответил мастер Григ. – Это царевич по имени Толуй. Выборы, а точнее, утверждение на посту великого хана называются у монголов харултай. Этот харултай собирают через два года после смерти хана, после окончания траура. Сейчас Толуй исполняет обязанности хана как регент, но по всем землям, что принадлежат монголам, ходят слухи, что этот молодой человек слаб здоровьем и злоупотребляет вином. Так что, скорее всего, во главе монгольской державы станет его старший брат, царевич Угедей. Думаю, именно к нему и будет

доставлено послание Григория, после чего или нас призовут в Каракорум, или, наоборот, монгольская армия придет в Багдад. Но главные действия все равно начнутся только после харултая. Монгольские эмиры, которых они называют нойоны, не выступят в поход, пока не будет утвержден новый великий хан.

– Стало быть, ждать нам еще долго, – сделал неутешительный вывод де Мерлан. – Остается лишь молить Всевышнего, чтобы Фридрих не начал большую войну до того, как мы доставим в Рим ответ нового императора монголов.

Мастер Григ кивнул, соглашаясь с выводами, которые сделал рыцарь. Жак тяжело вздохнул и принялся доедать последний салат.

* * *

Ночью, за два часа до рассвета, в ворота постоянного двора еле слышно постучали. Стоящий на страже слуга впустил внутрь нищего оборванца, который, как выяснилось после коротких расспросов, оказался уйгуром, посланным за рыцарями по приказу Чормаган-нойона. Сен-Жермен приказал разбудить мастера Грига, попросил его перевести то, что скажет уйгур, после чего немедленно отправил своего второго оруженосца, дабы тот будил братьев, чтобы немедленно готовиться к выходу.

Под рваным халатом уйгура обнаружился еще один – новый и дорогой. Посланец Чормагана сбросил с головы грязную тряпку, быстро и ловко намотал свежую шелковую чалму и взлетел на предложенного ему коня так легко, что ни у кого из наблюдавших за ним рыцарей и сержантов не оставалось сомнений, что сопровождать их будет опытный воин и отличный наездник.

Над частым лесом минаретов еще мерцали бесчисленные звезды пряной арабской ночи, когда отряд, стараясь не производить ни малейшего шума, вытек за ворота навстречу неизвестности. Не успели они повернуть за угол и выехать на главную улицу квартала Каррада, как откуда-то из-за чернеющих в темноте глинобитных заборов донеслось сразу несколько вскриков, быстро переходящих в булькающие хрипы, в которых ухо любого воина легко могло распознать звуки, которые издает перед смертью человек с перерезанным горлом. Братья осадили коней и все как один схватились за мечи.

– Не беспокойтесь, – спокойно произнес уйгур. Мастер Григ перевел его слова остальным. – За вами с самого дня приезда день и ночь следят шпионы, приставленные великим визирем. Раньше в этом не было особого вреда, но сейчас никто не должен знать, в какую сторону мы направляемся.

Как выяснилось, на сей раз они ехали не к уйгурам. Повинуясь проводнику, отряд свернул с улицы, ведущей к мосту через Тигр, и, проскакав некоторое время вдоль берега, вышел к небольшому деревянному причалу, у которого темнела высокими бортами большая барка, из тех, что доставляют товары из Багдада в Басру, привозя обратно индийские пряности.

– Он говорит, что мы должны оставить на берегу коней, – перевел киликиец. – О них позаботятся. А сами взойти на барку и плыть туда, где нас будут ждать.

– Если бы не предъявленный знак, – пожал плечами осторожный приор, – то я бы решил, что нас хотят заманить в ловушку, чтобы перерезать, как кур.

– Чему быть – того не миновать, мессир, – ответил брат Серпен. – Однако для того, чтобы зарезать одного приора, двух рыцарей и четырех сержантов Святого Гроба, даже если они сошли с коней, потребуется очень много хозяек, и у них должны быть очень длинные кухонные ножи.

– Не опасайтесь, – уловив колебания посланников, повторил через мастера Грига уйгур. – И

мы, и вы в чужой, враждебной стране. Нужно соблюдать осторожность.

Приор взмахнул рукой, приказывая братьям сойти с коней и следовать за ним. Вскоре барка отошла от причала.

Плавание завершилось вскоре после восхода солнца. Здесь, в Месопотамии, сумерек почти не было – день приходил на смену ночи столь быстро, что Жаку так и не удалось полюбоваться рассветом. Барка ткнулась носом в песок в нескольких лье от городских стен. Подчиняясь воле проводника, братья спрыгнули прямо в воду, выбрались на берег и огляделись по сторонам. Оказалось, что они находятся среди безмолвных руин мертвого города. Бесчисленные надписи арабской вязью не позволяли понять, что это такое: кладбище или же давно покинутые жителями дома.

– Для того чтобы с кем-то поговорить по душам, вдали от халифской стражи, лучше места не придумать, – оценивающе оглядываясь вокруг, пробормотал Робер. – Только вот как бы языком общения не оказался звон мечей...

Однако проводник, не высказывая ни малейшей тревоги, спокойно повернулся спиной к рыцарям, напрягшимся в ожидании засады, и махнул рукой, приглашая их и дальше следовать за собой.

Они долго шли, петляя среди каменных сооружений с высокими белыми куполами, кое-где осыпавшимися и пробитыми насквозь, и не встречая по дороге никого, кроме одичавших собак и недовольно каркающих при их появлении ворон. Их путь завершился у развалины с большим черным проломом, перед которым стоял, скрестив руки на груди, уже знакомый им Чормаган-нойон.

Сен-Жермен, а вслед за ним и остальные, повинуясь короткому кивку головы нойона, вошли в пролом и оказались внутри большого замусоренного помещения с высоким куполом. Там их ожидало не меньше десятка вооруженных до зубов солдат, которые, впрочем, при виде франков не стали хвататься за оружие. Приор коротким движением остановил Серпена и Робера, которые, едва их глаза привыкли к сумраку, чуть не одновременно схватились за рукоятки мечей.

– Вам, то есть нам, придется оставить здесь все оружие, которое есть при вас, – перевел мастер Григ слова Чормагана. – Он говорит, что нам предстоит встреча с тем, к кому имеют право приближаться с оружием в руках только три человека из всех живущих на земле.

– На кого это он намекает, уважаемый мэтр? – тихо поинтересовался Робер, обращаясь к киликийцу.

– Не знаю, – также вполголоса, словно боясь, что его слова начнут метаться эхом в пустынной комнате, ответил тот. – Вероятно, речь идет о ком-то из правящего дома...

– Сложите на пол мечи и кинжалы, братья! – после недолгих раздумий скомандовал Сен-Жермен. – Мы клялись исполнить волю его святейшества даже ценой собственной жизни и, если Господь на нашей стороне, то сейчас самое время убедиться в том, что мы находимся под его защитой!

Чормаган стоял в проходе, отбрасывая на пол ломаную тень, и, слушая слова приора, согласно кивал, словно понимая, о чем тот ведет речь. После того как оружие было выложено на пол аккуратными рядами, монгольский нойон бросил короткую фразу в сторону своих солдат. Повинуясь его приказу, трое или четверо ринулись к рыцарям и стали ощупывать их с головы до ног.

– Эти ребята определенно из охраны какого-то правителя, – брезгливо морщась от бесцеремонных прикосновений, пробурчал Робер. – Для того чтобы научиться так ловко обыскивать, нужно делать это лет десять или двадцать в приемном покое какого-нибудь султана, у которого врагов, жаждущих его смерти, не меньше, чем жен и наложниц. Вот,

помнится, когда нас с дядюшкой, графом Гуго де Ретель, вызвали после битвы в ставку к королю Филиппу-Августу...

Что пришлось пережить де Мерлану и его сиятельству графу в ставке французского короля, Жак так и не узнал, потому что сразу же после того, как обыск завершился, Чормаган снова что-то скомандовал, и речь достославного рыцаря заглушил каменный грохот. Большая базальтовая плита в дальнем конце помещения, поднимая пыль, ушла куда-то внутрь, открывая широкую лестницу, ведущую в подземелье.

– Пятеро пойдут со мной, – распорядился нойон, – остальные будут ждать наверху.

Сен-Жермен, соглашаясь, кивнул, хлопнул по плечу Серпена и Робера, которые немедленно сделали шаг вперед, обменялся понимающими улыбками с мастером Григом и пробежал глазами по строю сержантов, выбирая, кем заполнить последнюю вакансию.

– Жак из Монтелье, – произнес он негромко, – прошу вас следовать за мной.

Лестница привела их в комнату на глубине не меньше чем в два человеческих роста, из которой в разные стороны шли коридоры. После того как вниз спустился Чормаган, плита, закрывающая вход, вернулась на место, и братья оказались в полной темноте.

Но пребывать во мраке им пришлось недолго. В руках у нойона несколько раз брызнуло искрами кресало, вспыхнул факел, и они двинулись вслед за ним по коридору. Вскоре перед посланниками оказалась невысокая дверь. Чормаган-нойон осторожно в нее постучал, что-то произнес, явно обращаясь к человеку, более высокопоставленному, чем он, и, дождавшись ответа, распахнул дверь.

В большой комнате горело не меньше сотни масляных ламп, и было светло, как днем. В дальнем ее конце, на атласных подушках, в окружении телохранителей сидел, скрестив перед собой ноги, человек в простом, но отлично сработанном доспехе.

Чормаган склонился в глубоком поклоне и что-то прошептал.

– Он говорит, чтобы вы приветствовали великого хана Толуя так, как приветствуете своих королей и императоров, – перевел мастер Григ.

– Мы рыцари, – ответил приор, – и по своему обычаю приветствуем христианнейших монархов, становясь на колени.

Братья-рыцари, киликиец и Жак опустились на пол и склонили головы в знак уважения перед ханом.

– Встаньте, воины, подойдите поближе и рассаживайтесь напротив меня, – произнес хан Толуй. Что-то необычное было в его словах, и только после того, как мастер Григ перевел сказанное, Жак понял, что монгол разговаривает с ними по-гречески.

«Что-то здесь не так... – подумал Жак, поудобнее устраиваясь на подушках рядом с Робером. – Могущественный хан, вместо того чтобы приказать своим слугам доставить нас к себе, принимает посланников тайно, в каких-то развалинах, словно он не регент империи, перед которой трепещет весь мир, а заговорщик или разбойник».

– Не удивляйтесь тому, что я вас встречаю в столь необычном месте, – произнес Толуй. Его слова переводил мастер Григ, который неплохо знал и язык Византийской империи. – Я прочел послание вашего святого отца. В нем он призывает монголов исполнить данное обещание и совершить поход к дальнему морю, чтобы сокрушить общего врага. Мой отец никогда не нарушал данного им слова, и я, как его наследник, обязан исполнить его последнюю волю. Но, как вам известно, он покинул этот мир, и в Каракоруме сейчас происходят очень непростые события. Там подняли голову те, кто считает, что войску нужно идти не на запад, а на север. Я тайне прибыл сюда, чтобы с глазу на глаз переговорить с посланниками, дабы вы могли все взвесить и принять очень непростое решение.

Толуй легко и быстро встал, вслед за ним немедленно поднялись и братья. Он был красив,

этот высокий черноволосый монгол с раскосыми живыми глазами. Но это была не красота дамского угодника, а сила и завораживающая привлекательность воина, привыкшего повелевать народами и вместе с тем готового постоять за себя с мечом в руке.

– Мне было тринадцать зим, когда отец, после многолетних войн и переговоров, объединил все монгольские роды, – продолжил рассказ монгольский царевич. – Весной, в год Барса, он собрал в верховьях реки Онон всех багатуров и нойонов. С их одобрения шаман Теб-Тенгри объявил отца божественным ханом, царем царей и государем государей, Суту-Богдо Чингисханом. После того как монголы обрели единого вождя, они стали готовиться к покорению Китая. Только повзрослев, я узнал, что в этот год отец задумал покорить не только Китай, но и все прочие народы, а чтобы составить себе полную картину того, что происходит вокруг, направил верных людей во все концы обитаемого мира. Год спустя, в праздник Нардуган, когда мой народ пирует, радуясь окончанию суровой зимы, меня вызвали в юрту, где Чингисхан принимал послов и вершил суд. Там вместе с ним меня ожидал высокий тощий старик в черном балахоне до пят, с длинным крючковатым носом, узким лицом и почти сходящимися к переносице глазами. Я не знал тогда, что так выглядят все обитатели далекого Запада. Старик был нестрижен и носил длинную бороду. И хотя у него на груди висел большой крест, он несколько не походил на тех христиан-уйгуров и мелькитов, которые занимали множество должностей в государственном совете. «Это христианин, – сказал отец, – он из далекого города Константинополя. Был продан в рабство сельджуками. Мои уйгуры купили его в Мосуле. Они говорят, что он – священник, но исповедует веру не так, как они. Впрочем, вскоре ты будешь знать об этом намного лучше, чем я, потому что он будет твоим наставником. Я не обещал ему свободу, но дал слово, что сохраню жизнь и уберегу от всех унижений рабского звания, если он хорошо справится с порученным делом». Так я познакомился с отцом Никанором, бывшим смотрителем Большой константинопольской библиотеки. За свою приверженность к унии с Римом и союзу с латинянами он был сослан императором Исааком Ангелом в горный пограничный монастырь, впоследствии разоренный конийскими турками, которые и продали его в рабство. Он-то и обучил меня греческому и немного – латыни, а кроме того, познакомил со Святым Писанием. Отец Никанор был при мне до самой своей кончины. Бог призвал его в тот год, когда мы стояли под стенами Бухары. Для чего я вам рассказываю об этом, вы поймете немного позже. Теперь же я поведаю о последних днях великого Чингисхана. Как вам известно, отец дал слово вашему святому отцу, что он сокрушит страны ислама и приведет свои тумены к последнему морю. Но для того, чтобы двигаться на запад, не оставляя за спиной непокоренные царства, он затеял поход в земли тангутов – последних из племен, которые не признали его своим властелином. Отец жил скромно, словно обычный воин, и был отличным наездником, но ему миновало семьдесят зим. И вот, во время облавы на диких лошадей, его конь шарахнулся и сбросил седока. После этого отец больше не вставал со своего походного ложа. Вскоре он понял, что дни его сочтены, и начал готовиться к уходу. За время ему отпущенное Чингисхан успел устроить все государственные дела и оставил все необходимые распоряжения, дабы исполнилась его воля, после того как он отправится в Серую Степь. Так он в последние месяцы называл царство мертвых – каждую ночь во сне он видел бесконечную серую степь, над которой никогда не восходит солнце. И все это время рядом с ним находились два наследника. Первый – я, Толуй, и второй – мой старший брат, Угедей. Отец подчинил мне десять туменов и тысячу багатуров своей личной охраны. Остальным же сыновьям он оставил двадцать восемь тысяч от всего войска. Все завоеванные земли Чингисхан разделил на четыре улуса – наследникам умершего к тому времени старшего сына, Джучи, отец отдал весь северо-запад, начиная от реки Джейхун. Второй, Чагатай, получил бывшие земли Хорезма, Иран и Афганистан, Угедею досталась Западная Монголия, Джунгария и Туркестан. Мне же, как

законному наследнику престола, были подчинены исконно монгольские земли, а также земли найманов, царство Цзинь и царство тангутов – то, что вы, франки, называете «королевский домен». Когда отец покинул нас, и его дух воспарил в небеса, я, следуя закону, стал выполнять обязанности правителя, дожидаясь истечения двух зим, после чего должен собраться харултай и объявить меня новым Чингисханом. Но, как это бывает во все времена, нашелся тот, кто возжаждал власти и начал искать пути, чтобы обойти древний закон. Старший брат, Угедей, которого готовили мне в помощники, не преуспел в военных делах и не был изощрен в переговорах с иноземными правителями, зато отлично научился разбираться в делах торговли и взимания налогов. Пока я укреплял границы нашей новой державы и готовил армию к походам, он заручился поддержкой многих нойонов, военачальников и, главное, – Сюцай Елюя – человека, чье положение соответствует франкскому хранителю королевской печати, и решил сам занять уготованное мне место. Сразу же после кончины отца Сюцай Елюй, Угедей и их сторонники начали распускать слухи о том, что я – горький пьяница и не могу исполнять обязанности правителя. Вот поглядите, – Толуй достал из-за рукава и бросил мастеру Григу какой-то свиток. – Они посылают своих глашатаев во все стойбища и зачитывают эту нелепицу, смущая умы простых нукеров и неграмотных пастухов. Речь идет о том, что якобы во время болезни Угедея я признал его права на престол, как более достойного.

Мастер Григ развернул пергамент и, с трудом разбирая тюркские слова, прочел вслух:

А мне ведь повелено только быть возле хана, старшего брата, чтобы, будить его от сна и напоминать позабытое. И если б теперь я не уберег тебя, то кого же стал бы будить от сна и напоминать позабытое. И именно сейчас я заступлю своего брата и государя, когда на самом деле с ним еще ничего не случилось, но все монголы уже полны сиротской скорби, а китайцы – ликования. Я ломал хребет у тайменя, я сокрушал хребет у осетра. Я побеждал пред лицом твоим, я сражался и за глазами. Высок я станом и красив лицом. Читайте ж, шаманы, свои заклинания, заговаривайте воду!» Когда он так сказал, шаманы, произнеся заклинания, заговорили воду, а царевич Толуй выпил и говорит, посидев немного молча: «Опьянел я сразу! Побереги же, государь и старший брат мой, побереги до тех пор, пока очнусь я, малых сирот своего младшего брата и вдову его Беруде, побереги до тех пор, пока я не приду в себя. Все, что хотел сказать, я сказал. Опьянел!»

– Просто какой-то Константинов дар, – пробормотал Сен-Жермен. – Оказывается, борьба за престолы одинакова везде, что на Востоке, что на Западе...

– Вот, – сказал Толуй, – теперь вы знаете, что происходит в нашей державе. До харултая осталось восемь лун, а враги собираются низложить меня, преступить отцовские заветы и, главное, нарушить обещания, которые Чингисхан давал своим союзникам. Поэтому, узнав о вашем прибытии, я взял с собой лишь Чормагана, единственного из военачальников, что сохранил мне верность, и, загоняя коней, отправился на тайную встречу. То, что вы услышите и увидите дальше, является столь великой тайной, что без клятвы, которая отдает ваши жизни в мои руки, вы не можете быть в нее посвящены. Сейчас еще не поздно отказаться, но тогда вам придется возвращаться обратно без ответа вашему властителю и ждать решения харултая.

– Ну вот, – тихо проворчал Робер, – сейчас нас поволокут в подземное капище и заставят отбивать поклоны каким-то идолам. Или того хуже, устроят человеческое жертвоприношение. И угораздило же папу Григория связаться с язычниками!

Повинуясь кивку царевича, Чормаган подошел к стене и отодвинул одну из укрывающих камень циновок. Там обнаружился еще один недлинный коридор, в конце которого мерцали неверные желтоватые огоньки.

Толуй дошел до конца коридора, остановился у входа и вдруг, неожиданно для всех, трижды истово перекрестился, после каждого крестного знамения отбивая поясные поклоны. Крестился он не на латинский, а на греческий манер – справа налево, но при этом не собирал пальцы в щепоть, а держал ровную ладонь. Они оказались в подземной часовне с лампадами, свисающими с потолка, и большим иконостасом, перед которым горели во множестве восковые свечи.

– Опуститесь на колени – произнес Толуй, – и, помолившись Всевышнему, именем Господа нашего Иисуса Христа поклянитесь хранить тайну Чингисхана. И если случайно и намеренно нарушите вы ее, то гореть вам вечно в геенне огненной.

– Мы не нуждаемся в устрашениях, хан Толуй, – спокойно ответил Сен-Жермен. – Меня и моих рыцарей сюда отправил его святейшество папа Григорий, глава всех христиан. Он распорядился, чтобы мы служили тебе в походе на Иерусалим. Поэтому я и мои братья готовы принести любую клятву, которая не оскорбляет христианской веры и согласуется с данным мне приказом.

Братья Святого Гроба опустились на колени и прочитали вслед за приором «Отче наш...».

– Поклянемся же, братья, – произнес торжественно Сен-Жермен, – что сохраним в тайне все, что будет нам доверено ханом Толуем, и, если будет на то воля Господа, умрем, но не выдадим нам доверенное, пока хан Толуй не освободит нас от данного слова.

– Клянемся, – отбросив обычную язвительность, произнес Робер.

– Клянемся, – почти не разжимая губ, сказал брат Серпен.

– Клянемся, – прошептал мастер Григ.

– Клянемся, – крестясь на икону Богородицы с младенцем, проговорил вслед за ними Жак.

Толуй и Чормаган присоединились к рыцарям и, встав на колени рядом с ними, начали читать незнакомую греческую молитву.

Когда все они завершили молитву и вновь поднялись на ноги, Жак всем телом ощутил, что вокруг что-то неуловимо изменилось. То ли легкие воздушные потоки, возносящие к потолку ароматные струи дыма, немного вскружили ему голову, то ли сказалось долгое пребывание в подземелье, – но ему почудилось, что взгляды монголов вдруг смягчились, и в воздухе, цепляя сердце, объявилась легкая грусть с предчувствием чего-то очень важного и неизбежного.

Голос Толуя забился под куполом часовни, отражаясь многократным эхом:

– Теперь слушайте то, ради чего мы здесь собрались. Вот что сказал отец перед самой смертью, когда при нем оставался лишь я один: «Не забывай никогда, что душой всякого дела является то, чтобы оно было доведено до конца...» После этого он призвал ожидавшего у входа в юрту несторианского священника и велел окрестить нас обоих. Когда священник объявил нас христианами, он сказал: «Толуй! Главное мое обещание – это обещание правителю Запада, римскому папе. И состоит оно в том, чтобы снова сделать христианским городом Иерусалим. Часы мои сочтены, но я не привык к тому, чтобы ветер уносил слова Чингисхана, словно бесполезную пыль. Поэтому я должен быть похоронен в этом святом городе, а мои тумены во главе с тобой должны расширить пределы нашей державы до последнего моря». Это были последние слова отца и, клянусь Господом, в которого я искренне уверовал за последние луны, я исполню его волю, чего бы мне это ни стоило!

Толуй махнул рукой, призывая братьев следовать за собой, и прошел в следующую комнату – почти полностью тонушую во мраке. Там горела одна-единственная лампада, которая едва освещала десятки деревянных сундуков, составленных у стены. Отдельно от остальных стоял еще один сундук – он был в несколько раз больше остальных и сделан не из дерева, а из камня.

– Остальное известно всем, – продолжил Толуй свой рассказ. – Похороны были торжественны и многолюдны. От реки Хуанхэ, где был тогда разбит наш походный лагерь,

вышла огромная процессия, которая разбилась по дороге на несколько отрядов. Для того чтобы сохранить тайну и оградить могилу от осквернения, одновременно в семи местах были сделаны погребения, над которыми нукеры по сто раз прогнали тысячные табуны коней, дабы скрыть место, где великий хан нашел свой последний приют. Кроме того, по всем улусам глашатаи объявили, что тело великого хана, по его желанию, было отвезено на родину и предано земле на горе Бурхан-Халдун. Горы с таким названием не существует, а в могилах, затоптанных многотысячными табунами, лежат всего лишь рабы, одетые в дорожные доспехи. На самом же деле тело отца, сохраненное лучшими арабскими лекарями, находится здесь, в саркофаге, и ожидает того часа, когда мы доставим его на место последнего пристанища, в Святой Град Иерусалим.

Царевич указал на большой каменный сундук, и мурашки побежали по спине у всех присутствующих братьев.

– Великий Темучин говорил, что есть только две веры, которые могут покорить мир, – стены в комнате были покрыты грубой штукатуркой, и слова, которые произносил Толуй, гасли в них и расходились по сторонам тихим шелестом, – вера в духов – удел скотоводов и лесных охотников. Такая вера не позволяет оторваться от могил предков и, не оглядываясь, идти вперед. Поклонники Будды тоже никогда не овладеют миром. Они знают: то, что им нужно от жизни, можно получить, убедив себя, что это у них уже есть, или придя к тому, что если у них чего-то нет, то, стало быть, это им и не нужно.

Христиане же верно служат монгольской державе, лучше, чем мусульмане, а на пути у наших туменов стоит ислам. Пройдет время, и моим внукам или правнукам придется выбирать между ними. Но если мои потомки примут учение Магомета, то рано иди поздно племя, предназначенное для того, чтобы править миром, будет отброшено обратно, в степи и леса. Земли христиан лежат по другую сторону моря, и нам с ними нечего делить. Сокрушив ислам в союзе с христианами, мы будем процветать в веках.

– Теперь, наконец, понятно, зачем тебе понадобилась клятва, великий хан, – не отрывая взгляда от саркофага, медленно произнес Сен-Жермен. – Ну что же... Воля твоего усопшего отца совпадает с волей его святейшества, и я готов служить тебе до последней капли крови. Но ты же сам сказал, что твои братья готовятся к узурпации престола и почти все военачальники тебе изменили. Как же ты, не имея в своем распоряжении непобедимой армии, думаешь исполнить последнюю волю отца?

– Ты прав, рыцарь, – кивнул головой Толуй, – власть моя пока лишь громкое слово. Ни один нойон не отправится в поход до завершения харултая. А на харултае уже готовы провозгласить правителем Угедея. Но у меня есть несколько лун, чтобы доставить тело отца в Иерусалим и там его предать земле. Когда я возвращусь в Каракорум и объявлю, где нашел последнее пристанище покоритель вселенной, все войско без колебаний встанет под мое знамя и, не давая отдыха коням, поскачет к последнему морю, чтобы могила великого Чингисхана как можно скорее оказалась на земле, завоеванной монголами. Ни Угедей, ни даже многомудрый Сюцай Елюй не смогут сказать и слова против, и о том, кого в таком случае изберет харултай, можно не гадать.

– Смелый план, – немного подумав, кивнул Сен-Жермен. – Дерзкий, но вполне осуществимый. Только как ты собираешься добраться до Иерусалима, царевич? Ведь каменный саркофаг не погрузишь на верблюда, а твои воины похожи на кочевников и купцов не больше, чем орлы на домашних куриц.

– Поэтому я и прибыл сюда, нойон! – отозвался Толуй. – Как видишь, я не могу направить на запад армию. Я прошу тебя соединиться с моим отрядом и сопровождать саркофаг до Святого Града.

– Боюсь, что это не совсем то, чего ожидает от нас святой отец, – покачал головой Сен-

Жермен. – Мы посланы, чтобы передать призыв тому, кто сможет на него ответить...

В подземелье воцарилась гнетущая тишина. Приор обернулся к братьям. По выражению его лица было видно, что Сен-Жермен поставлен перед чрезвычайно тяжелым выбором.

– Что скажете, рыцари? Выполним приказ дословно,ждем завершения харултая и передадим послание избранному великому хану, кем бы он ни оказался? Или же...

Стоящий позади царевича Чормаган-нойон что-то произнес по-монгольски.

– Что он сказал? – толкнул Робер под бок стоящего рядом мастера Грига.

– Он говорит, – отозвался киликиец. – Монгольская мудрость учит: у правды железное лицо.

– Вот уж верно сказано – кивнул в ответ арденнец, – тащились через эту проклятую пустыню, думая, что приведем обратно огромное войско. А тут оказывается, у монголов свои дела, и нам придется или ждать у моря погоды, или вместо стотысячного войска доставить с собой царевича, у которого под рукой не больше сотни бойцов.

– Чингисхан, пришедший в Иерусалим, даже после смерти стоит десятков тысяч солдат, – отозвался брат Серпен. – Мы можем нарушить букву нашей миссии, но должны сохранить ее дух.

– Не знаю, кто такой этот Угедей, – добавил к его словам де Мерлан, – но скажу вам честно, что с такими воинами, как Толуй и Чормаган, я бы счел за честь биться плечом к плечу.

– Конечно же, мы поступим так, как нам велит христианский и рыцарский долг, – кивнул Сен-Жермен, – однако...

– Это еще не все, – глядя на колебания приора, произнес Толуй. – Отправляясь в путь, мы взяли с собой то, что, я уверен, не оставит вас равнодушными.

Чормаган откинул крышку ближнего сундука. Там, на груди золотых монет, лежал неширокий золотой обруч, украшенный большими рубинами и сапфирами. Его зубцы были отлиты в форме крестов, которые носили братья ордена Святого Гроба.

– Корона Иерусалимского королевства, которую Саладин захватил в Хаттинском сражении, – прошептал Сен-Жермен – и впервые за все время Жак услышал, как его голос дрожит от волнения. – Но как она оказалась у вас?

– Саладин преподнес ее в дар халифу Багдада, – ответил Толуй, – а тот, в свою очередь, отправил среди других подарков отцу, умоляя его не нападать на Ирак.

Рядом с короной в сундуке лежала огромная книга в золотом окладе и застегками для семи замков.

– Письма Святого Гроба! – снова прошептал приор. – Ассизы Иерусалимского королевства, которые охранял наш орден до того, как Святой Град был сдан Саладину. Возвратив эти реликвии в Иерусалим, мы прославим имя Христа и вселим в крестоносное воинство новую надежду! Что же, думать теперь больше не о чем. Выбор сделан, хан Толуй!

Молодой хан улыбнулся и, не умаляя царского достоинства, чуть склонил голову в благодарном поклоне:

– Раз мы достигли согласия, то давайте покинем это место, которое стало временной усыпальницей. Негоже здесь говорить о приземленном. Устроим совет, где решим окончательно, что необходимо сделать перед тем, как отправиться в путь.

Поздно вечером, перед самым закатом они покинули подземное убежище. Слушая, как со всех минаретов муэдзины призывают правоверных творить вечерний намаз, они дождались, когда ярко-красный солнечный диск, размытый потоками горячего воздуха и колеблющийся в нем, словно свет лампы, висящей за раскаленным очагом, скроется за кромкой пальмовых лесов, и отправились обратно к берегу реки. Там их ждала та же самая барка, а кони, накормленные и вычищенные, радостно ржали под навесом, завидев своих хозяев. Вскоре над мачтой поднялся

парус, гребцы налегли на весла, и барка медленно начала продвигаться вверх по течению.

* * *

Толуй и Чормаган-нойон привели с собой из Монголии сотню всадников, которые, рассредоточившись по предместьям, затаились и ждали сигнала для выступления. Для подготовки к рейду молодой хан прислал на постоянный двор, где расквартировались посланники, своего человека – здорового уйгура с пузом, не желающим смиренно сидеть под халатом и то и дело вылезавшим на всеобщее обозрение.

– Пойдем в обход всех караванных путей, по краю пустыни Нефуд, – тоном, не допускающим ни малейших возражений, заявил уйгур. – Там почти не бывает людей. Будем двигаться по ночам, а днем раскладывать юрты, прятать там всадников и коней и притворяться мирными кочевниками. Всякий, кто встретится нам на пути, расстанется с жизнью – это лучший способ сохранить в тайне любое передвижение.

Затем он внимательно оглядел повозки, с которыми братья прибыли из Акры, посмотрел на мирно жующих жвачку волов и недовольно скривился.

– Все это придется оставить здесь, – сказал он сопровождающему его Роберу. – Ваши холощенные быки ползают, как степные черепахи, да и зерна на них не напасешься. Не пройдет и двух недель – все на корм шакалам пойдут. Так что избавьтесь от обузы, оставив себе лишь лошадей и оружие. Через неделю, в день полной луны выходите на берег, в то место, куда вас приводили в последний раз. Там вас будут ждать барки. Все свои припасы и коней туда грузите – вместе поплывем четыре дня вниз по Тигру. Там нас будут ждать кибитки и монгольские кони. На них дальше поедem и груз повезем. Здесь всем скажете, что в Басру отправились, чтобы в Индию плыть.

Братья Святого Гроба начали готовиться к отбытию, и сразу же перед ними стал непростой вопрос. Флорентинец, полностью оправившийся от перелома, не был посвящен в тайну миссии посланников, но, будучи человеком неглупым и образованным, вполне мог догадаться, что за монголы возвращаются вместе с ними в Палестину, и какой они доставляют груз. Но, словно читая мысли приора, Каранзано в тот же вечер попросил, чтобы его оставили в Багдаде.

– Раз уж судьба забросила меня в самый просвещенный город мира, – сказал он Сен-Жермену, – грех уехать отсюда, не получив новых знаний. Я договорился в одном из медресе, мессир, чтобы меня обучали там астрономии до конца этого года. Вы позволите мне остаться?

Приор нахмурился. Вслед за ним посерели лица у присутствовавших при разговоре Серпена и Робера.

– Ты, наверное, забыл, приятель, – недовольно произнес Робер, – куда и зачем ты скакал посреди ночи, до того как мастер Григ с помощью своего арбалета передал тебе приглашение присоединиться к нашей поездке?

– Могу вам дать слово наследника рода Каранзано, – вспыхнул студиозус, – что я останусь в Багдаде до следующего Рождества и не буду передавать на запад ни письменных, ни устных депеш. Как бы то ни было, но я обязан вам жизнью. Видит Бог, будь вы не так благородны, то остался бы я лежать на дороге с перерезанным горлом. Скажите, на чем поклясться, что я сдержу данное вам слово?

– Достаточно и сказанного, – махнул рукой Сен-Жермен. – Наш век жесток и прагматичен, как никакой другой. Нравы в упадке, и многие ради денег готовы на все. Но если мы перестанем соблюдать данные нам клятвы, то что же тогда останется в мире такого, что не даст ему обратиться в хаос? Я верю тебе, Николо.

Друзья тепло распрощались с веселым студиозусом, к которому успели привязаться за время пути.

Однако на просьбу флорентинца уступить ему жонглера Рембо достойный рыцарь Робер де Мерлан так грозно зашевелил усами, что тот немедленно признал свои требования совершенно обосновательными и в знак дружеского расположения предложил пригласить на последний ужин за свой счет самых лучших танцовщиц, что имелись у хлебосольного Назара.

– Помните мои слова о предателе, – перед самым расставанием сказал флорентинец. – Сейчас он затаился, но, чем ближе вы будете к Иерусалиму, тем больше шансов, что он сбежит и предупредит о вашем возвращении императора. Что бы ваше возвращение ни означало для многострадального королевства, я желаю вам только удачи.

Волы вместе с возами были проданы еврею из Бухары, который торговался почти полдня, кляня, на чем свет стоит, свою доверчивость и расточительность, но взял товар даже не за половину, а за треть цены. Три дня спустя, погрузившись на большие лодки, братья отправились в путь.

Не успели стены Багдада скрыться за излучиной петляющей по долине реки, как к небольшой флотилии присоединились корабли, на которых плыли монголы. Они шли ни от кого не скрываясь и становясь по ночам на якорь, как надлежит добропорядочным путникам. Робер и Чормаган довольно быстро нашли общий язык и теперь коротали время на палубе, ведя бесконечные разговоры.

– А ты отлично знаешь эти места, нойон, – говорил Робер, запуская пятерню в гору фиников, разложенных на большом медном блюде.

– Да, я здесь уже бывал, франк, – отвечал монгольский воин, потягивая из кувшина охлажденный в воде айран. – Великий Чингисхан пообещал мне, что если я завоюю Иран и Ирак, то он сделает меня правителем всех этих земель – от Тигра и до последнего моря. Полководец должен знать места, которые ему предстоит покорить, не по чужим рассказам. Поэтому за эти годы я вместе с купцами не раз объездил всю свою будущую страну, и даже побывал в Константинополе и в вашей столице – Акре.

Так они плыли до тех пор, пока Чормаган, по известным одному лишь ему приметам, не определил место высадки. Под покровом ночи франки и монголы пристали к берегу, вывели по сходням коней, а затем выкатили кибитки, среди которых одна, ничем не отличимая от других, везла каменный саркофаг.

После того как лодки опустели, Чормаган отдал короткий приказ, и десяток воинов, на бегу доставая кинжалы, бросились по сходням вверх. Вскоре из лодок донеслись испуганные крики и предсмертные стоны. Монголы, действуя тяжелыми веслами, отогнали барки на середину Тигра и проделали дырки в днище.

– Обычное дело в этих местах, – спокойно наблюдая за тем, как лодки медленно скрываются под водой, пояснил нойон. – На караван напали разбойники, всех убили, товар забрали. А теперь мы двинемся на запад, так чтобы к рассвету пройти как можно больший путь.

Звезд на небе было множество, и светили они не хуже масляных ламп, да и луна оставалась почти полной и висела над ними большим ярким фонарем. Разминая коней после долгого плавания, воины вели их на поводу. Вереница кибиток, окруженных немногочисленным эскортом, быстро преодолела открытое место и начала углубляться в пальмовую рощу, как вдруг откуда-то сбоку раздался громкий крик, и в воздухе запели летящие стрелы. Вслед за стрелами из укрытия вылетели всадники.

– К оружию! – закричал Сен-Жермен. Его голос слился с голосом Толуя, который тоже отдавал команды, только по-монгольски.

Пение перешло в жуткий вой. Заглушая голоса командиров, град стрел обрушился на отряд.

Но франки и монголы были готовы к походу и облачились в боевые доспехи, поэтому выстрелы не нанесли им вреда.

Жак рванулся к кибиткам, достал свой щит, вытянул из ножен меч, развернулся и побежал навстречу врагу. На прерывистый строй франкских пехотинцев неслась безмолвная кавалерийская лава. Монголы под прикрытием рыцарей лихорадочно вскакивали на коней, готовясь к организованной контратаке. Кто именно на них напал – Жак не успел разглядеть, первая линия атакующих налетела на рыцарей, и ему пришлось отбиваться от свистнувшего над самым ухом меча. Первый противник, осаживая разогнавшегося коня, успел пролететь мимо, едва задев край подставленного щита. Он уже почти развернулся, чтобы снова напасть, как был остановлен чьей-то шальной стрелой. В поисках нового противника Жак оглянулся по сторонам.

Как это бывает в случайных столкновениях, сражение рассыпалось на отдельные стычки и шло с переменным успехом. Робер и брат Серпен встали спина к спине и отбивались сразу от десятка визжащих конников, которые образовали вокруг них настоящую карусель. Однако достать их не удавалось никому – рыцари двигались столь быстро и так ловко отбивали удары, что направленные на них копья не достигали своей цели, а мечи со звоном отлетали в сторону, часто не удерживаясь в руках нападавших. При этом молниеносные удары самих франков неизменно достигали успеха. Жалея коней, они били врагов по ногам и плохо защищенной нижней части корпуса, нанося им тяжелые раны. Три всадника уже неподвижно лежали на земле, один с воплями катался вокруг, и его вывалившиеся кишки дымились под копытами очумевших от боя коней, а еще одного испуганно ржавшая лошадь волокла в сторону от сражения за ногу, застрявшую в стремени.

Но озираться по сторонам было некогда. На Жака летел очередной противник. Повторяя движения Робера, бывший вольный виллан, дождавшись, когда противник окажется от него в двух или трех шагах, прикрыл голову щитом, одновременно делая шаг в сторону, отбил саблю и нанес ответный боковой удар, целясь в поясицу. Кончик меча глубоко погрузился в живую плоть, всадник подпрыгнул в седле и рухнул на землю словно тяжелый, хорошо увязанный сноп. Не дожидаясь, пока он придет в себя, Жак подбежал к неподвижному телу и нанес ему три рубящих удара в верхнюю часть корпуса. Враг был в добротном пластинчатом доспехе, и первые два удара не достигли цели, зато третий попал в незащищенную шею и отправил неизвестного воина на высший суд.

Убедившись, что противник испустил дух, Жак приготовился к следующей стычке. Однако противники, которым не удалось воспользоваться эффектом неожиданности, отхлынули назад и теперь мелькали на фоне пальмовых стволов, готовясь к следующей атаке.

– В строй, братья! – раздался голос приора. – Конным – отойти за кибитки. Тем, кто еще не в седле, – взять щиты и сомкнуться плечом к плечу!

Жак бросился исполнять команду. Вскоре он уже стоял в плотной шеренге, чувствуя справа и слева плечи товарищей.

На них надвигалась ошетиненная копьями стена, но, к счастью, вражеские лошади не были приучены атаковать плотный строй. По мере приближения к франкам, они, не обращая внимания на плети седоков, стали переходить с галопа на рысь, и таранного удара у нападавших не получилось. Попробовав пробить копьями защиту и в очередной раз убедившись, что их сабли не наносят ни малейшего ущерба рыцарским щитам, они снова отхлынули назад.

Воины Толуя, приготовившиеся было к ответному удару, увидев, что братья образовали неприступную живую стену, мгновенно сориентировались и открыли стрельбу из луков, целя в незащищенных коней. Спешенные враги не могли спастись бегством и пытались сражаться до конца. Но для длинных и тяжелых франкских мечей, которые в руках у рыцарей и сержантов

свистели в воздухе словно легкие лозины, их доспехи, кожаные и даже пластинчатые, не давали ни малейшей защиты, так что вскоре вся опушка пальмового леса была черна от трупов.

– Цел, приятель! – Кто-то хлопнул Жака по плечу.

Он обернулся. Рядом стоял Робер. Усы рыцаря, как это всегда бывало по завершении боя, топорщились и слегка подрагивали.

– Ты тоже невредим, де Мерлан! Какие у нас потери?

– Потеряли брата Армана, – арденнский рыцарь нахмурился и махнул рукой в сторону опушки, где два оруженосца ловили по всей лужайке испуганного коня, на котором, откинувшись на высокой задней луке, раскачивалось мертвое тело. Из глазницы защитной полумаски торчало пестрое оперение точно пущенной стрелы.

К приятелям подъехали Толуй и Чормаган.

– Кто на нас напал, хан Толуй? – спросил де Мерлан, рассматривая валяющиеся на земле трупы. – Они одеты и вооружены точно так же, как и твои монгольские нукеры. Похоже, что твой брат Угедей, невзирая ни на что, нас выследил.

– Это не монголы, – всматриваясь в лица врагов, ответил Толуй. – Две сотни воинов любого из моих туменов, напав из засады, перебили бы полтора десятка пеших воинов быстрее, чем те поняли бы, что произошло. Однако ты прав, рыцарь, – это люди Угедея. Мой брат отлично знает, что никто из монголов не поднимет руку на сына Чингисхана, поэтому он послал за нами лесных охотников улуса Джучи – бурятов и найманов. Они следили за нами, двигаясь вдоль берега. Добейте раненых, – обратился он к Чормагану, – но двоих вели оставить на допрос. Нужно узнать, сколько еще отрядов пущено по нашим следам.

Повинуясь приказу нойона, монгольские всадники спешили и, вооружившись кинжалами, начали обходить лежащие тела, переворачивая их вверх лицом и нанося удары милосердия тем, кто проявлял хоть малейшие признаки жизни. Сен-Жермен назначил караул, остальным же братьям приказал передохнуть и подготовиться к маршу.

Жак оказался в свободной смене. Чтобы немного проветриться перед долгой скачкой, он стянул кольчугу и сбросил тяжелый от пота гамбезон. ^[111] Голый по пояс, он потянулся, подставляя бока теплему ночному ветерку, и краем глаза уловил какое-то подозрительное движение немного в стороне от места, куда стаскивали трупы убитых. Повернув голову, он с ужасом увидел, как из-за павшего коня поднимается нукер и, натягивая лук, целится в Толуя, который стоит к нему спиной.

Жака словно окатило ведром холодной воды. Все чувства его вмиг обострились. Время растянулось и замедлило свой бег. Ощущая сопротивление сгустившегося вокруг воздуха, словно пробиваясь сквозь толщу воды, он рванулся вперед. Но, сделав всего лишь шаг, он понял, что не успеет подбежать к стрелку раньше, чем натянутая стрела сорвется с тетивы. К нему вдруг пришло какое-то странное прозрение. Теперь он слышал, как скрипит каждая жила натягиваемой тетивы, и видел, как от желтого костяного наконечника со страшными зубринами и до точки, находящейся под левой лопаткой ни о чем не подозревающего царевича, протягивается тонкая серебряная нить.

Жак пытался что-то кричать, но не слышал собственного крика. Он неслся вперед, чтобы оборвать эту страшную нить, стать на пути у стрелы, потому что его жизнь ни в какое сравнение не шла с жизнью наследника монгольской империи, держащего в руках судьбу христианского мира.

До нити оставалось не больше двух шагов, когда раздалось непривычно длинное басовитое гудение тетивы, а вслед за ним низко запела тяжелая стрела – в наконечнике были проделаны специальные отверстия, и в полете она издавала свистящий звук, который так удивил рыцарей в начале внезапной атаки. Жак коснулся нити за миг до пролета стрелы. Всем корпусом он

ощутил сильный удар, затем хруст разрываемых тканей и ломающихся костей. Тело отозвалось вспышкой нестерпимой боли. Опускаясь на землю, Жак все же успел заметить, что к стрелку бегут со всех сторон франки и монголы, Толуй наполовину развернулся и удивленно смотрит на все происходящее, к нему мчится Чормаган, а мастер Григ разворачивает в сторону убийцы взведенный арбалет. И тут боль вернула времени обычный ход.

«Это охотники на соболя, буряты, – раздался вдруг над самым ухом встревоженный голос, – у них поющие стрелы. Соболю – очень зоркий, он успевает увернуться от летящей стрелы, но, заслышав незнакомый свист, всегда замирает на месте. Это его и губит».

Словно в кровавом тумане, Жак увидел лица склоняющихся над ним Робера, Толуя, мастера Грига и Чормагана. Затем кто-то, скорее всего Сен-Жермен, сказал твердым, уверенным голосом: «Переложите его на спину и срежьте древко стрелы, чтобы она не расшатывала рану».

Боль вдруг исчезла, и он ощутил себя маленьким мальчиком, который бежит по ярко-красному маковому полю, какие бывают лишь в Бургундии, к невысокой каменной стене, за которой простиралась до самого горизонта часто сновившаяся ему после рассказов Толуя Серая Степь. За спиной он слышал крики: «Жак, вернись, не покидай нас!» Он различал голоса кричащих – это были Робер и Серпен. К ним вдруг прибавился нежный голосок Зофи. Затем в хор голосов вплелся плач новорожденного младенца. Голоса с каждым шагом отдалялись, а он все бежал и бежал вперед, не имея сил, чтобы повернуться к зовущим. И не было этому бегу ни конца, ни начала – делая сотню шагов, он едва приближался к стене на полшага.

Он уже начал выбиваться из сил, когда голоса почти затихли, а стена, наконец, приблизилась и чернела в двух-трех шагах, так что он мог разглядеть камни, из которых она была сложена и грубые полосы скрепляющего их раствора. Теперь он мог разглядеть и Серую Степь.

Туман, встающий сразу за стеной, начал редеть, и в нем проступили очертания знакомых ему людей. Совсем неподалеку брел, уходя в туман, брат Арман, впереди него двигалась беспорядочная толпа найманов. В полусотне шагов, почти на грани видимости он различил отца, который ему улыбался и приветственно махал рукой. Там было еще много знакомых людей, но Жак не смог их всех рассмотреть, потому что его внимание приковал стоящий почти у самой стены высокий широкоплечий старик с раскосыми глазами, который кого-то неуловимо ему напоминал. «Вот так же будет выглядеть Толуй, когда состарится», – вдруг понял он и в то же мгновение встретился со стариком глазами. Тот, словно читая его мысли, отрицательно покачал головой, и от уголков его рта к подбородку побежали две глубокие складки, словно мысли Жака стали причиной глубокой скорби.

Жак наконец-то подбежал к самой стене – она оказалась ему по грудь. «Мне нужно обо многом поговорить с этим стариком, – подумал он, кладя руки на холодный шершавый камень. – Ему известно то, о чем не знает никто из тех, кто жил и будет жить на Земле». Он подтянулся, чтобы перелезть на противоположную сторону, но вдруг старик грозно нахмурился, взмахнул рукой, словно отгоняя его назад, и начал приближаться быстрыми широкими шагами. И было в приближении старика что-то настолько неумолимо жестокое, что Жак, не медля, откинулся назад и рухнул обратно, отдергивая руки от стены, словно камни вдруг превратились в горящие уголья. Но земля под ним куда-то исчезла, и теперь стена оказалось очень высокой – выше стен Тира и Багдада, выше стен самой Акры. Жак падал вниз, и это падение продолжалось и продолжалось, пока свет у него в глазах окончательно не померк...

Глава четвертая, в которой Жак оказывается в Ираме Многоколонном и следует по Пути царей

Трансиордания, шестнадцатый день сафара 626 года хиджры (1229 г. от Р. Х., 14 января)

Долго, бесконечно долго его окружала со всех сторон одна лишь вязкая темнота да отдаленный неразборчивый шум. Жак был слеп, нем, почти глух и беспомощен. Сам себе он казался недвижимой водяной мельницей, что стоит на обмелевшей по зимней поре реке, берущей начало в горах Ливана. И как долго это продолжалось, было ему неизвестно.

Однако в конце концов наступил момент, когда совсем было иссякший ручеек начал медленно, но неуклонно превращаться в полноводный поток. Казалось, будто тающие под весенним солнцем снега, белыми епископскими шапочками укрывающие далекие горные вершины, побежали вниз, в долину веселыми журчащими струями, и вода, наполнив пересохшее русло реки, стала понемногу налегать на лопасти мельничного колеса. Медленно, со скрипом колесо провернулось, приводя в движение застывший с осени механизм, – вначале вал, вслед за ним большие деревянные шестерни и, в конце концов, тяжелые мельничные жернова. Время, до сих пор неизмеримое и неосязаемое, начало понемногу оживать. Подобно падающей воде, шум, до этого слитый в неразборчивый шелест, стал разрастаться, тесня темноту и заполняя все окружающее пространство, пока не рассыпался на отдельные звуки, которые он понемногу начал различать и узнавать. Оказалось, что в далеком шелесте все это время жили свист ветра, хлопанье незакрепленного навеса, блеяние коз, стуки, возгласы, треск горящих в костре поленьев, а главное – топот, фыркание и храп множества коней, среди которых он вдруг распознал до боли знакомый голос своего Бургиньона.

Вслед за способностью различать и узнавать знакомые звуки к нему возвратились и ощущения. Ноющая боль в плече. Ветерок, ласкающий лицо. Бегущий по руке муравей, нытье затекшей от долгого лежания спины. Очнувшаяся память, откликаясь на жалобы тела, которое все настойчивее давало знать о себе и своих нуждах, незаметно начала услужливо подносить ему одно воспоминание за другим.

Жак снова ощутил себя Жаком из Монтелье, сержантом крестоносного братства рыцарей Святого Гроба, посланником, везущим в Иерусалим тело усопшего императора монголов. Он припомнил, что первопричиной всего, что происходит с ним теперь, стала поющая стрела, предназначенная хану Толую. Но вскоре и воспоминания пришлось отложить, потому что в его сознание, не церемонясь с более тонкими материями, вторглись многочисленные запахи, главным из которых был принесенный ветром дым костра, напитывающийся сочным, щекочущим ноздри запахом жареного мяса.

Жак сглотнул накопившуюся во рту слюну и попытался открыть глаза. Он разлепил чуть не склеенные веки и сощурился, привыкая к нестерпимо яркому свету. Вскоре расплывчатые пятна начали принимать четкие очертания и превращаться в привычные предметы. Перед ним серела холщовая стена походной палатки, валяющийся на утрамбованном полу глиняный кувшин и гора разномастной степной травы, скорее всего приготовленная на замену его нынешней лежанке. Предметы становились все резче, проявлялись невидимые до сих пор подробности – прямо перед собой, на расстоянии вытянутой руки он разглядел темно-коричневый кокон, прилепленный к отломанной ветке. По спинке кокона медленно двигалась трещина.

Что ощущает куколка, ожидая метаморфозы? Помнит ли она, кем была раньше? Знает ли,

кем станет после того, как в назначенное Господом время разорвет сковывающие нити и покинет свой кокон?

Трещина добралась до острого конца. Кокон распался на две половинки, и из него, смешно шевеля влажными усиками, появилась большая бабочка. Бабочка немного посидела, перевела дух и, неуклюже перебирая лапками, двинулась вверх по стеблю. Добравшись до самого верха, она зависла, расправляя и высушивая крылья, до сих пор лежавшие у нее на спинке мокрым сморщенным плащом. Жаку вдруг захотелось дотронуться до бархатного тельца, но едва он попробовал протянуть руку вперед, как левое плечо дернула боль, и он невольно застонал.

Тихий, ему самому едва слышный стон произвел неожиданное действие. Словно мановением волшебной палочки или заклинанием волшебника то, что он сначала принял за сваленную в углу палатки бесформенную кучу сена, вдруг зашевелилось и начало подниматься на ноги, приобретая очертания человеческой фигуры. Фигура устремилась к Жаку, спугнув по дороге бабочку, которая, расправив красивые яркие крылья, запорхала под потолком. Проснувшийся человек склонился над постелью. Растрепанные волосы с запутавшимися веточками, помятое после сна лицо кого-то разительно напоминали. Жак задумался, несколько раз моргнул и глубоко, полной грудью вздохнул. Склонившееся над ним лицо озарила улыбка. Сиделец выпрямился и понесся в сторону выхода, крича голосом жонглера Рембо:

– Господа! Господа! Наш Жак открыл глаза!

Не успел Жак опомниться, как в палатку, вздымая пыль и спугивая многочисленных мух, ворвался Робер де Мерлан.

– Что... Со мной? – прошептал Жак пересохшими губами. Он так долго не слышал свой голос, что тот показался ему чужим.

– Ну и перепугал же ты нас всех той проклятой ночью, – зачастил достославный рыцарь, не давая ему вставить и слова. – Наконечник был зазубренный, сел так плотно, что не вынуть. Пришлось вырезать. А вырезать стрелу – сам понимаешь, какое опасное дело. Мне-то не впервой, прокалил кинжал – и вперед. Однако лук у этого нехристя был тугой. Стрела прошла почти навывлет. Крови ты потерял столько, что вся земля вокруг почернела. Я уже, честно говоря, пошел искать подходящее место для могилы, пока тебя мастер Григ и брат Серпен перевязывали. Однако вернулся, гляжу – дышишь. Под самое утро, правда, лихорадка началась, трясет тебя всего, решили, что отходишь. Серпен приложил ухо к груди, послушал. Сердце, говорит, остановилось! Толуй, Чормаган, Серпен, Сен-Жермен, да и я сам уж было собрались молиться за упокой твоей крестоносной души, а тут мастер Григ как закричит вдруг на всех нас: «Хватит языческих поверий! Господь, конечно, сам определяет смертный час каждого из живущих, но где говорится в Писании, что Всевышний радуется при виде смерти своих слуг?» – сел рядом да начал ни с того ни с сего кулаком колотить тебе в грудь. Колотит, ребра твои давит так, что они чуть не трещат, из сил уже совсем выбился. «Зеркало, – кричит, – зеркало мне дайте!» Да где же мы ему в походе зеркало возьмем? Чормаган вытащил из ножен кинжал – отшлифованный так, что девицам впору в него глядеться, дал нашему каменщику. Тот его к твоим губам поднес. Гляжу – замутилось. Стало быть, дышишь. Утром снова двинулись в путь. А ты все это время в сознание не приходил и в лихорадке метался.

– Скоро... скоро продолжим путь? – едва шевеля губами, спросил Жак у Робера.

– Опомнись, друг, – рассмеялся в ответ рыцарь, – пока ты в кибитке в бреду метался, мы уже пустыню пересекли и стали лагерем в Джераше. Тут и Рождество справляли.

– Джераш? – снова спросил Жак.

– Он самый, – кивнул Робер, – покинутый греческий город на границе пустыни. Отсюда до перевалов несколько дней пути. Мы пока схоронились в развалинах, а брат Серпен в Акру поскакал, чтобы, значит, выяснить, как там обстоят дела, да предупредить патриарха о нашем

возвращении.

– Пить, – из последних сил простонал Жак.

Робер, опомнившись, прекратил болтовню и суетливо заметался по палатке.

Узнав, что доблестный сержант пришел в сознание, его поспешили навестить все участники похода. Первым, по старшинству, был хан Толуй в сопровождении верного Чормаган-нойона. Он присел на корточки, взял руку Жака в свою, долго глядел ему в глаза, затем благодарно кивнул. Тот слабо улыбнулся в ответ. После ухода монголов в палатку вошли Сен-Жермен и мастер Григ.

– Мы молились о твоём выздоровлении, брат-сержант, – произнес, подойдя поближе, приор. – Твой поступок растопил остатки недоверия между нами и монголами. По их законам, пожертвовать жизнью ради спасения своего хана – это обязанность. Но то, что своим телом заслонил его ты, воин чужой страны, они восприняли как настоящий подвиг.

– А почему мы так долго находимся здесь, мессир? – спросил Жак, пытаясь приподняться на локтях. При попытке опереться на левую руку в плече отдалась острая боль. Жак скрипнул зубами. Мастер Григ нахмурился и по-лекарски погрозил ему пальцем.

– Пока не вернется брат Серпен, – ответил приор, – мы не будем двигаться дальше. Отсутствовали мы достаточно долго, и в Святой Земле могло произойти что угодно. Может быть, Фридрих уже отвоевал Иерусалим, а может, его армия разбита – кто знает? Серпен послан как самый опытный из братьев-рыцарей. Он, как было уже не раз, сможет выполнить возложенное на него поручение и вернуться целым и невредимым.

Они поговорили еще немного, Сен-Жермен ушел, и в палатке остался один лишь мастер Григ. Через некоторое время к ним присоединился и Робер. В руках у рыцаря была неведомо как уцелевшая тыквенная фляга с вином.

– Давайте выпьем за чудесное выздоровление, – де Мерлан сделал несколько больших глотков и передал флягу Григу.

– Присоединяюсь, – произнес тот и осторожно, боясь облиться, пригубил предложенное питье. – Хотя по такому случаю можно было бы испить не этот кислый виноградный сок, а добрую «аква виту» скоттов, которую я считаю единственным достойным напитком. Ведь твое чудесное спасение ничем, кроме вмешательства высших сил, нельзя объяснить. Ты, по сути, уже был на том свете, а потом тебя словно вытолкнули обратно в Божий мир.

– Я знаю, – кивнул в ответ Жак и, удивляя друзей, в один заход опорожнил увесистую флягу. Он вспомнил старика, который в видениях пытался перебраться через каменную стену. Теперь он знал точно, кто это такой и почему он не дал ему умереть.

– Как скоро я смогу ходить? – спросил он у мастера Грига.

– Дня три, от силы неделя, – ответил тот. – Кризис миновал, и ты уже почти здоров. Правда, рука будет ныть еще долго и вряд ли будет такой же подвижной как раньше.

– Этого достаточно, чтобы держать щит, – коротко ответил сержант, снова удивив старых друзей, которые раньше не видели в нем нынешней жесткости. – Расскажите мне о том, как прошел поход.

– Да ничего особенного, – отозвался Робер, довольный тем, что может сменить тему. – От Тигра до Евфрата шли тихо, как мыши, держа дозоры в полудне пути впереди и сзади. Более погони за нами не было. Тот отряд, что на нас напал, перебили полностью, а другие, видать, отправились по ложному следу. Чормаган сказал, что Угедей и Елюй, не дождавшись сотника, посланного вниз по реке, будут искать нас в Басре. Потом переправились на западный берег Евфрата, и снова началась эта жуткая пустыня. До сих пор песок на зубах скрипит. Правда, Чормаган сказал, что по сравнению с их Гоби это просто легкая прогулка. Вот так и «прогуливались» каждую ночь, чуть не загоняя лошадей. Кто бы мог подумать, что эти их

коротконогие твари могут тащить кибитки со скоростью скакуна, а уж выносливы и неприхотливы, слов нет. Шли без шума. Если натыкались на бедуинов или заплутавших караванщиков – монголы убивали всех до единого, чтобы себя не выдать. Грех, конечно, кровь невинных проливать, да Чормаган прав, когда говорит, что пустыня только на вид большая да безлюдная. На самом деле вести тут передаются от Багдада до Медины порой быстрее, чем от Ретеля до Труа.

– А Он здесь? – вдруг, перебивая увлекшегося рассказом приятеля, спросил Жак.

– Это ты про... – вскинул рыжие брови Робер, шестым чувством поняв, о чем спрашивает странно изменившийся после болезни приятель.

– Не называй имени, нельзя! Ответь просто, он здесь или нет?

– Да здесь, конечно здесь. Толуй и Чормаган разве его бросят? Да если бы нашим владельцам сыновья хоть вполовину того были преданы, мы, франки, давно бы уже полоскали свои брэ в водах Эритрейского моря, которое арабы называют Бахр-эль-Хинд...

– И у них далеко не все такие, как Толуй, – вмешался в разговор мастер Григ. – Это особенный человек. Пожертвовать ради обещания, данного отцу на смертном одре, такой властью, которой может позавидовать и Александр Великий, не каждый сможет.

– Это точно, – вздохнул де Мерлан. – К примеру, не успел наследничек поминки справить по дядюшке моему, графу Гуго де Ретель, как я тут же в немилость к нему попал. Хотя при жизни граф Гуго сто раз говорил этому недомерку: «Сынок! Никогда не обижай Робера, все-таки родная кровь...»

– А что это за место, Джераш? – спросил Жак у мастера Грига.

– Так называют этот древний город арабы, – ответил тот, – хотя истинное его название Герасия. Это город империи Великого Александра. Здесь был римский гарнизон, потом византийский форпост. Сотни лет назад город был разрушен землетрясением, с гор сошел селевый поток – смесь воды, грязи и камней. Теперь этот мертвый город считается местом, где живут духи. Многие думают, что именно это и есть тот самый суфийский «запретный город в пустыне», Многоколонный Ирам, или Город Ста Столбов. Бедуины обходят его десятой дорогой, ну а нам и монголам, – усмехнулся вольный каменщик, – с тем, что мы везем в одной из кибиток, лучшего места для укрытия и не придумать. Впрочем, вскоре ты все увидишь сам.

Через несколько дней Жак оправился настолько, что смог, наконец, покинуть палатку. В сопровождении Робера и Рембо он вышел наружу и остановился, пораженный картиной, которая предстала у него перед глазами.

– Теперь я наконец-то понимаю, почему мастер Григ вспоминал про Многоколонный Ирам, – еле выдохнул он, глядя на расстилающуюся перед ним равнину.

Джераш находился в предгорье, и его нынешний вид не мог не поразить того, кому довелось увидеть подобное зрелище впервые в жизни. Прямо перед ними стоял настоящий каменный лес – словно бесчисленные пальмовые рощи Междуречья вдруг окаменели, потеряли свои пышные зеленые кроны, да так и остались здесь на столетия, поражая воображение редких в этих местах путников.

Из палатки вылетела большая яркая бабочка. Она покружила над головами друзей и полетела в сторону мертвого города. Жак долго провожал ее глазами, пока ее трепещущие крылышки не скрылись среди колонн. Оттуда, словно дождавшись ее появления, выехала небольшая кавалькада. Жак с удивлением узнал Сен-Жермена в полном рыцарском облачении, которого сопровождали сержанты и оруженосцы в ярко-белых плащах с желтыми крестами братства Святого Гроба, которых Жак не видел с тех самых пор, когда они давно, еще в прошлой жизни, покинули Акру.

Приор подсказал к друзьям:

– Сегодня Сретение Господне, добрый день для задуманного. Сможешь ли ты удержаться на коне, брат-сержант?

– Смогу, мессир, – уверенно ответил Жак.

Из-за палатки появился слуга, ведущий на поводу оседланного Бургиньона. Тот, узнав хозяина, тихо заржал и потерся мордой ему о плечо. Жак с помощью Рембо забрался в седло. Вслед за ним взлетел на Ветра Робер, и они двинулись вперед.

«Странно, – подумал Жак и тревожно огляделся по сторонам, – почему всегда осторожный мессир вдруг решил раскрыться? Любой кочующий в пустыне бедуин, издали завидев наши ярко-желтые кресты, немедленно помчится к своему шейху».

– Не беспокойся, – словно читая его мысли, ответил тот, – я попросил Толуя, чтобы его воины оцепили город, дабы никто не смог нас увидеть.

Теперь Жак заметил, что на расстоянии нескольких полетов стрелы, куда ни кинь взгляд, гарцуют всадники на невысоких лошадях.

– В последней схватке погиб брат Арман, а число рыцарей Святого Гроба должно оставаться неизменным. В особенности если речь идет о столь важной и значительной миссии. Мы приняли решение, что новым рыцарем ордена Святого Гроба станешь именно ты, Жак из Монтелье.

– Но я же не благородного происхождения! – воскликнул Жак. Он никак не ожидал подобного и был поражен до глубины души.

– Сорок лет назад Балиан Ибелин, дед нынешнего бейрутского барона, посвятил в рыцари всех простолюдинов, что согласились защищать Святой Град от Саладина, – ответил приор. – Тридцать лет назад германский император Фридрих Барбаросса за храбрость на поле битвы посвящал в рыцари простых воинов и даже крестьян. Ты будешь вначале «рыцарем из милости» – *les chevaliers d'Accolis ou de Grace*, – а впоследствии ничто не может воспрепятствовать тебе принести вассальную присягу одному из владетелей и получить наследственный рыцарский фьеф. Мы ведь не монахи, а светские рыцари. Ты достаточно провел на больничной постели, поэтому для посвящения тебе нет необходимости проводить ночь в покаянной молитве, выдерживать пост и причащаться.

Они подъехали к колоннаде, где их ожидали слуги с предназначенной Жаку одеждой. Жаку помогли спешиться, приняли у него старое платье и омыли холодной колодезной водой. Вскоре он снова сидел в седле в полном орденском облачении, только без плаща.

Следующим местом остановки на пути к месту проведения церемонии оказалась приютившаяся между колонн небольшая византийская базилика. Сен-Жермен со свитой, Жак и Робер оставили коней оруженосцам и вошли внутрь. Заброшенная часовня была чисто убрана и приготовлена к богослужению – на стене висели иконы, перед которыми подрагивали огоньки лампад. Приор, а за ним и все братья опустились на колени.

– Повторяйте вслед за мной, – тихо произнес Сен-Жермен и начал читать молитву, которая предвляла церемонию посвящения в рыцари.

– Господи, Боже мой! Спаси раба Твоего, ибо от Тебя исходит сила, без Твоей опоры исполин падает под пращей пастуха, а бессильный, воодушевляемый Тобой, делается непоколебимым, как чугунная твердыня против немогущей ярости смертных.

Всемогущий Боже! В руке Твоей победные стрелы и громы гнева Небесного; воззри с высоты Твоей славы на того, кого долг призывает в храм Твой, благослови и освяти меч его не на служение неправде и тиранству, не на опустошение и разорение, а на защиту престола и законов, на освобождение страждущих и угнетенных; подаждь ему, Господи, во имя этого священного дела, мудрость Соломона и крепость Маккавеев.

Помолившись, братья продолжили свой путь, двигаясь среди леса колонн, пока не

оказались на краю большого греческого амфитеатра. Внизу, на центральной площадке их ожидали братья-рыцари.

– Любое слово, произнесенное там, внизу, даже шепотом, слышно так, будто говорящий находится около самого уха, – тихо рассказывал Робер, пока они шли по проходу мимо высеченных в камне скамей. – Мастер Григ долго изучал это строение и, в конце концов, сказал, что он, как каменщик, готов душу дьяволу продать, лишь бы узнать древний секрет.

– А почему его с нами нет?

– Видишь ли, согласно традиции ордена, никто, кроме братьев и собратьев, не может присутствовать на посвящении. Сен-Жермен предложил мастеру стать собратом, но тот отказался, ссылаясь на то, что это запрещают правила его гильдии.

К тому времени, как они спустились вниз, ожидающие рыцари образовали круг. Жак, подчиняясь приору, зашел внутрь круга и опустил на одно колено. Сен-Жермен встал напротив и вытащил из ножен меч. Вслед за ним обнажили клинки и остальные братья. Теперь они стояли, вытянув руки вперед и вниз и касаясь наконечниками мечей выщербленных от времени каменных плит. Приор начал посвящение:

– Рыцари обязаны бояться, почитать, служить, любить Бога искренно, сражаться всеми силами за веру, умирать, но не отречься от христианства. Они обязаны служить своему законному государю и защищать его и свое отечество. Щит их да будет прибежищем слабого и угнетенного, мужество их да поддерживает везде и во всем правое дело того, кто к ним обратится. Да не обидят они никогда никого и да убоятся более всего оскорблять злословием дружбу, непорочность, отсутствующих, скорбящих и бедных.

Жажда прибыли или благодарности, любовь к почестям, гордость и мщенье да не руководят их поступками; но да будут они везде и во всем вдохновляемы честью и правдой. Да повинуются они начальникам и полководцам, над ними поставленным, да живут они братски с равными, и гордость и сила их да не возобладают ими в ущерб прав ближнего. Да не вступают они в неравный бой: несколько против одного, и да избегают они всякого обмана и лжи. На турнирах и на других увеселительных боях да не употребят никогда острия меча в дело. Честные блюстители данного слова, да не посрамят они никогда своего девственного и чистого доверия малейшею ложью, да сохраняют они непоколебимо это доверие ко всем и особенно к своим сотоварищам, оберегая их честь и имущество в их отсутствие. Да не положат оружия, пока не кончат предпринятого по обету дела, каково бы оно ни было; да следуют они ему и денно и нощно в течение года и одного дня. Если во время следования начатого подвига кто-нибудь предупредит их, что они едут по пути, занятому разбойниками, или что необычайный зверь распространяет там ужас, или что дорога ведет в какое-нибудь губительное место, откуда путнику нет возврата, да не обращаются они вспять, но да продолжают путь свой даже и в таком случае, когда убедятся в неотвратимой опасности и неминуемой смерти, лишь бы была видна польза такого предприятия для их сограждан. Да не принимают они титулов и наград от чужеземных государей, ибо это оскорбление отечеству. Да сохраняют они под своим знаменем порядок и дисциплину между войсками, начальству их вверенными; да не допускают они разорения жатв и виноградников, да наказуется ими строго воин, который убьет курицу вдовы или собаку пастуха, который нанесет малейший вред кому бы то ни было на земле союзников. Да блюдут они честно свое слово и обещание, данное победителю; взятые в плен в честном бою, да выплачивают они верно условленный выкуп или да возвращаются по обещанию, в означенные день и час, в тюрьму, иначе они будут объявлены бесчестными и вероломными. По возвращении ко двору государей, да отдадут они верный отчет о своих похождениях, даже и тогда, когда этот отчет не послужит им в пользу, королю и начальникам под опасением исключения из рыцарства.

– Клянешься ли ты, приняв рыцарское звание, соблюдать этот устав?

– Клянусь, именем Господа нашего Иисуса Христа! – ответил Жак, низко склонив голову.

– Во славу и во имя Бога Всемогущего, Отца, Сына и Духа Святого, жалую тебя рыцарем.

Будь верен Богу, государю и подруге; будь медлителен в мести и наказании и быстр в пощаде и помощи вдовам и сирым, посещай обедню и подавай милостыню, чти женщин и не терпи злословия на них, потому что мужская честь, после Бога, нисходит от женщин.

С этими словами Сен-Жермен ударил мечом Жака по плечу, поднял его с колен и наградил братским поцелуем. Затем по его команде в круг вошел Робер и, топорща от радости еще более порыжевшие под аравийским солнцем усы, вручил Жаку золотые шпоры. «Держи покрепче, пейзанин. Ты их достоин больше, чем многие высокородные петухи!» – произнес он на ухо приятелю, после чего громко провозгласил церемониальные слова:

– Шпоры эти означают, что, поощряемый честью, ты обязан быть неутомимым в предприятиях!

Следующий рыцарь вручил Жаку щит.

– Сир рыцарь, даю тебе этот щит, чтобы защищаться тебе от ударов вражеских, чтобы нападать тебе на них отважно, чтоб ты понял, что большая услуга сюзерену в сохранении дорогой для них твоей особы, чем в побиении многих врагов, – произнес он, навешивая его на шею Жака. – На этом щите наш орденский герб, награда доблестей наших предшественников. Сделайся его достойным, умножь славу крестоносного братства!

Подошел еще один рыцарь и надел ему на голову шлем, говоря при этом:

– Сир рыцарь, как голова есть главнейшая часть человеческого тела, так шлем – ее изображение – есть главнейшая часть рыцарских доспехов. Не употребляй этого доблестного украшения головы на низкие, ничтожные деяния, а старайся увенчать его не только рыцарским венцом, но и короной славы, которая да дастся тебе в награду за доблести.

Братья-рыцари подносили ему по очереди оружие и доспехи:

– Это длинное и прямое копье есть символ правды. Железо на нем означает преимущество правды над ложью, а развевающийся на конце его вымпел показывает, что правда должна не скрываться, а всем показываться.

– Кольчуга означает силу и мужество, ибо, как она выдерживает всякие удары, так сила воли защищает рыцаря от всех пороков.

– Перчатки, защищающие твои руки, указывают ту заботливость, с какой рыцарь должен беречься всякого нечестивого прикосновения и отвращаться от кражи, клятвопреступления и всякой скверны.

В завершение церемонии Сен-Жермен преподнес Жаку великолепный норманнский меч:

– Твой меч имеет вид креста и дается тебе в поучение: как Иисус Христос побеждал грех и смерть на древе Креста, так ты должен побеждать врагов твоих этим мечом. Помни также, что меч есть оружие правосудия, а потому, получая его, ты обязуешься быть всегда правосудным.

Рыцари разомкнули круг и встали в две шеренги, образуя проход, в конце которого стоял Бургиньон, на котором теперь сиял белизной снежно-белый чепрак с иерусалимскими крестами. В завершение посвящения Сен-Жермен вложил Жаку в руки повод боевого коня – это была упряжь дестриера брата Армана.

– Эта узда, укрощающая пылкость скакуна, эти поводья, посредством которых ты можешь править конем по своему произволу, означают, что благородное сердце обуздывает уста и избегает злословия и лжи; что оно обуздывает все свои страсти и руководствуется рассудком и справедливостью.

Братья поскакали обратно в лагерь. Робер все время находился рядом. Ветер, скачущий стремя в стремяс Бургиньоном, как обычно недовольно храпел и косился в сторону боевого

товарища. Однако, после того как на ногах у седока засверкали золотые шпоры, в его храпении стали явственно слышаться и уважительные нотки.

После поздравлений и праздничного обеда, состоящего из каши и опостылевшей франкам баранины, Жак, немного отдохнув, вместе с Робером и мастером Григом отправился бродить по развалинам Джераша. Достославный рыцарь Робер де Мерлан, осатаневший от скудости и однообразия походного рациона, продолжал возмущенную речь, которую начал еще за обедом:

– Хуже арабских земель разве что берег Северного моря, где мне пришлось просидеть два месяца после сражения. Ели там одну селедку, и даже тамошние женщины, в остальном, впрочем, весьма недурные и легко поддающиеся на уговоры, насквозь пропахли этой жуткой рыбой. Так же и здесь: от китайской границы до самой Трансиордании нельзя найти ни одной свиньи. Да что там свиньи! У мусульман во всех их владениях не отыскать и шелудивого поросенка! И чем им это животное, которому за его божественно вкусное мясо впору молитвы возносить, не угодило?

– Есть множество объяснений, почему мусульмане считают свинью нечистым животным, – улыбаясь, отвечал мастер Григ. – Но ни одно из них не является истиной. Однако этот религиозный запрет столь силен...

– Силен, – усмехнулся в ответ Робер, – это ты верно подметил, уважаемый. Все акрские лавочники и хозяева постоялых дворов, которые днем чинно сотворяют намаз, стоит лишь солнцу скрыться в море, дуют вино и трескают отбивные так, что при виде этого самого багдадского халифа хватил бы удар. Они при этом говорят, что если Аллах не видит, мол, то можно. Евреи, те, конечно, как ни крути, более стойкие в своем веровании, однако есть у меня подозрение, что они соблюдают свой закон не столько из внутренней убежденности, сколько из боязни, что сосед или родственник непременно обо всем донесет раввину...

– Смотрите, – Жак прервал истосковавшегося по доброму жаркому арденнца и показал друзьям на колонну, в которой зияла глубокая и широкая – в два пальца – трещина. – Она качается на ветру!

Верхушка колонны и вправду под порывами пустынного ветра то и дело отклонялась в сторону, при этом трещина становилась то шире, то уже. И было в этом медленном и неуклонном движении что-то зловещее.

– В сторону! – крикнул Робер. – Еще немного, и она обрушится вниз.

– Боюсь, что она собирается упасть уже сотен пять лет, – улыбнулся киликиец, – и вряд ли с ней что-нибудь случится в последующие века. Не зря говорят, что каменщики Древней Эллады разговаривали с богами. Прочнее и долговечнее их построек разве что развалины языческих храмов Египта...

Они еще долго бродили по улицам и площадям, укрытым толстым слоем высохшего горного селя, который от времени зацементировался и стал прочнее, чем песчаник, из которого были вытесаны колонны и блоки домов Джераша. Если бы не следы оползня, залившего город подобно тому, как залит был раскаленной лавой римский город Помпея у подножия Везувия, то могло бы показаться, что жители покинули большую овальную площадь с форумом и расходящиеся от нее широкие прямые проспекты всего лишь несколько часов назад.

Жак прислонился к одной из колонн, прикрыл глаза и долго стоял, вслушиваясь в шепот пустыни и тихий шелест песка, который ветер нес по развалинам. Перед его глазами словно живые вставали яркие картины заполненных толпой улиц, крики торговцев водой, скрипение повозок и металлический стук ударяющихся о круглые греческие щиты коротких бронзовых мечей...

Из забытья вновь посвященного рыцаря вывела незнакомая рука, осторожно опустившаяся ему на плечо. Жак открыл глаза и обернулся. Мастер Григ и Робер куда-то исчезли, и перед ним

стоял Чормаган-нойон.

– Пойдем, – тихо сказал он, словно боясь нарушить покой запретного города, – скоро солнце скроется за горной грядой, и великий хан желает видеть тебя в своей юрте.

* * *

Монгольский лагерь был раскинут в нескольких полетах стрелы от лагеря франков. Среди войлочных юрт, укрытых от посторонних взглядов остатками городских укреплений, царило оживление – монголы готовились выходить в ночной дозор. В центре лагеря, отделенные от остальных круглой стеной, составленной из кибиток, стояли три юрты белого цвета, соединенные между собой. Там, в окружении четырех воинов, их ждал Толуй.

«Как я с ним буду говорить, если нет никого, кто знал бы язык?» – подумал Жак.

Однако монгольский хан был к этому готов. Толуй медленно заговорил, подбирая латинские слова:

– Теперь ты всадник. Нойон, не простой солдат. Я хочу, чтобы ты стал мой брат.

Жак не понял, о чем идет речь. Вначале он решил, что хан таким образом, на свой манер, благодарит его за спасение. Однако, когда, после его неуверенного кивка, все охранники, повинувшись резкому окрику своего господина, покинули юрту, он понял, что речь идет о каком-то древнем ритуале.

Толуй махнул рукой, предлагая Жаку занять место рядом с собой, а Чормаган стал на пороге и, откинув прикрывающую вход занавесь, долго наблюдал за огненно-красным закатом. Едва последний луч солнца скрылся за горной вершиной, нойон плотно закрыл вход, прошел к середине юрты, где находился очаг, и бросил в костер приготовленные заранее дрова. Толуй медленно поднялся с места и подошел к разгорающемуся костру. Жак встал вслед за ханом и по его знаку занял место напротив него.

– Мы в походе, – сказал царевич, – и по нашим законам Чормаган, как военачальник, может заменить шамана.

В руках у Толуя сверкнул короткий изогнутый нож. Он кивнул Жаку головой, предлагая в точности повторять все его действия. Жак, завороченно глядя на монгола, вытащил из ножен свой кинжал, прокалил его на огне и сделал надрез на левой руке. Стоящий сбоку Чормаган наклонился, взял с пола золотую чашу, поднял ее над костром и, держа обеими руками, протянул сначала Толую, затем Жаку, собирая кровь, бегущую из порезов.

«Это языческий обряд братания», – содрогнулся Жак. Первым его желанием было сломя голову выскочить из юрты. Однако с первыми каплями крови, расплывающимися по белой поверхности жидкости, налитой в драгоценную посуду, на него словно снизошло удивительное озарение. Он понял, что все то, что происходит с ним, никакой не грех, а наоборот, нечто богоугодное, важное и значительное. И еще он вдруг осознал, что понимает монгольскую речь...

Толуй протянул руку над костром, и они прижали раны друг к другу. Чормаган начал произносить нараспев слова:

– Перед богами нашего рода, под небом, на земле, говорю и делаю, как водится по старинному закону! Воссияй солнце ярче, и громы прогремите для других неслышно, и огни полыхните сотней кострищ, для других невидимых. Явись сила, а от той силы назовитесь вы оба с восходом кровными братьями. И боги смотрят, и предки ваши благословение свое шлют на это! И запомните, что если будет одному в другом нужда, то поможет один другому во всем. И в горе, и в радости быть вместе клянитесь. Испейте же напиток кровавый, и, как крови ваши не

разделить ныне, так и вас больше не разделить!

Чормаган передал чашу Толую, тот отпил из нее половину и передал Жаку. Жак сделал несколько глотков. Там оказалось сброженное кобылье молоко, в котором едва ощущался солоноватый привкус крови. Чормаган принял чашу у Жака и вылил остатки в огонь, а затем перевязал им раны. Толуй и Жак крепко обнялись.

– Теперь, – сказал Толуй, – ты мой брат по крови. А это значит, что, пока я жив, ни один монгол в нашем царстве не смеет поднять на тебя оружие. Это моя благодарность за спасенную жизнь. А чтобы ты мог пользоваться этим даром всегда и везде, то носи это всегда с собой.

Чормаган положил ему на левое предплечье согнутую, словно желоб, широкую и толстую, весом не меньше полуфунта золотую пластину, покрытую неизвестными письменами, и сжал ее за концы. Сила в пальцах нойона оказалась такая, что пластина замкнулась на руке у Жака, словно наручный доспех.

– Это знак побратима нашего рода, – сказал нойон. – Он приравнивает тебя во всем, кроме прав наследования, к прямым потомкам Чингисхана. Любой монгольский нукер, увидев его, даже на поле битвы, не причинит тебе вреда, а наоборот, немедленно доставит к своему командиру.

Жак провел ладонью по поверхности пластины и благодарно кивнул.

– Теперь, – произнес Чормаган, – ты останешься здесь с нами до утра. Чтобы соблюсти обычай, ты должен покинуть юрту с первым лучом солнца. Можешь ни о чем не беспокоиться, нас ждет угощение, а твои друзья обо всем предупреждены.

Они устроились на жестких войлочных подушках, и хан протянул Жаку чашу, на сей раз простую, деревянную, полную кумыса. Хмельной напиток быстро ударил в голову. Долгая болезнь, посвящение в рыцари, языческий обряд братания слились у него в голове во что-то единое и неразделимое. Кажется, они вели с Толуем и Чормаганом долгий и очень важный разговор. Жак этого не помнил. Последнее что осталось у него в памяти – это вопрос хана.

– Ты видел его? – спросил Толуй.

Жак утвердительно кивнул:

– Это он и отправил меня обратно. Наверное, в благодарность за твое спасение.

– Что он тебе сказал?

– Кажется, ничего. Впрочем, что бы там ни было, хан, тебе не следует об этом знать.

Лицо Толуя словно растворилось в тумане, и Жак заснул, впервые за многие дни не ощущая боли в раненом плече.

Рано утром его разбудил Чормаган. Он что-то спросил. Жак не смог разобрать ни слова и развел руками. Нойон рассмеялся, произнес еще несколько совсем незнакомых слов и откинул полог восточного входа. Там над дрожащей в потоках воздуха пустыней всходило солнце. Только возвратившись в свою палатку, где его ждал встревоженный Рембо, Жак понял, насколько он еще слаб. Он опустил на походную лежанку, отметив, что Рембо в его отсутствие поменял старое слежавшееся сено на свежее.

* * *

Для того чтобы окончательно восстановить силы и занимать новое, приличествующее его рыцарскому званию место в походном строю и боевом ордере, ему понадобилось не один и не два дня. Глубокая рана в плече зацепила связки, и левой руке так и не вернулась былая подвижность. Однако для того, чтобы держать щит или поводья коня, этого вполне хватало. Наконец наступило долгожданное утро, когда Сен-Жермен позволил ему принять участие в

ежедневных тренировках, которыми коротали время вынужденного ожидания как франки, так и монголы.

Облако желто-рыжей пыли медленно оседало на землю. Жак, повинувшись команде приора, осадил Бургиньона и, уперев в стремя, поднял копье. Он обернулся назад и увидел, что над вытоптанном учебном поле начали различаться очертания поверженных врагов – три ряда войлочных мешков в кольчугах, шлемах и со щитами, которые изображали обороняющуюся пехоту. На сей раз результаты атаки превзошли самые смелые ожидания. Ни один из «пехотинцев» в трех рядах не остался стоять на месте, все они валялись, отброшенные таранным ударом в десятке шагов от первоначальной позиции. При этом из каждого мешка торчало по пять-шесть монгольских стрел.

Поднятую лошадиными копытами пыль отнес в сторону теплый ветерок. Слуги кинулись поднимать и расставлять тяжелые чучела. Рыцари начали разворачивать коней, чтобы вернуться на исходную позицию. Монгольские нукеры, разгоряченные скачкой и стрельбой, рассыпались вокруг и громко, нетерпеливо перекрикивались.

Толуй и Сен-Жермен, первое время тренировавшие своих воинов отдельно друг от друга, быстро пришли к выводу, что им стоит объединить усилия, и начали отрабатывать совместные боевые действия. На взгляд обоих военачальников, результат подобных занятий превзошел все ожидания. Тяжелые рыцари со своими копьями и таранным ударом в сомкнутом строю составляли основу боевого порядка – силу, способную в полевом сражении пробить и разметать любую оборону, а монголы, с их умением точно стрелять на ходу, дисциплиной и маневренностью, лишали противника подвижности и не давали ему спастись бегством от тяжелых франкских коней. Второй волной за копейщиками двигались конные сержанты, вооруженные мечами, которые добивали тех, кто не попал под копье. Монгольская конница двигалась, прикрывая фланги, справа и слева от рыцарского батальона.

Чормаган, не раз принимавший участие в схватках с мусульманской кавалерией, восхищенно цокал языком и говорил, что, будь у великого хана хотя бы один тумен таких воинов, как франки, то границы монгольской империи были бы намного шире.

Жак тронул поводья, чтобы занять привычное место слева от Робера, но его остановил окрик приора.

– Сир Жак! Для тебя на сегодня достаточно! – прокричал, не снимая шлема, Сен-Жермен. Его голос, идущий из-за полумаски, звучал жестко, словно он отдавал команду к атаке. – Поверь, никому из нас не будет легче, если твоя рана откроется от излишнего усердия.

Жак недовольно вздохнул и покинул строй. Тяжелый щит, закрепленный на шейном ремне, оттягивал плечо, но рана, оставив зарубцевавшийся шрам, похожий на солнце с разбегающимися во все стороны лучами, уже не давала о себе знать, как это было еще несколько дней назад. Он и сам отдавал себе отчет, что за две недели упорных тренировок он неплохо научился действовать копьем и мечом, и даже вечно ругающий его Робер в последние дни перестал сыпать оскорблениями, ссылаясь на авторитет покойного дядюшки, графа Гуго де Ретель.

Жак передал копье и щит своему новому оруженосцу, Адемару, снял и приторочил к седлу тяжелый шлем и почесал переносицу, натертую до мозоли металлическим наносником. Дав Бургиньону легкий повод, он поднялся на невысокий холм и, присоединившись к одному из двух десятков часовых, которые, окружив кольцом лагерь, денно и ночью держали под наблюдением все подходы к лагерю, стал смотреть, как рыцари и монголы формируют боевой ордер.

Учения закончились только перед закатом. Уставшие рыцари и сержанты, препоручив своих боевых коней слугам и оруженосцам, сбрасывали тяжелые кольчуги и готовились к

вечерней трапезе.

– Да, брат-рыцарь, с монголами мы сила, – Робер, величая Жака новым званием, всякий раз не уставал восхищаться приобретенными союзниками. – У нас сейчас отряд в полторы сотни человек, а мы спокойно перемолотим пару тысяч сарацин. А если Толуй приведет в Иерусалим все свои тумены? Только теперь я по-настоящему смог оценить замысел папы Григория. Воистину наместник святого Петра обладает даром предвидения. Не пройдет трех-четырех лет, как Дамаск и Каир падут под ударами нашей всехристианской армии...

Жак молчал. Он уже получил достаточно полное представление о том, какими христианами на самом деле являются монголы. Он думал о том, что мавзолей покойного Чингисхана, возведенный неподалеку от развалин почитаемого иудеями храма Соломона, мечети Омара и церкви Святого Гроба, сделает Святой Град местом уже не трех, а четырех религий...

– Эх! – продолжал разглагольствовать Робер, – да если бы таких вот воинов к нам в Шампань пришло тысяч тридцать, то брабантцы вместе с англичанами, как сказал бы покойный дядюшка Гуго, граф де Ретель, быстро подхватили бы медвежьей болезнью. Чормаган рассказывает, что он уже встречался с западными воинами. Правда, это были не франки...

– Ты верно говоришь, Робур-нойон, – кивнул, подъезжая к приятелям, монгольский военачальник. – Семь лет назад я был простым сотником в войске Субедея. Кипчаки, один народ из союза степных племен, отказались признать власть Чингисхана и ушли в далекие западные степи. Великий хан отправил два тумена за ними в погоню. Мы почти настигли их, но они попросили защиты у своих старых союзников – русских князей. Разбить их не составило большого труда, но, будь у этих христианских нойонов хоть немного согласия, победа не досталась бы нам столь малой ценой. Беда ваших воинов в том, что они не привыкли безоговорочно подчиняться приказу правителя.

Разговор прервали тревожные крики. Чормаган поднялся в седле и резко развернул коня. Проследив за направлением взгляда нойона, Жак увидел, что к ним во весь опор несется монгольский всадник, выкрикивая на ходу непонятные слова.

– Что произошло? – спросил приор у монгольского нойона.

– Наблюдатель говорит, что с севера, по дороге, ведущей в Амман, к нам движется вооруженный отряд, – ответил тот.

– К оружию! К оружию! – раздавались со всех сторон крики рыцарей и сержантов.

Некоторое время лагерь походил на встревоженную муравьиную кучу. Однако изнурительные тренировки дали о себе знать, так что вскоре воины, повинуясь распоряжениям своих командиров, заняли место в строю, укрывшись под защитой колоннад, и приготовились к бою. Толуй, Чормаган и Сен-Жермен, вместе с охранением, в состав которого входили и Жак с Робером, заняли позицию, удобную для наблюдения.

Вскоре они увидели, как по ложбине меж двумя холмами движется темное бесформенное пятно.

– Для войска на марше их маловато, – задумчиво произнес Сен-Жермен, – а для разведывательного разъезда слишком много. Это или какой-то особый отряд, или...

Приор прервал рассуждения, потому что пятно по мере приближения рассыпалось на группу в три десятка всадников. Вне всякого сомнения, это были не сарацины, а христиане. Вскоре возглавляющий отряд широкоплечий рыцарь принял у оруженосца и поднял, уперев в стремя, копьё, на котором явственно различался треугольный вымпел с желтым иерусалимским крестом...

– Отбой тревоги! – вздохнув с явным облегчением, прокричал приор. То же самое, только по-монгольски повторил вслед за ним и Чормаган-нойон.

Командир отряда возвратил оруженосцу копье и, отпустив поводья, на полном скаку снял шлем. Это был брат Серпен. На лице его сияла счастливая улыбка.

– Господь был на нашей стороне, мессир! – прокричал он, завидев на возвышении Сен-Жермена. – Мы вернулись с новостями и привели из Акры всех остальных наших братьев. Когда вам будет угодно выслушать мой доклад?

Заходящее солнце едва коснулось горных вершин, когда в палатке приора собрались те, кто был посвящен в истинное предназначение их миссии. Сен-Жермен занимал ничем не отличимый от остальных скромный полотняный шатер, поэтому, чтобы вместить Толуя с Чормаганом, а также Жака с Робером, им пришлось поднять наверх полы, образуя нечто вроде навеса.

Когда монголы, братья-рыцари и мастер Григ разместились на подушках, а двойной заслон из сержантов и монгольских воинов, рассыпавшись по развалинам, надежно перекрыл все подходы, уберегая совет от любопытных глаз и ушей, Сен-Жермен с молчаливого согласия хана жестом предложил Серпену занять место в середине и коротко бросил:

– Рассказывай!

* * *

На пустыню упала душная арабская ночь. Рыцари зажгли факелы и осветили площадку. По лицам франков и монголов заплясали случайные всполохи. Словно ожидая такого сигнала, за рядами полуразрушенных колонн, которые вздымались теперь над мраком, словно разновеликий строй окаменевших гигантов, завела нескончаемый всенощный ноктюрн первая цикада. Не успела она завершить свою вторую руладу, как притихшая на закате пустыня отозвалась ей многотысячным звенящим хором. Вслушиваясь в звуки, которые где-нибудь в саду королевской резиденции могли показаться романтическими, а здесь, в запретном городе, звучали жутким предостережением темных сил, Жак замороженно наблюдал за тем, как из окружающей палатку темноты вынырнула яркая бабочка. Рискую обжечь свои крылья, она присоединилась к рою выующихся вокруг факела мотыльков. В голосе брата Серпена ощущалась огромная усталость, но он, ни на что не отвлекаясь, вел свой рассказ:

– Отправляясь в путь, мы были готовы к тому, что в земли Иерусалимского королевства придется прорываться чуть не с боем. Однако по дороге нас не остановил ни один из эмирских отрядов. Как выяснилось позже, между Фридрихом и аль-Камилом уже действовало негласное соглашение о прекращении военных действий, и нас не трогали, принимая за посланников, которые возвращаются с очередных переговоров.

Перейдя вброд Иордан, мы почувствовали себя увереннее и быстро добрались до Рамлы, где переночевали в замке, принадлежащем Ибелинам, сказавшись, как и было условлено, посланцами его высокопреосвященства патриарха.

На следующий день мы добрались до берега моря. Яффа за время нашего отсутствия изменилась так сильно, что я уж было испугался и решил, что мы сбились с пути и выскочили на побережье не иначе как к Сидону. Теперь там стоит цитадель, в которой находится император, а бург ^[12] обнесен высокой внешней стеной. Для того чтобы лучше уяснить, что происходит в королевстве, я рискнул наведаться в город. Оказалось, что жизнь там бурлит как баранина в кипящем котле, когда наши друзья и союзники, – он вежливо кивнул в сторону монголов, – готовят свою похлебку. В преддверии скорого освобождения Иерусалима туда хлынули паломники. Под защитой стен и башен странноприимные дома и припортовые амбары там растут как грибы.

К величайшему моему облегчению, первым знакомым, которого мы встретили в городе, оказался тевтонец де Барн, которого мы встретили в ночь выхода из Акры на постоялом дворе Аббаса. Он теперь состоит рыцарем по особым поручениям при гранмастере Германе фон Зальца. Я затащил его в одну из яффских таверн и под великолепное телячье жаркое и фаршированного поросенка...

При этих словах доблестный рыцарь Робер де Мерлан сверкнул глазами и столь красноречиво зашевелил усами, что брат Серпен осекся и поспешил переменить тему:

— ...так вот, во время дружеской беседы, которая затянулась почти до утра, я выяснил все, что произошло после нашего убийства.

По его словам, последний месяц пребывания германских крестоносцев в Акре и ее окрестностях был особо опасен для будущего Святой Земли. Патриарх, крестоносные братства Востока и местные нобили во главе с бароном Ибелином Бейрутским с трудом терпели рядом с собой ломбардцев, апулийцев и германцев, которые в ожидании скорой войны вели себя на христианских землях как захватчики, реквизируя скот и зерно и не забывая при этом про жен и дочерей мирных бургеров и крестьян. От бесчинств, что творились вокруг, здешние рыцари постоянно были готовы взяться за оружие. Поэтому весть о том, что Яффская крепость достроена и готова принять гарнизон, была встречена с таким облегчением, какого крестоносное войско не испытывало еще с тех самых времен, когда первый крестоносный Годфруа де Булон освободил Иерусалим.

Прознав о том, что крестоносцы готовятся к выступлению, хитрый и осторожный султан аль-Камил направил в Газу семитысячное войско. Фридрих, как опытный полководец, не стал рисковать и отдал приказ всем военным силам королевства участвовать в марше. И вот тут началось самое интересное. Барон Ибелин и его двести рыцарей демонстративно развернулись и отправились в сторону Тира, сообщив императору, что они будут охранять северные пределы королевства от возможного нападения со стороны Дамаска. Фридрих направил приказы великим магистрам тамплиеров и госпитальеров, но те, под давлением патриарха, заявили, что подчиняются только приказам папы и не могут участвовать в боевых действиях под руководством отлученного императора.

Если бы не фон Зальца, который сумел проявить чудеса дипломатического искусства и, загоняя коней, буквально размазывался между Рикорданским замком, акрским Тамплем и патриаршим кварталом, то неизвестно, чем бы дело закончилось. Стоило показать неверным, что в стане крестоносцев нет единомыслия, как каирский султан без колебаний из вероятного союзника превратился бы в первого врага и, собрав в кулак свою армию, перебил бы и так небольшие силы королевства по частям. Понимая, чем чревато распыление сил, главы военно-монашеских орденов, как настоящие полководцы, согласились пойти на предложенный компромисс и проследовали до Яффы единым войском.

Если верить де Барну, который после четвертого кувшина вина начал рассказывать очень интересные вещи, то идею, как обойти папский запрет, не нарушая его формально, тевтонскому гранмастеру подсказал один еврейский раввин. Он славился умением объявлять кошерным блюдом даже свинину и обходить запрет работать в Шаббат так ловко, что, будь этот раввин одним из апостолов Иисуса Христа, фарисеям нипочем бы не удалось предъявить Спасителю ни одного обвинения. Так вот, по совету этого еврея, переданного всем заинтересованным сторонам устами фон Зальца, полки госпитальеров и тамплиеров проследовали боевым порядком на расстоянии одного дневного перехода от германской колонны. При этом было договорено, что если Фридриху понадобится военная поддержка, то он отправит гонца с письмом, где укажет, каких действий ожидает от своих союзников «во имя Бога», не упоминая при этом ни имен, ни титулов.

Во вторую субботу ноября император, имея под рукой восемьсот рыцарей и около десяти тысяч пехоты, которая, впрочем, состояла в основном из мирных паломников, двинулся по Яффской дороге и на четвертый день пути поднял свое знамя над новой цитаделью, где и пребывает по сей день. Встревоженный возведением Яффы и Монфорта, аль-Камил, который как огня боится своего мятежного племянника в Дамаске, теперь заискивает перед Фридрихом, ведет переговоры с хорезмийцами и подобно лисе, пойманной в капкан, готов себе лапу отгрызть, только бы не лишиться шкуры. Короче, по мнению ближайшего окружения Фридриха, сдача Иерусалима – вопрос решенный.

С первыми лучами солнца, как только открылись городские ворота, мы продолжили путь и на третий день добрались до Акры. Не успели мы спешиться, въехав в патриарший квартал, как нас уже ожидал один из служек его высокопреосвященства. Патриарх потребовал меня к себе, не дав времени даже на то, чтобы сменить пропахшее потом дорожное платье. Когда я попробовал стряхнуть пыль со своего сюрко, то в воздух взлетели такие клубы, словно в Акру прилетела песчаная буря...

– Что сказал патриарх? – Сен-Жермен бесцеремонно перебил Серпена, который уж было собрался углубиться в описание всех нюансов дорожного вида, в котором ему пришлось предстать перед главным духовным лицом Иерусалимского королевства.

– Судя по всему, патриарх ждал нас так, как пылкий юноша ожидает всю ночь под балконом свою возлюбленную, честь которой семья бережет пуще фамильных драгоценностей. И когда почти под утро, так и не дождавшись ее появления и давно обещанных тайных ласк, уже собирается несолоно хлебавши возвратиться домой, он вдруг видит ее, несущуюся сквозь кусты и стаскивающую на бегу свой единственный наряд – ночную рубашку...

– Не слишком ли смелое сравнение, мой друг? – осторожно заметил мастер Григ, который переводил рассказ монголам и теперь, когда речь немного пришедшего в себя после многодневной скачки рыцаря стала образной и цветистой, испытывал определенные затруднения. – Вы сравниваете политические чаяния высокого прелата с вождением неопытного юнца?

– Если бы вы, мастер, вместе со мной в тот миг наблюдали за патриархом Геральдом, – не сдался брат Серпен, – то у вас, я уверен, появились бы сравнения и похлеще. Его высокопреосвященство сильно сдал с тех пор, как я видел его в последний раз. Тогда, на богослужении в кафедральном соборе, это был настоящий духовный пастырь крестоносного королевства, уверенный в собственной правоте и не знающий сострадания к врагам церкви. Теперь же передо мной сидел, мертвой хваткой вцепившись в посох, человек, который нуждался только в двух вещах – нескольких месяцах полного покоя и мудром советнике, который бы подсказывал ему, как нужно поступать в том или ином случае. Я, не углубляясь в подробности, рассказал ему обо всем, что с нами произошло с того самого дня, как мы покинули Акру.

– Ты рассказал ему, с кем мы возвращаемся и что с собой везем? – спросил приор.

Мастер Григ вполголоса перевел вопрос монголам, и под навесом воцарилась тишина, окруженная со всех сторон пением цикад, которое уже давно превратилось в сплошной дрожащий гул.

– Как вы и пожелали, мессир, – ответил брат Серпен, – я сказал, что мы возвращаемся в королевство с полномочным монгольским ханом и везем с собой истинную корону, а также и письма Святого Гроба, чудом спасенные из сарацинских лап. Ни о том, кем именно является упомянутый хан, ни о другой цели нашей миссии я даже не намекнул.

– И что ответил патриарх?

– Да ничего он не ответил. Надолго задумался. Он, вероятно, предполагал, что мы приведем с собой сотню тысяч сабель, которые позволят решить все стоящие перед ним проблемы одним

ударом, словно разрубив гордиев узел... Патриарх сидел словно каменная статуя так долго, что я за это время мог бы выспаться, совершить омовение и сменить одежду. Рискуя навлечь на себя гнев его высокопреосвященства, я отвлек его от тяжких раздумий и поинтересовался, каковы будут его распоряжения, так как мне необходимо как можно быстрее вернуться к вам, дабы сообразовать наши совместные действия. Однако его высокопреосвященство Геральд, в последнее время без письменного одобрения папы Григория, похоже, и до ветру не ходит. Несмотря на то что я раз десять повторил ему ваши слова, мессир, что сейчас как никогда важна быстрота и решительность, он твердо отказался предпринимать любые действия, пока не получит инструкции от Святого престола. Он отослал меня отдыхать, что я и исполнил с огромным удовольствием. Когда я проснулся, то оказалось, что патриарх более никого не принимает, а из акрского порта с первыми лучами солнца вышла тамплиерская почтовая галера.

Больше месяца мы провели в родной казарме, каждый день вознося молитвы, дабы у вас в Джераше все было хорошо. И поверьте, мессир, что даже в Киликии, когда мы, загнанные турками на вершину холма, три дня и три ночи ожидали решительного штурма, уже не надеясь на приход антиохийцев, мне было не так тяжело, как в эти дни. Наблюдая за тем, как император Фридрих чуть ли не на наших глазах ведет переговоры с султаном, я совершенно явственно ощущал, как драгоценное время, словно песок, просеивается у меня сквозь пальцы, не оставляя в руках даже тени надежды на благополучное разрешение событий. И, когда «Фалько» снова замаячил на акрском рейде, было уже поздно что-либо предпринимать, потому что император и султан заключили мирный договор...

Сен-Жермен с размаху хлопнул ладонью по скатерти. Тяжелое серебряное блюдо несколько раз перевернулось, с грохотом переворачивая кубки и миски, и запрыгало по полу. С этим грохотом смешался голос де Мерлана, который, не стесняясь в выражениях, цитировал что-либо особо заковыристое из репертуара своего покойного дядюшки, графа Гуго де Ретель. Выслушав перевод мастера Грига, Толуй и Чормаган, впервые за все время совместного путешествия, отбросили свою внешнюю невозмутимость и начали о чем-то переговариваться. Их отрывистая речь была пропитана неподдельной тревогой.

Жак снова обернулся к догорающему факелу, под которым уже скопилась горка погибших в огне насекомых. Смертельное очарование огня не минуло и «его» бабочку. Она все-таки попала кончиком крыла под желтый язык, но, к счастью, осталась жива и теперь удалялась в сторону колонн дергаными зигзагами.

– Тебе известны условия этого договора, брат-рыцарь? – взяв себя в руки, спросил Сен-Жермен.

– Да, мессир, – ответил Серпен, – в той степени, в которой император Фридрих счел необходимым информировать Геральда. И об этом мой следующий рассказ.

За несколько дней до возвращения галеры, в четверг, перед началом Великого поста, в Акру прибыл по поручению императора тевтонский гранмастер, Герман фон Зальца. Он привез патриарху послание Фридриха, в котором говорилось о том, что с аль-Камилем заключен мирный договор сроком на десять лет, и ознакомил его высокопреосвященство с основными положениями этого договора.

– Ты их запомнил? – одновременно воскликнули по-франкски Сен-Жермен и мастер Григ. То же самое, только на своем наречии, спросили и Толуй с Чормаганом.

– В этом не было необходимости, – ответил Серпен, снова улыбнулся, словно младенец, и, предвосхищая возмущенные реплики участников совета, быстро добавил: – Память у меня не столь хороша, чтобы такие важные бумаги в голове держать. Вот я и подкупил на следующий день патриаршего писца, чтобы тот, когда переписывал послание Фридриха для отправки папе, сделал еще один список. Вот он. – С этими словами Серпен достал из длинного поясного

кошеля небольшой пергамент.

– Зачти, брат-рыцарь, – произнес приор. Серпен развернул упругий лист, поднес его поближе к огню и начал читать:

«Иерусалим передается христианам.

Гимелата, ^[13] которая является Храмом Соломона, с прилегающей территорией и ключами остается в руках сарацин.

Сарацинам не воспрещено паломничество в Вифлеем.

Если франк пожелает посетить Храм ^[14] для молитвы, он может это сделать, но не должен там оставаться.

Сарацины живут между собой и решают все дела между собой по своим собственным законам.

Император не оказывает никакой помощи ни франкам, ни сарацинам в войне против сарацин, пока действует этот договор.

Триполи со своими землями, Керак, Шатель Бланк, Тортоза, Маграт и Антиохия остаются как были, и император более не оказывает им помощи.

Император является союзником султана во исполнение договора».

Под навесом снова воцарилось молчание. Цикады, словно израсходовав весь запас припасенных на ночь песен, почти утомонились, и стало слышно, как со стороны далеких холмов доносится плач нескольких шакалов.

– Насколько я понял, – первым нарушил молчание мастер Григ, – последний пункт, если отбросить эзопов язык, обозначает, что при отказе императора поддержать султана договор будет считаться разорванным?

– Совершенно верно, уважаемый мастер, – кивнул Сен-Жермен. – Все, что мы только что услышали, означает, что тайный союз Фридриха, направленный против папы и монголов, теперь превратился в союз явный и военный. Император теперь владеет Иерусалимом, и если папа, узнав об этом, не предпринял уже самые решительные меры, то боюсь, что наша с вами жизнь не стоит и ломаного цехина.

– Епископы молчат, – добавил Серпен. – Церковь в договоре обойдена стороной, и неизвестно, как поступать с иерусалимскими храмами. Магистр тамплиеров Пере де Монтегаудо в ярости: исконная резиденция ордена – мечеть Аль-Акса – оставлена мусульманам. Храмовники не без оснований считают себя обманутыми и, думаю, ударят в спину императору при первой же возможности. Ибелины ничего не теряют от этого мира, но зато приобретают десять лет относительно спокойной жизни и поэтому занимают нейтральную позицию. Госпитальеры молчат и ничем не выражают своего отношения к происходящему, но их замки по договору остались у сарацин.

– Что еще тебе удалось выяснить в Акре? – Григ перевел вопрос, заданный Толуем.

– Пока Геральд пребывал в полной прострации, из Италии возвратилась галера с тайным посланием Григория. К сожалению, мне удалось получить только его часть – писец очень спешил, опасаясь, что его поймают... – Серпен протянул Жаку второй пергамент.

Тот пробежал глазами короткий отрывок и огласил:

«...Младенец Конрад, сын Фридриха и наследник короны, – родной внук преданного нам Иоанна де Бриенна. Старик отлично понимает, что если нынешний император будет низложен, то он вернет себе иерусалимское регентство и будет править в Леванте до самой своей смерти – ведь ему сейчас восемьдесят один год, и дожить до совершеннолетия Конрада

он вряд ли сумеет. Поэтому де Бриенн, получив необходимые средства от римских негодян и заручившись молчаливым согласием Святого престола, в ближайшие дни вторгнется в италийские владения Фридриха и превратит Апулию в пепелище...»

– Это все? – спросил Робер.

– Все, – кивнул Серпен. – Могу лишь добавить, что папа Григорий изыскал дьявольски хитрую возможность отозвать Фридриха с Востока. После того как он узнает о вторжении в Апулию и о том, что войско этого старого хрыча де Бриенна, который все никак не угомонится, угрожает его любимой Сицилии, у него земля Палестины будет гореть под ногами. Единственной его мыслью станет скорейшее возвращение в Палермо.

– Резонно, – кивнул, соглашаясь, Сен-Жермен. – Фридрих уже знает об этом коварном плане?

– Сие мне неизвестно, – ответил Серпен. – Геральд решил ограничиться гневным письмом по поводу действий императора и при этом не предпринимать никаких конкретных действий. Дальнейшее сидение в Акре теряло всяческий смысл. Поэтому я принял решение возвратиться в Джераш. Вышел ночью и забрал с собой всех рыцарей и сержантов нашего крестоносного братства.

– Ты правильно поступил, брат-рыцарь, – произнес приор. – Удалось ли выяснить на обратном пути что-нибудь еще?

– Мы возвращались снова через Яффу, – ответил Серпен, – и там – сущий Содом с Гоморрой. Небольшой городок набит крестоносцами и мирными паломниками так, что по сравнению с его кварталами багдадский базар в праздничный день показался бы безлюдной пустыней. Преданные Фридриху крестоносцы, а вместе с ними и мирные паломники ликуют, готовясь к выступлению на Святой Град. Остановившись в городе под видом представителя капитула Святого Гроба, присланного в качестве наблюдателя, я снова встретился с де Барном. Оказалось, что в Яффу возвратился и его новый приятель, Недобитый Скальд.

Гентец и тевтонский собрат сидели в таверне чернее тучи. После заключения договора, яффский фьеф де Барна оказался пограничным владением, и, по его выражению, если даже собрать там всех евреев, что желают трудиться на земле обетованной, и сотворить с их помощью крестьянские общины, то и тогда он не получит со своих земель ни полушки. Весь урожай будет скармливаться франкским и сарацинским коням во время бесконечных набегов друг на друга. В ответ на просьбу доблестного рыцаря предоставить взамен иное, более безопасное держание, которое позволит ему спокойно исполнять рыцарскую службу, Фридрих только развел руками. Теперь де Барн в обществе гентского малютки пьет вино кувшинами с утра до ночи и думает, как отплатить императору за его доброту... Что касается самого Скальда, то он, как известно, еще в прошлом году сватался к титульной сеньоре ^[15] Трансиордании, в надежде, что после возвращения христианам их земель станет одним из самых богатых людей Заморья. Ведь ни один торговый караван, идущий в Египет, не обходит замок Керак.

– И что? – спросил Робер.

– Вы же слышали текст договора. Разве там упоминалось, что Трансиордания будет возвращена христианам? Мало того, там прямо говорится, что Керак остается у сарацин, и попытка вторжения в него равнозначна объявлению войны. Свою будущую супругу – трижды вдову, известную на все королевство своими пышными формами, громовым голосом, невероятной ревнивостью и невыносимым характером, он, мягко говоря, не очень-то и любил. Когда выяснилось, что обещанное ему приданое так и останется лишь на бумаге и в ближайшие десять лет ни о каком походе в Трансиорданию не может быть и речи, а, стало быть, он не сможет отвоевать Керак даже собственными силами, Скальд немедленно отправился к своей

невесте. Остановившись напротив ее окон, доблестный рыцарь, не слезая с коня, долго и, главное, очень громко объяснял, кто она такая и что он о ней думает, после чего, не скрываясь, отправился на ближайший постоялый двор, который славился особо умудренными в непростом искусстве ублажения мужчин сарацинскими рабынями... Так что несостоявшийся князь, сидя в лучшей городской таверне, чуть не на всю Палестину костерил с утра до ночи всех подряд – и папу, и патриарха, и тамплиеров, и даже своего нынешнего сюзерена, императора Фридриха, которые, по его словам, вместо доброй войны, которая позволит немного подняться на ноги добрым рыцарям, затеяли какую-то «игру в пятнашки». За неделю-другую до нашего возвращения один из рыцарей императорской свиты, ужинавший за соседним столом, заслышав такие слова, оскорбился за своего сюзерена и вызвал Скальда на поединок. Надо ли говорить, с какой радостью брат Скальд принял вызов и как тщательно он и де Барн, призванный в секунданты, выбирали оружие, а также согласовывали время, место и условия. В качестве оружия была выбрана булава, а поединок было договорено вести до первой крови... После того как на кладбище новой яффской церкви появились свежие могилы оскорбленного рыцаря, а затем, с промежутком в два-три дня, и четырех его боевых друзей, в дело вмешался сам Фридрих. Он сказал, чтобы Скальд придержал язык, но если ему это не удастся, то хотя бы не отвечал на вызовы дураков. Он, император, не может себе позволить, чтобы за то время, пока он готовится к выступлению на Иерусалим, половина его отборных рыцарей перекочевало на кладбище с расколотыми, словно старые горшки, черепами. В общем, теперь де Барн и Недобитый Скальд почти что наши союзники, – завершил свой рассказ Серпен. – А мы, сделав крюк в сторону Акры, проследовали маршем по той же самой дороге, как шли из Джераша, и вернулись назад. Путь был легким, потому что сарацины принимали нас за передовой отряд императора и, лишь завидев наших коней, прятались кто куда.

– Значит, Фридрих еще не в Иерусалиме? – уточнил приор.

– Нет, мессир, и вряд ли там будет. Как только весть о вторжении де Бриенна в Апулию достигнет Яффы, он бросит все и немедленно возвратится домой.

– Что же, – приор поднялся на ноги и поглядел на Толуя. – Хан! У нас, похоже, остался единственный шанс, чтобы исполнить задуманное. Если мы первыми вступим в Святой Град, то сможем занять иерусалимскую цитадель – башню Давида, и продержаться там столько, сколько будет нужно мастеру Григу для того, чтобы построить в городе мавзолей Чингисхана. Клянусь Иисусом Христом и двенадцатью апостолами, что наше крестоносное братство, возвратив в церковь Святого Гроба письма Святого Гроба и Иерусалимскую корону, само будет решать, на чью голову ее возложить, и кто, положа руку на старинную книгу, будет первым присягать на ней новому иерусалимскому королю.

– Ты правильно говоришь, – кивнул Толуй. – Упокоив прах отца и оставив мавзолей под надежной защитой, мы помчимся, не щадя лошадей, в Каракорум. И поверь мне, нойон, что не пройдет и года, как из монгольских степей к усыпальнице отца придет войско, от копыт которого земля этой опостылевшей мне пустыни растрескается до самой преисподней. Выступаем сегодня же!

– Только учтите, братья, – добавил Сен-Жермен, – что этот марш будет настоящим военным рейдом. Теперь перед нами не безлюдная пустыня. Мы пойдем через густозаселенную страну, где живут мусульмане, а франки и монголы, идущие с востока, будут смотреться как стая белых ворон. Весть о нашем продвижении будет нестись вслед за солнцем со скоростью ветра на крыльях почтовых голубей. Поэтому двигаться нужно так быстро, насколько это вообще возможно, а действовать жестко и решительно!

Сразу же по завершении совета, в лагере, приютившемся среди древних строений, начались несуетливые сборы.

Солнце поднималось над горизонтом, прямо на глазах укорачивая бесконечно длинные тени, которые отбрасывали, перечерчивая пустыню, колонны запретного города.

Еще до рассвета франки и монголы сняли шатры и юрты, запрягли лошадей и увязали походное имущество. Подобно римским легионерам, снимаясь с места, они навели за собой такой идеальный порядок, словно среди древних развалин никогда не было никакого военного лагеря.

Жак и Робер были назначены в боевое охранение. Стоя на выезде, они наблюдали за тем, как на дорогу выползает длинная колонна. Провожая глазом повозки, под стук деревянных колес, бьющих по камням, Жак неосознанно оценивал мощь отряда. Робер, словно читая мысли приятеля, подытожил:

– Почти две сотни всадников, из которых – двадцать пять тяжеловооруженных рыцарей и столько же конных сержантов. Три десятка слуг и оруженосцев, обученных обращаться с арбалетом. Чуть больше сотни конных монголов. Эти слуг да оруженосцев с собой не таскают, у каждого две равноценных лошади, каждый сам себе и копейщик, и лучник, и мечник. С учетом того, что и франки, и монголы – это не зеленые новички, а самые опытные воины своих народов, встреча с двумя, а то и с тремя тысячами сарацин – конийцев, сирийцев или хорезмийцев – им не страшна. Остановить их может разве что вся армия Дамаска, сильный, многократно превосходящий по численности франкский отряд или же полки икты^[16] каирского султана.

– Да, но после заключения мира между императором и султаном армия Дамаска вряд ли рискнет напасть на франков, – добавил, подъехав сзади, брат Серпен. – С другой стороны, каирская икта в такой обстановке дальше Газы не пойдет. Султан аль-Камил умен и ни за что не станет открывать дорогу в глубь Египта.

Одна из кибиток, внешне ничем не отличимая от остальных, поравнялась с Жаком, и его вдруг пробрал озноб. С уверенностью, которую придавало ему новое, еще плохо изученное свойство ощущать и понимать то, что не видно глазу, появившееся с возвращением от Серой Стены, он понял, что мимо него сейчас проезжает тело великого хана.

Колонна, теперь напоминавшая плотно сбитую, стремительную гусеницу, выбралась из города и, наращивая скорость, устремилась в сторону Амманского нагорья. Убедившись, что в покинутом лагере не осталось ни души, Жак в последний раз бросил взгляд на стайку бабочек, что весело порхали среди колонн, отдал команду своим сержантам и пришпорил Бургиньона, чтобы поскорее занять место в арьергарде.

Не успело солнце подняться в зенит, как отряд скрылся из виду, и теперь о нем напоминало лишь облачко пыли, медленно ползущее к линии горизонта. Убедившись, что развалины свободны от постояльцев, в мертвый город осторожно возвращались его постоянные обитатели – семья пустынных рысей и большая стая шакалов. Древний Джераш, ненадолго приютив вечно куда-то спешащих людей, с их уходом снова впал в бесконечную многовековую дрему.

Двигаясь почти без остановки, делая лишь короткие привалы для того, чтобы сменить лошадей, поесть и справить нужду, уже на четвертый день никем не остановленный отряд вошел в предгорье и вскоре достиг дальних предместий Аммана. Однако и Сен-Жермен, и Толуй отлично понимали, что через Амман им путь закрыт. Они устроили в одной из ложбин

временный лагерь, а Чормаган, в поисках обходных дорог, направил вперед своих разведчиков. Монгольские кони среди скал чувствовали себя так же уверенно, как вездесущие горные козы, поэтому всадники могли забираться в самые труднодоступные места, не рискуя переломать лошадям ноги, а себе – шеи.

После того как из разведки возвратился последний разъезд, выяснилось, что не только их отряд пытается незаметно обойти Амман. Один из всадников вез, перекинув через спину коня, мертвое тело. Нукер остановился и сбросил его, словно мешок, прямо под ноги предводителем. Это был человек в дорогом халате и зеленой чалме ходжи – мусульманина, совершившего паломничество в Мекку. В его боку торчала обломанная стрела.

– Мчался нам навстречу как угорелый, на верблюде, с охраной из четырех бедуинов, – коротко пояснил хмурый монгол. – Мы хотели взять его живым, да не получилось. Воинов мы обыскали и сбросили в трещину, а этого привезли сюда. У него в бурдюке были спрятаны бумаги, обернутые в просмоленный холст.

– Не иначе как султанский гонец, из-за Иордана, – высказал предположение Робер.

– Не думаю, – покачал головой Сен-Жермен. – Эмир Аммана подчиняется аль-Камилу, так что, будь этот гонец посланником каирского султана, он не стал бы пробираться по ущельям. Мастер Григ, пока мы готовимся к выступлению, ознакомьтесь, пожалуйста, с этим посланием.

– Так или иначе, но теперь нам известен обходной путь, – подытожил де Мерлан. – Не вижу причин, чтобы не продолжить марш. Еще два-три дня, и мы будем у стен Иерусалима.

– Не нужно загадывать на дорогу! – резко отозвался вдруг Жак. – Прямые пути очень редко бывают самыми короткими, а сейчас словно что-то говорит мне о том, что дорога на Иерусалим для нас закрыта.

Робер, за последние дни привыкший к странностям друга, которые он великодушно списывал на последствия тяжелого ранения, махнул рукой – мол, не бери в голову, приятель, – и взлетел в седло. Ветер поднялся на дыбы и довольно заржал – ему нравилась быстрая скачка. Повинуясь командам своих начальников, франки и монголы начали садиться в седла и занимать свои места в походном порядке. Слуги засыпали землей бездымные костры и проверяли упряжь у тягловых лошадей.

Чормаган-нойон, назначенный командиром на марше, выслушал доклады о готовности к движению и уже скосил глаза на Толую, чтобы, получив от хана молчаливое одобрение, дать команду к выступлению. Вдруг над колонной, перекрывая скрип кожи, стук доспехов и ржание лошадей, разнесся громкий и взволнованный голос мастера Грига:

– Стойте! Мы не можем ехать туда!

Все, не сговариваясь, обернулись в сторону только что покинутого лагеря. На небольшой прогалине, рядом с оставленным телом убитого гонца стоял, сжимая в руке несколько пергаментных свитков, мрачный как туча киликиец. Рядом с ним, капризно храпя, черной глыбой возвышался Лаврентиус-Павел. Он был чрезвычайно недоволен тем, что все остальные кони уже заняли свое место в строю и теперь он, по прихоти хозяина, вынужден будет, словно водовозная кляча, тащиться в хвосте.

– Клянусь озером Севан, где водится лучшая в мире форель, письмо написано по-гречески, и вы, хан и мессир, должны немедленно ознакомиться с его содержанием!

Чормаган-нойон махнул рукой, призывая всех оставаться на своих местах, и двинул коня вдоль строя. Вслед за ним в сторону мастера Грига направили коней Толуй, Сен-Жермен и рыцари «ближнего круга», в число которых входили Жак, Робер и Серпен.

– Что же такого ты нашел в этом письме? – спросил Сен-Жермен, соскакивая на землю.

Вместо ответа, мастер Григ, убедившись, что рядом с ним находятся только посвященные, развернул пергамент и начал негромким голосом читать:

«Во имя Аллаха, милостивого и милосердного!

Это послание, как и предыдущее, я пишу языком, не понятным никому, кроме меня и тебя, достопочтенный визирь багдадского дивана, главный оплот нашего светлейшего халифа, да прославится его имя по всей земле и продлятся его годы во веки веков!

Вслед за первым своим посланием, где в подробностях описываются все события, связанные с подготовкой и заключением между франкским императором и каирским султаном договора столь странного и противоестественного, что я не побоюсь назвать его положения прямым оскорблением Аллаха, я сразу же отправляю и второе, ибо события в палестинских землях рванулись вперед так быстро и неожиданно, словно укушенный слепнем осел.

Шестнадцатого дня месяца раби-ус-саани 626 года хиджры достопочтенный кади Наблуса, Шам ад-Дин, в свите которого я, как вам известно, и состою, по приказу каирского султана аль-Камила был послан навстречу христианскому императору Фридриху, дабы передать в его владение город Аль-Кудс, называемый неверными Иерусалимом...»

– Кто такой кади? – спросил Робер, бесцеремонно прервав киликийца.

– Это представитель султана, который имеет судебные полномочия, – сдерживая недовольство, ответил Сен-Жермен. – Вроде нашего балы, только суд у них не светский, а церковный, по Корану. Сир рыцарь, воздержись от вопросов, пока мы не доберемся до сути этого послания. Продолжайте, мастер Григ!

«...Кади получил строгий приказ провести сдачу города и проследить, чтобы никто и ничто не повредило заключенному миру, в котором султан, как известно, нуждался, словно страдающий жаждой путник, бредущий по выжженной солнцем пустыне, в прозрачной воде далекого оазиса. Помимо этих распоряжений, достопочтенный Шам ад-Дин получил устное распоряжение предотвращать любые проявления недружелюбия, которые могут вызвать недовольство франков.

Исполняя возложенную на нас унижительную и неугодную Аллаху миссию, мы немедленно тронулись в путь и по прошествии нескольких дней, в полтора днях от Аль-Кудса, на караванной тропе, ведущей к морскому селению Яфо, встретили большую процессию, которая состояла из маленького – не больше трех сотен всадников – франкского войска и бесчисленной толпы богомольцев. Узнав, кто мы такие, воины, скакавшие на расстоянии двух полетов стрелы впереди главного отряда, немедленно провели нас к императору Фридриху.

Этот назарейский правитель, прославившийся своим добрым отношением к исламу, был рыж и плешив. Глаза у него были мутны и безвольны, так что, по удачному замечанию, которое сделал достопочтенный кади, пользуясь полным невежеством франков и незнанием ими нашего языка: „Если бы он продавался как раб, за него не дали бы и двухсот драхм”».

– И это он пишет о Фридрихе? – забыв о запрете приора, снова перебил киликийца де Мерлан. – Однако, раз уж сарацинам, которым все франки, словно черные нубийцы, на одно лицо, германский император показался таким, что краше в гроб кладут, руку даю на отсечение, что ему уже известно о вторжении де Бриенна в Апулию...

Под недовольное сопение Сен-Жермена Робер осекся, и Григ продолжил читать:

«Фридрих принял нас тепло, разрешил поставить походные палатки неподалеку от своего шатра и пригласил на трапезу, от которой кади, сославшись на усталость после долгого пути, благоразумно отказался.

Тут случилось первое событие, о котором стоит упомянуть. Еще две недели назад гонцы, отправленные ко всем имамам палестинских земель, передали распоряжение из Каира, дабы муллы не проводили молебны на пути следования франков и не позволяли муэдзинам ничего провозглашать с минаретов. Однако, то ли по извечной нерадивости мелких духовных служителей, то ли из фанатичного религиозного пыла, многие муэдзины, не обращая внимания на многолюдный лагерь неверных, громогласно призывали правоверных к вечернему намазу. Мало того, один из муэдзинов проявил полное неповиновение, провозглашая на все окрестности отрывки из Корана, которые направлены против основ христианской ложной веры. Помимо прочего он провозгласил: „Возможно ли, чтобы сын Аллаха, Иса, был сыном простой женщины, Мариам?“»

Шатер Фридриха располагался невдалеке от этого минарета, поэтому он слышал, как кади укоряет муэдзина и запрещает ему продолжать свои выкрики. Наутро император спросил: „Что случилось с человеком, который кричал на минарете?“ Кади, не желая показывать императору навозную яму, куда был посажен ослушник, ответил, что он испугался того, что его христианский гость будет разгневан, и скрылся. „Ты неправ, – ответил Фридрих, – почему ты считаешь, что можно ради того, чтобы мне угодить, оставить свой долг, свой закон и свою религию?“

После этой речи кади в беседе со мной высказал мысль, что правитель франков – не настоящий христианин.

На следующее утро мы продолжили путь и к вечеру уже находились у стен Аль-Кудса. В присутствии франкской знати и представителей города кади передал императору символические ключи. После чего Фридрих, под вопли обрадованных богомольцев, торжественно въехал в распахнутые ворота.

На этом наша миссия была выполнена, но император, живо интересующийся миром ислама, попросил кади на следующий день познакомить его с городом.

Не обращая внимания ни на христианские святыни, ни на древние языческие и иудейские развалины, Фридрих более всего хотел услышать, как мусульман призывают к молитве. Кади сопровождал его к мечети Омара, и тот был глубоко очарован ее видом. Он пожелал собственными глазами увидеть, как имам проводит службу, и кади, по своему обыкновению порывшись в памяти, изыскал в Коране несколько строк, которые оправдывали присутствие неверного на богослужении.

Когда император находился внутри, случилось еще одно знаменательное событие, о котором тебе непременно нужно знать, о визирь! В мечети к нему попытался подойти христианский священник с их священной книгой – Евангелием в руках. Фридрих вспомнил о договоре, который запрещал наносить любые оскорбления мусульманам в мечетях или ущемлять их религиозные права. Он разозлился на священника, прогнал его и пригрозил, что накажет любого христианина, который попытается войти в мечеть без особого дозволения. «Мы все слуги и рабы султана, – сказал он, – султан по доброй воле возвратил нам наши церкви, и мы не должны оскорбить его доброту!»

Весь день до вечера его приближенные репетировали церемонию коронации и ожидали, когда в Аль-Кудс прибудет главный священник из Акко, который, по назарейским поверьям, сможет освятить церемонию возложения короны на императорское чело, сделав ее законной в глазах их римского первосвященника.

Однако патриарх из Акры, все не появлялся. Тогда Фридрих приказал разбить замки в храме, который они называют усыпальницей пророка Исы, дождался, когда один из его военачальников положит на алтарь золотую корону, забежал внутрь, сам возложил ее себе на голову и выскочил оттуда так быстро, словно это был не храм, а перетопленная баня.

Когда мы с кади уже собрались покидать Аль-Кудс, ибо наша печальная обязанность была исполнена, и прощались с Фридрихом, из Трансиордании прискакал назарейский лазутчик, который немедленно был проведен к императору. Выслушав его, Фридрих призвал к себе нескольких военачальников, среди которых, однако, не было госпитальеров и тамплиеров, и начал им отдавать какие-то срочные распоряжения. Вскоре в сторону Газы, где сосредоточились всадники аль-Камила, помчался гонец. К счастью, толмач, которому Фридрих диктовал письмо, оказался столь жаден до золота, что пренебрег своим долгом и сообщил, что император во исполнение заключенного договора просит у султана помощи, дабы перехватитьдвигающийся из Багдада на Иерусалим рыцарский отряд. Ибо если посланники сии достигнут Святого Града, то и Фридриху, и султану более не видать Святой Земли, а воцарятся здесь дикие монголы^[17]».

Мастер Григ остановился, и над прогалиной повисло долгое гнетущее молчание.

– Фридрих в Иерусалиме, – первым заговорил Сен-Жермен, – и нам навстречу движется отряд.

– Как они узнали о нас? – задал вопрос Робер.

– Предатели, кругом одни предатели, готовые сдать нас кому угодно за полдень со всеми потрохами, – ответил приор. – Я не имею ни малейших сомнений в том, что половина служек патриаршего квартала наперегонки доносят о каждом произнесенном там слове доверенным лицам императора.

– Слушай, уважаемый мастер Григ, – поинтересовался Робер, которого больше беспокоила практическая сторона вопроса, – а там дальше в письме этот предатель и соглядатай ничего не говорит о численности и боевом составе войска Фридриха?

– Не более того, что я уже огласил, – пробежав глазами пергамент, ответил мастер Григ.

– Сотни полторы или две отборных германцев, остальные – сержанты и прислуга, коих бессчетная толпа, – стал, нахмутив рыжие брови, прикидывать достославный рыцарь. – Ну, это для штафирки-неверного она бессчетная, для него и сотен пять пизанцев, чьи пики виднеются из-за ближайшего холма, уже показались бы стотысячным войском. На самом деле, если не брать безоружных богомольцев, там две, от силы три тысячи пехоты. Больше у Фридриха просто нет. Все свои силы он против нас не бросит, не больше трети. В быстром рейде рыцарям копейщики – только обуза. Значит, где-то за Амманом мы встретим пару сотен германцев, в худшем случае тевтонцев. Так о чем вообще разговор?

– Мы не можем рисковать, ввязываясь в кровопролитный бой так далеко от Иерусалима, – перебил его приор. – К тому же Фридрих послал за подкреплением к султану.

– Но ведь это означает, мессир, что путь вперед для нас закрыт! – не сдержавшись, воскликнул Жак.

– Не будь с нами Толуя с его обозом, – кивнул в ответ Сен-Жермен, – я бы, ни на миг не задумываясь, вышел навстречу врагу. Но ставки в этой игре выше не только наших жизней, но и нашей рыцарской чести. Переводи, – обратился он к киликийцу. – Хан Толуй должен знать обо всем, чтобы принять взвешенное решение.

– Давай-ка лучше я, – предложил Робер, который за время совместного путешествия уже успел неплохо освоить нелегкую для франка монгольскую речь. – По военным делам я с ханом и нойоном побыстрее объяснюсь, пожалуй...

– Я думаю, – продолжил приор, – что мы должны развернуться и двинуться по Пути царей. Не доходя до развалин крепости Керак, мы свернем в одно из ущелий, что спускаются к Мертвому морю. Пока отряд императора будет ждать нас в Аммане, мы пройдем вдоль побережья, пересечем Иордан и неожиданным ударом захватим Иерусалим. Если император

еще останется к тому времени в городе, сделать это будет намного тяжелее, чем мы предполагали. Однако выбора у нас нет.

Толуй слушал, не перебивая, перевод Робера. Когда же приор завершил свою речь, он после долгой паузы развернул коня в сторону Сен-Жермена, произнес недлинную фразу.

– Ты полководец, франкский нойон! – слово в слово повторил за ним де Мерлан. – Веди нас в бой, и да пребудет наша жизнь в руках Божьих, и принесет дух моего великого отца победу, которая потрясет подлунный мир.

Приор согласно кивнул и, вставив ногу в стремя, поднялся в седло.

– Брат Жак, – обратился он к рыцарю, – скачи в начало колонны, передай мой приказ: разворачиваться на юг и двигаться в направлении вон той вершины...

Рука, держащая плеть, протянулась в направлении синеющей на границе видимости высокой остроконечной горы.

* * *

Приземистые монгольские лошадки, запряженные по двое, упрямо наклонив головы почти к самой земле, волокли грохочущие колесами по камням павозки так резво, что франкские боевые кони, даже двигаясь широкой маршевой рысью, едва могли за ними поспеть, все время норовя перейти на галоп. Вокруг расстилались тучные плодородные земли древней Хаммонеи – в полях колосилась озимая пшеница, а зеленые луга благодатного предгорья были полны пасущихся отар.

Сен-Жермен, единственный кто хорошо знал эти места, лично ушел в головной дозор, включив в разъезд Жака и Робера. К разведчикам присоединился и мастер Григ, которому за первые же часы сумасшедшей скачки успела опостылеть дорожная пыль.

– А почему эта дорога называется Путь царей? – спросил Жак, который двигался стремя в стремя с Сен-Жерменом.

– Это древняя военная дорога, – ответил приор, не забывая оглядывать цепким, подозрительным взглядом приближающиеся холмы. – Путь, которым искони пользовались египтяне, чтобы незаметно проникнуть в Хаммонею, Сирию и Вавилон. Сам Моисей отлично знал о ее существовании. Когда он вывел евреев из Египта и пересек Синай, то остановился у границ Едомского царства и попросил у тамошнего правителя разрешения пройти по этой дороге. *«Мы не пойдем по полям и по виноградникам и не будем пить воды из колодезей твоих, но пойдем дорогою царскою, не своротим ни направо, ни налево, доколе не перейдем пределов твоих»*^[18] – продекламировал он по памяти.

– А что сделал правитель?

– Не пустил, – улыбнулся приор. – Мало того, он вышел навстречу евреям со всем своим войском, так что Моисею пришлось, несолоно хлебавши, обходить эти земли стороной.

– Это мне напоминает историю, когда паломники во главе с Петром Пустынником проходили венгерские земли, – вмешался, незаметно подъехав к ним, Робер. Он, как любой рыцарь, обожал всяческие военные истории. – Петр тогда, как и Моисей, пообещал королю Венгрии, что он проскользнет между его деревнями словно мышь, однако его крестоносная армия была составлена из оголодавших крестьян и всякого сброда, а мне, например, неизвестно ни одно мирное средство, которое может удержать голодную толпу от грабежей. Вот король Венгрии, подобно царю едомскому, вывел конницу в поле и задал крестоносным бандитам и мародерам изрядную трепку...

– Прав был тот понтифик, – вздохнул в ответ Сен-Жермен, – который запретил переводить

Святое Писание с латыни и самостоятельно читать Библию мирянам. Если таким, как ты, сир Робер, дать книги Ветхого Завета, не снабдив их толкованиями святых отцов, то число еретиков в христианском мире превысит все мыслимые пределы...

– Не слушайте его, мессир! – взмолился Жак. – Рассказывайте дальше! Я только сейчас понял, что мы находимся в тех самых местах, где каждый холм связан с Писанием...

– В опровержение твоих слов, брат Робер, – продолжил приор, – расскажу тебе, что было дальше. Следующему царству, которое оказалось на пути у сынов Израиля, повезло гораздо меньше.

И послал Израиль послов к Сигону, царю аморрейскому, чтобы сказать: позволь мне пройти землю твою; не будем заходить в поля и виноградники, не будем пить воды из колодезей твоих, а пойдем путем царским, доколе не перейдем пределов твоих. Но Сигон не позволил Израилю идти через свои пределы; и собрал Сигон весь народ свой, и выступил против Израиля в пустыню, и дошел до Иаацы, и сразился с Израилем. И порастил его Израиль мечом, и взял во владение землю его от Арнона до Иавока, до пределов аммонитских, ибо крепок был предел аммонитян, и взял Израиль все города сии, и жил Израиль во всех городах аморрейских, в Есевоне и во всех зависящих от него. [\[19\]](#)

– Однако и тут закавыка, – хмыкнул Робер. – Похоже, не таких уж и мирных рабов вывел из Египта еврейский пророк, если они, после длительного марша, смогли одолеть регулярное войско пусть и небольшой, но страны. «И порастил его Израиль мечом» – говорите, мессир?

– Не богохульствуй, друг! – искренне возмутился Жак, который обучался в монастыре. – В самом деле, нельзя так бесцеремонно обсуждать слова Писания.

– Что касается самого Пути царей. Эта дорога ведет от Аммана через буйные пшеничные поля библейского царства Хаммонейского, – Сен-Жермен, словно предлагая прекратить бессмысленный и довольно скользкий философский диспут, продолжил рассказ. – Затем она идет мимо горы Небо, где похоронен сам Моисей, и спускается в долины, по которым петляет мимо Керака к древней Ак-Кабе, что лежит на берегу далекого Красного моря. Но мы не пойдем к Кераку, а свернем намного раньше, чтобы через одно из ущелий выйти к побережью. И если нам это удастся, то у нас снова появится шанс исполнить свою миссию...

К концу дня отряд добрался до конца Хаммонейской равнины, до холмов Трансиордании и начал углубляться в чередующиеся долины. С началом ночи Сен-Жермен, опасаясь заблудиться в предгорьях, объявил привал.

– Откуда мессир так хорошо знает эти места? – спросил Жак у Серпена, греясь у костра.

– Он много раз бывал здесь, выполняя поручения папы и патриарха, – ответил тот. – В здешних горах живет много странных племен, которые исповедуют христианство, каждое на свой манер. Мусульмане стараются обходить эти горы десятой дорогой. Если в один прекрасный день удастся склонить туземцев перейти в лоно святой равноапостольной Римской экуменической церкви, то Трансиордания станет надежным оплотом латинского королевства.

Утро принесло новую неожиданность. Жак, готовясь выйти в дозор, не участвовал в утренней перекличке. В то время, когда он, надев гамбезон, с помощью оруженосца натягивал поверх него туго идущую кольчугу, из-за большого камня, отделявшего их бивак от места стоянки, словно пробка из бутылки игристого монферратского сидра, вылетел всклокоченный Робер:

– Обнаружился все же предатель, три меча мне в глотку и моргенштерн [\[20\]](#) в ухо! – Достоправный рыцарь был так возбужден, что не добавил по привычке, что эти слова принадлежат его покойному дядюшке, графу Гуго де Ретель. – На перекличке недосчитались одного человека и двух самых быстрых коней. Часовой, что охранял дорогу в Амман, объяснил, что этот подлец сказал ему, мол, выполняет распоряжение мессира и уходит в арьергардный

дозор, а за ним едут еще три рыцаря. Караульные отлично его знали и не имели ни малейших оснований не верить его словам.

– Так это все же Рембо? – Сердце у Жака сжалось, и по хребту у него пробежала ледяная волна. – Как же мы были слепы, брат-рыцарь, доверяя бывшему жонглеру. Прав, тысячу раз был прав Николо Каранзано, говоря о том, что вражеского соглядатая нужно искать среди самых близких людей. Ну ничего, Святая Земля невелика. И если он окажется на моем пути...

– Да какой, к дьяволу, Рембо? – взревел Робер так громко, что с нависшего над ними дерева грузно взлетела в воздух стая перепуганных ворон. – Я еще вчера передал этого бездельника в распоряжение старшины сержантов. Он там и сейчас сидит, перебирает и очищает от ржавчины наконечники копий, а, когда никого из рыцарей нет поблизости, по своей зловредной привычке развлекает остальных похабными куплетами, уклоняясь таким образом от работы.

– Так кто же? – изумился Жак.

– Оруженосец брата Серпена, – немного переведя дух, прорычал Робер. – Тот самый зануда с ослиной мордой, который из себя корчил непроходимого тупицу, да к тому же не умеет держаться в седле и валится на землю словно мешок с кизьяками после первого же взбрыка. Вступил в братство незадолго до нашего с тобой прибытия из Марселлоса. Брат Серпен ходит сам не свой. Как только прояснилось в чем дело, он сам порывался броситься в погоню. Да только этот императорский огрызок уже полночи в пути, да со сменной лошадью. Его никому, даже монголам, теперь не догнать...

– Что теперь будем делать? – Жак наконец протиснулся в кольчугу и застегивал кожаный пояс, в то время как оруженосец закреплял на плече портупею.

– Мессир дал приказ выступать без промедления. Он сказал, что больше у нас не будет ночных привалов, а тот темп, с которым мы двигались еще вчера, будет теперь вспоминаться беззаботной прогулкой. Если этот червяк встретится с отрядом, высланным из Иерусалима, то на марш у нас останется не более пяти дней.

К тому времени, когда Жак и Робер, оседлав коней, выехали к месту общего построения, колонна уже собралась в походный ордер и гудела, словно натянутая тетива.

Три дня и три ночи слились в серое мелькание. Зеленые живописные холмы Хаммонеи сменили угрюмые черно-красные скалы моавитянских земель, и горные долины стали все больше напоминать ущелья. Путники почти не разговаривали друг с другом и упорно продвигались вперед, делая лишь два коротких привала – на рассвете и на закате. Кони хрипели от усталости, кибитки обреченно громыхали по каменной тропе, изредка теряя колеса, но путники не останавливались. Те, кто уже не мог держаться в седле, на ходу перебирались в повозки и, едва отдохнув, снова возвращались в седла.

На рассвете четвертого дня, когда отряд, перебираясь через перевал, оказался на верхней его точке, приор отправил Жака и Робера на ближайшую вершину, чтобы они огляделись по сторонам.

Ветер и Бургиньон устали настолько, что, идя нос к носу, не переругивались между собой, как обычно, а лишь тяжело сопели, по очереди выпуская из ноздрей струйки пара. Всадники вылетели на небольшую площадку и, спугнув пасущихся на вершине диких коз, протирая отяжелевшие глаза, начали осматривать дальние отроги. Ночь они провели в седле, не снимая доспехов, и теперь гамбезоны, почти насквозь пропитанные потом и утренней росой, неприятно холодили кожу.

– Посмотри, брат-рыцарь, в ту сторону, откуда мы пришли, – на удивление спокойным, даже ледяным голосом, какого Жак не слышал от Робера ни разу, с первого дня их знакомства в далеком Марселлосе, произнес де Мерлан. Его короткий палец, покрытый рыжими волосами, показывал куда-то на север.

Жак прищурил глаза. Лед, который вдруг поднялся откуда-то изнутри, царапнул сердце и заставил забыть о мокрой холодной ткани камизы, облепившей бока. Что-то внутри у Жака оборвалось, и он всем своим естеством ощутил, как ко всему их отряду медленно приближается смерть.

Становилось все светлее, и теперь с вершины стало отлично видно, как из-за далекого, пройденного еще вчера в полдень холма черной неумолимой змеей, оцетинившись копьями и сверкая шлемами, выползает длинная кавалерийская колонна.

Глава пятая, в которой вода побеждает железо

Трансиорданское нагорье, окрестности ущелья Вади ай-Муджиб, двадцать четвертый день раби-ус-саани 626 года хиджры (1229 г. от Р. Х., 22 марта)

Арьергард миновал перевал, и отряд, грохоча по твердой, словно камень, земле, запетлял по дороге, спускаясь к чернеющим вдали ущельям. Робер де Мерлан, отпустив поводья и предоставив Ветру возможность самому выбирать дорогу, скакал в шаге от Сен-Жермена, докладывая о том, что им с Жаком удалось разглядеть с высоты.

– Человек двести, мессир. Все конные, в доспехах, идут ускоренным маршем и вооружены до зубов. Точнее ничего сказать не могу, они слишком далеко, – Робер нахмурил рыжие брови и нехотя добавил: – Пока.

– Как ты думаешь, брат-рыцарь, скоро они нас догонят? – не отрывая глаз от дороги, спросил приор.

– Они на расстоянии дневного перехода. Если это германцы или апулийцы, из тех, что прибыли вместе с Фридрихом, стало быть, кони у них не слабее наших. Если же наемные пизанцы или генуэзцы – то это немного лучше. Вооружены они тяжелее и, значит, движутся не так быстро. Однако они, в отличие от нас, идут без обоза.

Рыцари одновременно обратили хмурые взоры на подпрыгивающие кибитки.

– В любом случае, – подытожил Робер, – если мы выдержим взятый темп, то до того, как они плотно сядут к нам на хвост, у нас примерно два дня.

– Чормаган! – привстав в стременах и подняв руку над головой, закричал приор.

Нойон, скакавший на расстоянии полета стрелы от рыцарей, отделился от плотной группы монгольских всадников и приблизился к Сен-Жермену.

– За нами погоня, нойон.

Робер перевел слова приора. Прославленный монгольский военачальник посерел лицом.

– Ваши кони в горах и быстрее, и выносливее, – продолжил Сен-Жермен. – Оставь на перевале отряд в пять – семь всадников. Пусть они движутся, не теряя из виду наших преследователей, и предупреждают обо всем, что там у них происходит. И постарайся, насколько это возможно, ускорить движение кибиток.

– Я понял, – кивнул Чормаган и, ударив пятками коня, помчался обратно к своим нукерам, отдавая на ходу распоряжения.

Услышав нойона, возницы все как один начали яростно нахлестывать взмыленные спины и бока коренников. Грохот, сопровождавший движение отряда, усилился чуть ли не вдвое. Жак, посланный Сен-Жерменом в хвост колонны, наблюдал за тем, как его обгоняют короткие, почти квадратные, крытые повозки с колесами из цельных деревянных кругов, оббитых полосами железа, с орущими на облучках погонщиками. Вдруг его взгляд сам собой остановился на третьей или четвертой по счету кибитке, и рыцарь ощутил ставшую уже привычной особую дрожь, какая у него появлялась при соприкосновении с неведомым. Снова, в который раз, перед мысленным взором появился суровый старик, что запретил ему перелезть через стену и отправил обратно, в помощь своему сыну. Жак понял: мертвое тело Чингисхана на расстоянии вытянутой руки, а неупокоенный дух великого и беспощадного воина, не знавшего поражений, витает над отрядом, требуя, чтобы посланники, во что бы то ни стало, исполнили его последний приказ. Втягивая потрескавшимися губами солоноватый тяжелый воздух, он глотал саднящим горлом слюну, представляя себе при этом все более призрачную цель их бесконечного пути –

белые стены Святого Града. Жак еще ни разу не видел Иерусалим, и он представлялся ему изображением на старинной гравюре, где за грозным частоколом высоких и мощных башен вздымаются сотни золотых куполов, увенчанных крестами...

Но, словно насмехаясь над его мечтами, дорога, по которой они мчались к эфемерной цели, походила не на лестницу, ведущую в обетованные небеса, а скорее на путь в преисподнюю. Горная гряда, возвышавшаяся далеко в стороне, подбиралась все ближе, и вскоре узкая каменистая дорога превратилась в зажатую скалами тропу. Пологие склоны холмов, только вчера зеленые и живые, теперь вздымались справа и слева черными стенами, сдавливая небо, которое еще недавно куполом Господнего шатра раскидывалось от оставленной далеко позади Ханаанской равнины и до самых дальних моавитянских отрогов.

Ничего подобного Жак не видел еще никогда. Лишь единожды, вместе со своим наставником, отцом Брауном, он побывал в настоящих горах. Тогда, нанося визит в одну из альпийских обителей бенедиктинцев, он был поражен до глубины души видом величественного горного хребта, отделяющего Бургундию и Прованс от Верхней Италии, и его наставник, на латинский манер, называл Цезальпинской и Трансальпийской Галлией. Альпийские вершины показались ему тогда воистину сказочными местами, суровым, но пронзительно-ярким миром рыцарей, сражающихся с драконами, мощных и гордых замков и монастырских крепостей, за стенами которых духовные пастыри, отрешившись от земной суеты, возносят молитвы Всевышнему.

Но здесь, в Трансиорданском нагорье, для того чтобы оказаться среди вершин, нужно было не подниматься вверх, а спускаться вниз. И если это могло показаться сказкой, то мрачной и суровой. Здесь невозможно было себе представить огнедышащего дракона или безмолвно стоящего на вершине рыцаря. Напротив, за каждым изломом очередной скалы ему чудился хранитель преисподней – ифрит, или безмолвный ассасин, годами ожидающий в засаде свою жертву.

Прошло еще немного времени, и вокруг них окончательно воцарилось мрачное безмолвие мертвенных скал. Жаку почудилось, что эти скалы – и не скалы вовсе, а окаменевшие злые духи, возмущенные тем, что смертные осмелились потревожить их вечный покой и несутся вперед сломя голову по каким-то своим сиюминутным надобностям. Гудение ветра, бродящего среди огромных каменных глыб, напомнило бывшему монастырскому послушнику далекие звуки торжественно-зловещего органа. Вскоре в воздухе стала ощущаться болотная сырость, словно на них пахнуло из черного провала старого, много лет залитого водой подвала.

Источник запаха вскоре объяснился – по дну ущелья в сторону Мертвого моря текла неширокая горная речка. Обрадованные путники попробовали набрать в ней воды, чтобы смыть с себя грязь и пот и утолить жажду, однако вскоре со всех сторон до Жака стали доноситься плевки и проклятия на франкском, монгольском и лошадином наречиях. Он попробовал хлебнуть из пригоршни и только тогда понял в чем дело. Вода в речке была теплой, почти горячей и горькой, словно полынный отвар.

Ночь застала их в пути. Стены ущелья, по которому они двигались в сторону побережья, выросли до высоты в несколько сот футов, проход между ними медленно и неуклонно сужался. Вскоре отряд подошел к месту, где дорогу почти целиком преграждал каменный завал.

– Здесь, – остановив колонну на короткий привал, произнес Сен-Жермен, – нужно оставить заслон, человек в десять – пятнадцать. Место удобное для обороны, и если на то будет господня воля, то мы получим еще один день. Я не буду выкликать добровольцев, а сам назначу тех, кто останется нас прикрывать.

Взгляд приора заскользил по едва очерченным в сумраке, усталым лицам братьев Святого Гроба, в которых без труда читался немой вопрос.

– Брат Серпен! – после продолжительных колебаний произнес, наконец, приор, – выбери семерых сержантов. Оставайтесь здесь, дождитесь разведчиков. Как только вступите в бой, отправьте нам вслед гонца, чтобы мы знали... – Сен-Жермен осекся и не закончил фразу.

– Благодарю вас, мессир! – Услышав свое имя, брат Серпен просиял от радости, словно он получил не приказ идти на верную смерть, а, по меньшей мере, повышение до маршала или сенешаля Иерусалимского королевства. – Будем надеяться, что мой бывший слуга идет вместе с отрядом, и я смогу лично снести ему голову.

– Ваше дело не мстить, – ответил Сен-Жермен, – а продать свои жизни как можно дороже и, главное, продержаться как можно дольше. Если мы доберемся до Иерусалима, то отстоим всеночную за упокой ваших душ. Прощайте, братья!

– Прощаться не будем, – нахмурился брат Серпен. – Плохая примета. Неизвестно еще, как дела повернутся. Глядишь и останемся целы...

С этими словами Серпен направился к орденским сержантам, чтобы определить, кто из них останется с ним прикрывать отход, и забрать в обозе оружие и доспехи. Вскоре восемь крестоносцев, стреножив коней, выстроившись в ряд, провожали уходящую колонну. Все – и рыцари, и сержанты, и даже монголы, – поравнявшись с Серпеном, доставали из ножен мечи и салютовали, отдавая воинские почести горстке храбрецов.

Ущелье выгнулось широкой дугой, и вскоре место засады скрылось из виду. Отряд продолжил изнурительную гонку, единственным призом которой было ни много ни мало, как будущее Святой Земли и христианского Востока. Жак смертельно устал. За последние дни ему, как, впрочем, и всем остальным, удавалось прикорнуть лишь урывками, и он отчасти завидовал Серпену и его сержантам, у которых в полном распоряжении была эта ночь и еще не меньше чем полдня.

– Не сомневаюсь, что наш приятель уже положил голову на седло и спит, как сурок, – словно читая его мысли, пробурчал скачущий рядом Робер. – С самого первого дня, когда мы приняли присягу, приор был к нам с тобой несправедлив и всегда отдавал самые лучшие задания своим любимчикам.

– Не обижайся, брат-рыцарь, – Сен-Жермен скакал сзади и слышал всё, о чем говорил достоправный арденец. – Поверь, что не успеет начаться новая седмица, как все наши братья окажутся в любимчиках и получат от меня такие приказы, о которых можно только мечтать...

Робер весело рассмеялся в ответ, и к нему присоединились все, кто слышал эти слова. Жак, балансирующий на самой границе сна и бодрствования, пожалел о том, что ему никак нельзя поделиться своими видениями ни с кем, даже с ближайшими друзьями. Безмолвное общение со стариком, ожидающим на границе между миром живых и царством мертвых, с каждым днем закаляло его душу, поднимало его над обыденным миром, наполняя его тело силой и спокойной уверенностью, но делало бесконечно одиноким. «Скорее бы Иерусалим... – шептал он, словно молитву, когда был уверен, что его не слышит никто. – Пусть упокоится мятежный дух и не терзает мою душу, общаясь через меня с Божьим миром. Я хочу быть снова таким же, как все...» Когда солнце заглянуло в ущелье, и по тропе перед всадниками замелькали изломанные тени, они пересекали уже третий перевал. Жак всмотрелся в покрытый дымкой горизонт, и ему показалось, что там, в просветах между скал, вспыхивают проблески лучей, бегущих по водной глади.

– А это еще что такое? – воскликнул Робер, бесцеремонно указывая пальцем вперед.

Жак прищурил глаза и вскоре вслед за приятелем смог разглядеть несколько точек, ползущих им навстречу со стороны Мертвого моря. Когда ошестиненный копьями и мечами авангард приблизился к встречным настолько, что можно было их разглядеть, оказалось, что, во-первых, судя по коням, одежде и доспехам, это франкские рыцари, а во-вторых, кто бы они ни

были, но это определенно не враги. Всадники, глядя на приближающихся крестоносцев, даже не помышляли о том, чтобы подготовиться к отражению атаки или как-то иным образом продемонстрировать недобрые намерения.

– Меня не устает поражать эта удивительная страна, – произнес, поравнявшись с ними, мастер Григ, – пустыни, скалы, безжизненные места. Казалось бы, откуда тут взяться людям. Так нет же, мало того, что постоянно тебе по дороге попадаются люди, так еще к тому же чаще всего и знакомые...

Когда дистанция между двумя отрядами сократилась до половины полета стрелы, Робер, возглавлявший передовой разъезд, демонстративно вогнал в ножны меч и поднял руку вверх, давая отбой атаке.

– Вот уж кого не ожидал увидеть здесь и сейчас, – пробормотал он, стаскивая с головы шлем, – так это... Однако нет худа без добра. Теперь будем считать, что нас раза в полтора больше. Послушай, брат! – закричал он, обращаясь к осаживающему коня гиганту, – как ты ухитрился не опоздать на этот раз?

Недобитый Скальд соскочил с шатающегося от непосильной ноши коня и привычным движением схватил его за гриву, удерживая от неизбежного падения.

– За вами гонятся германцы, сир Робер, – проворчал достоправный рыцарь, стараясь из последних сил скрыть радость от того, что увидел старых друзей целыми и невредимыми. – А германцы мне так надоели в Яффе, что я бросил все, пригласил приятеля и ринулся вам наперерез, чтобы принять участие хоть в какой-то потасовке. Благодаря этому чистоплюю Фридриху, в Заморье так и не началась добрая война... Не правда ли, сир? – обернулся он к своему спутнику.

Следовавший за ним рыцарь, по примеру де Мерлана, снял свой богато инкрустированный шлем, продемонстрировав аристократический профиль пулена, ^[21] принадлежащего к одной из знатных иерусалимских фамилий. Это был де Барн.

– Прежде всего позвольте объяснить, почему мы здесь, – отвечая на немой вопрос, застывший в глазах у рыцарей, произнес собрат тевтонского ордена. – У нас нет времени на выяснения отношений, и, прежде всего, вы должны знать, что одновременно с рыцарским отрядом, который был отправлен вам навстречу, император послал эстафету в Каир. В письме к султану аль-Камилу он, во исполнение только что заключенного договора, истребовал военную помощь и попросил перехватить отряд, идущий из Багдада, если он, обходя заслоны, попытается прорваться в королевство вдоль берега Мертвого моря. Султан удовлетворил просьбу Фридриха, и теперь не менее пятисот воинов его икты движутся сюда с юго-запада и, скорее всего, уже вошли в ущелье.

– Это верно, друзья, – кивнул головой Недобитый Скальд, – они движутся вслед за нами, так что, самое позднее на исходе завтрашнего дня, вы столкнетесь с опасным противником.

Реакция Сен-Жермена была мгновенной.

– Сир Робер, – ровным голосом произнес приор, – передай Чормагану, чтобы он сей же час отправлял гонца к Серпену. Пусть отвезет мой приказ – немедленно снимать засаду и догонять отряд. Ударим вначале всеми силами по сарацинам, затем, очистив тылы, развернемся и дадим бой германцам, – пояснил он свои действия остальным. – Силы неравны, и всех опытных бойцов нужно собрать в кулак.

– Нас послал сюда Герман фон Зальца, мессир, – де Барн подъехал вплотную к рыцарям, и только теперь, рассматривая его вблизи, Жак увидел, насколько тот устал. – Почему он это сделал, вы поймете, когда узнаете обо всем, что произошло с тех пор, как мы встретились в Яффе с братом Серпеном. Надеюсь, он вернулся к вам в целостности и сохранности.

– Да, брат Серпен уже давно возвратился и рассказал обо всем, что он видел и слышал, –

ответил Сен-Жермен. – Мы знаем о том, что Фридрих все же вошел в Иерусалим и возложил на себя корону. Я горю от нетерпения в ожидании вашего рассказа. Однако у меня имеется еще одно небольшое дело, достопочтенные рыцари. Как только оно будет завершено, я выслушаю ваш рассказ.

Вскоре выяснилось, что «небольшим делом» приора стал тайный совет с монголами. В стороне от небольшой закрытой площадки, выбранной для короткого привала, за выступом скалы съехались Робер, Сен-Жермен, Толуй и Чормаган. Жак участия в совете не принимал, но, как один из посвященных, был поставлен приором в охранение и слышал негромкую беседу.

– Сколько кибиток везут настоящий груз, хан Толуй? – спросил приор, выделив голосом слово «настоящий». Робер, как мог, повторил его слова по-монгольски.

– Только три – ответил тот. – В первой – деньги, во второй золото, драгоценности, важные бумаги. Там же и ваши реликвии. В третьей...

– Не называй имени вслух, о, великий хан! – почтительно, но твердо перебил Толуя Чормаган. – Горные духи нас слышат, и мы должны быть осторожны, дабы не навлечь на себя их гнев.

«Христиане», – усмехнулся про себя Жак и посмотрел на запястье, где багровел еще не до конца затянувшийся шрам, оставшийся у него после братания с Толуем.

– Вот для чего я вас собрал. – Приор, как обычно, говорил ровным, почти бесцветным голосом, Робер переводил. – Наш главный враг, император, оказался предусмотрительнее, чем я предполагал, и выслал отряд нам навстречу. Ловушка захлопнулась, хан. Теперь все, что я могу для тебя сделать, – это отвлечь на себя все вражеские силы и дать время, чтобы ты мог уйти. Сейчас мы двинемся в путь. Поставь в арьергарде самых надежных своих людей и двигайся с ними сам. Те три кибитки пусть идут последними в колонне. Как только стемнеет, тихо и незаметно отстаньте от отряда и укройтесь в одном из боковых ущелий. Дождитесь, когда мимо вас пройдет германский отряд, а дальше действуйте по обстоятельствам. Я бы посоветовал спрятать тело и сокровища подальше в горах, куда не пройти на конях, после чего самим возвращаться обратно, в Монголию. Насколько я понял, ты должен, во что бы то ни стало, попасть на ваш харултай. Сделай это, хан, и тогда наша гибель не будет напрасной. Впрочем, не мне за тебя решать.

– Ты прав, нойон, – после долгой паузы медленно произнес Толуй. – Я принимаю твой план. С собой я заберу только десяток нукеров. Не обижайся, но я выберу лучших. Чормаган с остальными останется с вами и будет сражаться до конца.

Более не говоря ни слова, франки и монголы разъехались, чтобы отдать необходимые распоряжения и изменить походный ордер.

«Мы умрем», – подумал Жак. И в этих мыслях его не было ни страха, ни отчаяния. С тех пор как в Бургундии к нему на свадьбу приехал сеньор, желавший воспользоваться правом первой ночи, превратив его из виллана сначала в бунтовщика и беглеца, затем в пилигрима и рыцаря крестоносного ордена, смерть ходила от него в двух шагах. За два года, проведенных сперва в бегах, затем на борту «Акилы» и в Святой Земле, он привык к ее соседству и думал о ней скорее как крестьянин думает о граде, который может побить лозу и уничтожить урожай. «Да, мы умрем». Единственное, о чем он искренне сожалел, это о том, что так и не увидит Иерусалим.

Как только отряд продолжил путь, Сен-Жермен, собрав рядом с собой рыцарей своего эскорта, подозвал Скальда с де Барном, чтобы, наконец, выслушать их рассказ.

– Прежде всего, де Барн, – задал вопрос приор, – ответь, как ты узнал, что мы пойдем именно этой дорогой?

– Не забывайте, мессир, что я родился и вырос в Палестине, – ответил рыцарь. – Другой

дороги, по которой можно пройти к берегу и провезти повозки, в этих горах просто нет. А о том, что вы идете не налегке, императору уже известно.

– Расскажите нам, что происходило после того, как Фридрих вошел в город.

– Коронация оказалась сущим фарсом. Наутро в воскресенье Фридрих, ожидая прибытия патриарха, начал репетировать церемонию, в которой он должен был выступить главным действующим лицом, подобно коронациям, которые происходили в Палермо, Риме и Аахене. День подходил к концу, но, кроме преданных императору архиепископов Палермо и Капуи, в церкви Святого Гроба не появился не только патриарх Геральд, который по закону должен был совершить помазание, но и ни один из духовных лиц иерусалимского патриархата. Глупее ситуацию трудно себе представить. Фридрих уже вызвал с Мальты свой флот, чтобы тот сопровождал его в Италию, земля Палестины горела у него под ногами, но оставить освобожденный город, не увенчавшись короной, он не хотел, да и, по большому счету, уже не мог. Тогда фон Зальца и предложил Фридриху, чтобы он не устраивал торжественную мессу, а просто взял с алтаря корону и, без причастия и помазания, отнес ее к своему трону и сам возложил себе на голову. Фридрих вынужден был согласиться. Глашатаи объявили о начале церемонии. Церковь заполнили моряки – пизанцы, генуэзские арбалетчики и германские рыцари. Впереди всех стояли фон Зальца и тевтонские магистры, одетые в свои белые плащи с черными крестами. Рядом с ними, надутые как сычи, расположились великий прецептор [\[22\]](#) тамплиеров со свитой и несколько госпитальеров. Они присутствовали как бы неофициально, наблюдали за происходящим и копили впечатления, чтобы донести их до ушей патриарха, который, в свою очередь, отчитывался обо всем перед папой Григорием. Церемония заняла всего несколько минут. Фридрих чуть не вбежал внутрь, поспешно приблизился к алтарю, схватил с него заранее приготовленную корону и быстро нахлобучил ее себе на макушку. Корона оказалась мала, все время норовила слететь, и ему пришлось все время придерживать ее рукой. Затем Герман фон Зальца вышел вперед и огласил присутствующим вначале по-германски, затем по-франкски письмо императора, описывающее его деяния, начиная с того, как он взял крест в Аахене. Он описал жесткие меры, которые предпринял против него папа, возлагая вину не столько на понтифика, сколько на тех, кто вводил его в заблуждение, прозрачно намекая на происки акрского клира. В заключение он, отбросив всяческие иносказания, направил самые жестокие упреки в сторону патриарха и его сторонников, описывая их как лжехристиан и говоря, что они, пытаясь очернить образ императора, злонамеренно мешали заключению мира и освобождению Святой Земли. После этого император немедленно покинул церковь и, не снимая короны, проследовал в резиденцию госпитальеров, где приступил к переговорам с английским епископом, магистрами тевтонцев и госпитальеров, великим прецептором тамплиеров и прочими знатными людьми, которые готовы были принимать участие в укреплении и защите Иерусалима. Эти переговоры продолжались до утра, однако не достигли никакого результата. Камнем преткновения стала, в первую очередь, цитадель – башня Давида. Император пообещал ее тевтонцам, но тамплиеры, оставленные по договору без резиденции, требовали, чтобы ее отдали им в качестве замены.

Спор, грозивший затянуться надолго, разрешился самым неожиданным образом. Рано утром в город прибыл архиепископ Кесарийский и у врат церкви Святого Гроба от имени патриарха объявил о том, что на Иерусалим наложен интердикт. [\[23\]](#) Эта весть буквально оглушила как паломников-богомольцев, так и воинов-крестоносцев. Над городом повисла зловещая тишина. Разочарованные богомольцы, помолившись у запертых дверей знаменитых церквей и не получив отпущения крестоносного обета, стали собираться в обратный путь. Теперь положение как Фридриха, так и патриарха, стало окончательно запутанным, что, конечно, играло на руку папе, который в сложившейся ситуации выступал в роли главного

арбитра и мог действовать так, как ему заблагорассудится.

Через час после провозглашения интердикта Фридрих, так и не завершив совет, вместе со своей свитой покинул пределы Иерусалима. Его отъезд всех поверг в изумление. Узнав об этом, представители орденов, которые принимали участие в переговорах, устремились вслед за ним, предлагая любые компромиссы, лишь бы он не бросал их на произвол судьбы. Император повел себя очень мягко, ответив, что будет обсуждать детали своих планов в другое время. Затем он вскочил на коня и столь быстро поскакал в сторону Яффы, что сопровождающие едва могли за ним угнаться. После его отъезда выяснилось, что он оставил деньги на восстановление городских укреплений, поручив это дело верным ему тевтонцам, а, кроме того, в полной тайне направил большой отряд наемников в сторону Аммана. Гран-мастер Герман, не ожидавший, что император так быстро и позорно сбежит, бросив все дела на полпути, теперь был всерьез обеспокоен сложившимся положением. Он вызвал к себе меня и Недобитого Скальда, рассказал нам обо всем, что узнал от императора про ваше посольство, и отправил нас навстречу, чтобы предупредить об опасности. При этом он сказал: «Я не знаю, что они там везут, брат де Барн, но, раз этого так не желает император, значит, оно может склонить в ту или иную сторону чашу весов. А сейчас для Святой Земли любой перевес сил окажется намного лучше, чем то, что происходит у нас на глазах. После того как все дела остались в подвешенном состоянии, я не удивлюсь, если тамплиеры пойдут брать штурмом башню Давида и в городе, и так уже отлученном от церкви, начнется кровавая заварушка, по сравнению с которой все наши гражданские войны будут казаться мелкими пограничными стычками». Одновременно с нами гранмастер послал гонца к патриарху в Акру. Он предупредил его о том, что ваш отряд в опасности. В тот же день мы собрались и поскакали вам навстречу, мессир. Теперь осмелюсь спросить: не желаете ли и вы в свою очередь пояснить нам со Скальдом, ради чего разгорелся весь этот сыр-бор?

Сен-Жермен, не вдаваясь в подробности и не раскрывая истинного назначения миссии, рассказал, что они сопровождают в Иерусалим монгольское посольство и корону Балдуина.

– После того как мы прибудем в Иерусалим, – завершил он короткую речь, – и восстановим сокровищницу церкви Святого Гроба, коронация Фридриха окажется недействительной. После снятия интердикта можно будет заново провести выборы и инаугурацию иерусалимского короля.

– А это опасно? – спросил у приора Недобитый Скальд.

– Сам посуди, сир рыцарь, – улыбнулся в ответ Сен-Жермен, – за спиной у нас большой отряд. Сколько там, говорите, воинов?

– Человек двести генуэзцев и сотни полторы пизанцев. Много конных арбалетчиков, – немедленно отозвался гигант.

– А впереди полтысячи отлично обученных и хорошо вооруженных мусульман. Справа и слева каменные стены. Нас же вместе с монголами от силы сотни две. Как сам ты считаешь, опасно это или нет?

– Отлично! – воскликнул Скальд и в сердцах слегка ударил пудовым кулаком своего коня между ушей. Бедное животное закатило глаза и чуть не потеряло сознание, но достославный рыцарь привел его в чувство двумя ударами плетки. – Наконец-то начнется хоть что-то, напоминающее войну. Как я устал от этого шутовского мира!

– Первокласное сражение я тебе обещаю, – грустно улыбнулся приор, – только скажи мне вот что. Когда вы скакали нам навстречу, не встречали по дороге удобную позицию, где можно было бы отбивать атаки с обеих сторон?

– Было одно местечко, – расплылся в улыбке Недобитый Скальд, – ущелье там сужается так, что пять всадников в ряд едва пройдут. Поверху тоже не обойти – кругом отвесные скалы.

Там течет родник, так что можно не бояться остаться без воды. А еще там имеется небольшое ответвление – рукав, в который можно отступить, если не останется сил на то, чтобы защищаться в двух направлениях.

– Если мне доведется когда-нибудь встретиться с мессиром фон Зальца, – все так же улыбаясь, ответил приор, – я в ноги ему поклонюсь за то, что он предупредил нас об опасности и послал на помощь двух блестящих рыцарей. Теперь же побережем силы и ускорим ход. Чем скорее мы достигнем названного вами места, тем больше у нас останется времени на подготовку позиции.

Жак скакал в середине колонны, наблюдая за тем, как отделяются от отряда, растворяясь в сгущающихся сумерках, три последние кибитки, окруженные монгольскими всадниками, среди которых выделялся хан Толуй.

Рано утром они достигли цели.

* * *

Три всадника передового дозора мусульман, заставляя коней чуть не тереться боками о серые каменные стены, вспугивая ящериц и ужей, мчались вперед по краю ущелья. Кони – арабские кобылицы с подрезанными хвостами и заплетенными в косы гривами, недовольно храпели, но беспрекословно слушались хозяев.

Эмир Салех не зря отправил вперед Джамута, старшего брата своей второй жены. Они уже не первый год воевали бок о бок и были столь удачливы, что если бы на невольничий рынок Каира вывели сразу всех рабов, приведенных ими из набегов, то там бы не осталось места, чтобы расстелить молитвенный коврик для намаза. Султан, в спешке отправляя Салеха в Трансиорданию на перехват какого-то загадочного франкского отряда, предупредил, что они будут иметь дело не с простыми воинами, а с настоящими шайтанами в человеческом облике, и умудренный жизнью эмир отнесся к словам светлейшего более чем серьезно. Однако, что такое несколько десятков неверных, даже отличных бойцов, против шести сотен воинов? И не каких-то там сирийских разбойников, что способны лишь грабить зазевавшихся караванщиков, а отборных всадников султана, которые на протяжении многих лет не знают иного ремесла, кроме войны.

Восточная поговорка гласит: «Бывают старые воины, и бывают безрассудно храбрые воины. Однако никто еще никогда не встречал старого, но безрассудно храброго воина». Возглавляющий дозор Джамут, хитрый, как лиса, египетский араб, чьи предки служили еще первым Фатимидам, отлично об этом помнил. Зная обманчивый нрав здешних гор, он вел себя так, будто ожидал, что в любую минуту из-под каждого камешка им навстречу выскочит вооруженный до зубов франк. Еще вчера, пройдя вдоль берега Соленого моря, они свернули в горы и устремились по древней дороге, ведущей прямо в Амман. Франки – если, конечно, они существовали на самом деле, а не были плодом воображения одного из многочисленных доносчиков – должны были обнаружиться уже сегодня, от силы завтра. Но бдительность дозорных, от которых зависело то, насколько быстро основные силы сумеют изготавиться к стычке, можно было уподобить разве что осторожности горного барса, который, выходя на ночную охоту, чутко реагирует на любой подозрительный шорох.

Очередной поворот дороги, казалось, не таил особой опасности, однако, завернув за небольшой изгиб, Джамут нахмурился и поцокал языком. Ущелье здесь сильно сужалось, и, мало того, дорогу почти полностью преграждали две лежащие друг против друга каменные осыпи, за которыми серел уступ выдающейся вперед скалы. «Уж больно хорошее место для

засады, – внимательно осматривая скалы и придерживая лошадь, чтобы она не очень торопилась, подумал Джамут. – Нужно отправить вперед Раммаза, а самим подождать здесь, пока не подтянется отряд». Но серая в яблоках кобыла не умела читать мысли хозяина и не разделяла его опасений. Поэтому, пока Джамут размышлял о том, как ему поступить дальше, она, как ни в чем не бывало, проскочила мимо осыпей и, увлекая за собой остальных дозорных, завернула за выступ скалы.

Несмотря на постоянное ожидание встречи с франками, ни Джамут, ни его джигиты были совсем не готовы к тому, что увидели. Потрясенные всадники оказались прямо перед сомкнутым строем конных франкских рыцарей. Не сговариваясь, арабы натянули поводья, заставляя кобылиц присесть на задние ноги и развернуться на полном скаку, но было уже поздно. Откуда-то сверху послышались громкие щелчки. Лошадь Раммаза, скакавшего справа от Джамута, покатила по камням, а сам Раммаз, выброшенный из седла, пролетел вперед и врезался головой прямо в острый выступ. Скакавший слева Аслан отпустил поводья и, завалившись боком, упал на землю.

Больше Джамут ни о чем подумать не успел – его отбросило назад, словно от удара копья. И если бы не изнурительные учения, которые устраивались в Каире четырежды в году, он бы не удержался в седле. Жгучая боль растеклась по груди араба. Он опустил вниз глаза и со стоном оперся на луку седла, пытаясь свободной рукой крепче захватить неизвестно откуда взявшийся странный предмет. Из груди, пробив и искорежив пластины нового доспеха, на покупку которого ушел весь доход от урожая, собранного с имения у границ Нубии, торчал короткий железный стержень. Джамут посмотрел на висящее в зените солнце. «Мы не успели предупредить о засаде», – только и смог подумать храбрый воин, которому волей Аллаха так и не пришлось стать старым и мудрым воином.

Второй выстрел оказался точнее, и арбалетный болт, сокрушая сталь и черепную коробку, вошел в самую середину шлема. Последнее, что он увидел, был франк в ярко-белом плаще, потрясающий поднятым над головой копьем, на конце которого раздвоенным змеиным языком трепетал на ветру вымпел с ярко-желтым крестом.

– Святой Гроб и Иерусалим! – прошептал Сен-Жермен, сотрясая орденским штандартом.

Шпоры ударили в защищенные кольчужными чепраками бока боевых коней, и рыцарский эскадрон, словно вырвавшийся на волю горный поток, огибая недвижные тела расстрелянных в упор мусульман, ринулся навстречу врагу. Вылетев из теснины, конная лава растеклась по всей ширине ущелья, и братья пустили коней в галоп. Словно во время бесконечных тренировок в Джераше, рыцари в полном молчании сомкнули строй, выровняли ряды и, повторяя движения скакавшего на правом фланге приора, одновременно опустили копья.

Сарацинский отряд, полагаясь на бдительность дозора, спокойно двигался походным строем, и появление, словно из-под земли, целого эскадрона ошестиненных копьями неистовых франков стало для них громом среди ясного неба.

– Святой Гроб и Иерусалим! – теперь уже в полный голос прокричал приор.

Не успело горное эхо вернуть обратно его слова, как орденский боевой клич, исторгнутый из нескольких десятков луженых франкских глоток, обрушился на ошеломленного врага. Мусульманские всадники, скакавшие в первых рядах, резко осадил коней, и задние, еще не видя опасности, налетели на передних. Передние попытались развернуться и отступить, но им не давали это сделать стены ущелья. Хвост колонны, еще пребывая в полном неведении о том, что над авангардом нависла смертельная угроза, продолжал напирать. К тому времени, когда несущиеся во весь опор рыцари ударили по врагу, колонна сарацин уже представляла собой не боеспособный отряд, а беспорядочную свалку.

Главное преимущество тяжелой рыцарской конницы – таранный удар, благодаря опыту и

предусмотрительности Сен-Жермена, организовавшего первоклассную засаду, было использовано в полной мере. Рыцари врезались в скопление испуганных людей и коней в тот самый момент, когда неразбериха достигла своего пика.

Жак упер копьё в седельный крюк и в самый последний момент перед сшибкой жестко пришпорил коня. И без того распаленный атакой, дестриер ^[24] взвизгнул от боли, присел, с силой оттолкнулся копытами от земли и, словно выпущенная из баллисты стрела, врезался в толпу. Копьё ударило в плотно сбитую толпу так, что Жак с трудом его удержал. Первый сарацин просто вылетел из седла, а его конь, потеряв равновесие, беспомощно завалился на бок. Остро заточенный стальной наконечник погрузился в людскую стену и пробил насквозь второго. Жаку ударила по ладони отдача, и раздался громкий треск – древко копья, не рассчитанное на боковые нагрузки, став рычагом в теле пораженного врага, не выдержало и сломалось. Отлетая в сторону с торчащим в груди обломком, пронзенный насквозь мусульманин сбил на землю еще двоих, и они тут же завершили свой земной путь, отмеренный Аллахом, под копытами не разбирающих дороги до бешенства возбужденных коней.

Жак отбросил ставшую бесполезной рукоять, наклонился и пошарил вдоль ноги, нащупывая седельные ножны. Сталь крестовины приятно охладила слегка саднящую после удара руку, а обитая тонкой телячьей кожей деревянная рукоятка привычно легла в ладонь. Он потянул меч на себя и, слушая ни с чем не сравнимый свистящий шорох выходящего из ножен клинка, вскинул руку, в которой теперь сверкала непобедимая фламандская сталь. Кисть привычно напряглась, ощущая тяжесть хорошо сбалансированного меча. Он снова пришпорил коня и ринулся в гущу схватки.

Первого же врага он встретил прямым ударом от корпуса, вложив в него всю силу. Быкоподобный сарацин, привычно рассчитывая на свою мощь, попробовал ответить встречным прямым ударом. Но в бою на мечах редко побеждает грубая сила. Легкий, слегка искривленный клинок дамасской работы, встретившись с прямым лезвием, подставленным под правильным углом, со звоном вылетел из руки араба и, повиснув на шнурке, сослужил незадачливому хозяину скверную службу, сильно дернув его вниз и назад. Араб потерял равновесие и развернулся к Жаку полубоком. Этого было достаточно для того, чтобы рыцарь вторым замахом перерубил противнику незащищенное горло. Выбросив перед собой черный сгусток крови, араб с бульканьем и предсмертным хрипом рухнул на гриву своему беломастному коню, окрашивая его шею и грудь в ярко-алый цвет.

Со следующим противником, сжимавшим в руке легкое кавалерийское копьё, пришлось повозиться. Жак едва успел изготовиться для отражения атаки и принял удар копья на щит боковым отводом. Тонкий как игла наконечник ударил в железную полосу обивки и с хрустом прошел по дереву, разрывая толстую воловьую кожу. Всадник попробовал отдернуть его назад, чтобы повторить удар, но было уже поздно – их кони съехались почти вплотную. Сарацин взвизгнул, отбросил копьё и попытался достать свой меч, прикрываясь при этом коротким круглым щитом.

«На таком только рыбу жарить», – усмехнулся про себя Жак и в два сильных верхних удара разнес его в мелкую щепу. И без того паникующий сарацин, судя по оружию и одежде, знатный и богатый, запутавшись в ножнах, вжался в седло и зажмурил глаза. «Эх, как сказал бы Робер, такой пленник пропадает», – подумал Жак и обрушил меч прямо на подставленный загривок, перерубая противнику шейные позвонки, которые прикрывало лишь совершенно бесполезное в бою кожаное подобие кольчужной защиты. Джигит испустил протяжный стон, и Жаку почудилось, что враг его раздваивается, – внутренним взором он видел, как душа убитого понеслась к Аллаху, дабы тот определил ей место в мусульманском раю или аду, а обычное зрение показывало тело, окровавленной куклой валяющееся на землю.

Не успел Жак перевести дух, как на него вылетел третий сарацин. На вид он был хлипким и неумелым, но после первого же обмена ударами Жак понял, что имеет дело с очень опасным противником. Жилистый араб, отражая нападение, подставил под удар и умело отдернул щит, сведя на нет всю вложенную в него силу, проскочил за спину и, не давая Жаку ни секунды покоя, стал вертеться вокруг, отвлекая рыцаря ложными выпадами в ожидании, когда франк подставит под удар какую-нибудь незащищенную часть тела. Если бы не умение замедлять свое время в бою, Жак вряд ли вышел бы из этого поединка победителем. Однако боевое искусство братьев-рыцарей Святого Гроба оказалось выше многолетней выучки и боевого опыта сарацина. Жак привычными упражнениями быстро вогнал себя в транс. Противник прямо на глазах превратился из быстрого, как молния, атакующего шершня в осу, что застряла в банке свежего кленового сиропа и, пытаясь выбраться на свободу, еле перебирает лапками в вязкой густой жиже.

Чтобы не тратить времени и сил, Жак, отклонившись от меча, привстал на стремях и, аккуратно подцепив острием пластину доспеха, вогнал лезвие прямо в сердце сарацина. Через рукоятку он ощутил, как жизнь покидает судорожно сотрясающееся тело.

Жак выдернул меч, снова уклонился от вражеского клинка, уже выпадающего из ослабевшей руки, и почувствовал, что силы, необходимые для ускорения времени, у него почти на исходе.

Возвращаясь в мир привычных звуков и движений, Жак придержал коня, чтобы получше оглядеться вокруг. Над ущельем, отражаясь резким коротким эхом от скал, метался сабельный звон. Как и предполагали предводители отряда посланников, чуда не произошло. Три десятка рыцарей, пусть даже самых лучших в Заморье, даже при самом удачном исходе, не могли перебить шесть сотен подготовленных арабов. Сарацины понесли большие потери, но, тем не менее, справились с паникой, смогли выстоять и начали оказывать франкам организованный отпор. И, самое неприятное, ситуацию быстро взял под контроль мусульманский командир.

На небольшом возвышении в стороне от стычки Жак заметил одинокого всадника, который, судя по всему, и возглавлял посланный против них султанский полк. Старый, убеленный сединами араб решительными движениями и командами быстро наводил порядок и проводил перегруппировку. Хаос на поле боя уменьшался прямо на глазах.

Жак обернулся к засаде, где скрывались арбалетчики в надежде, что он сможет привлечь их внимание и указать цель, по которой нужно было вести стрельбу. Однако они слишком удалились от укрытия.

Тем временем энергичные действия командира начали приносить свои плоды. Беспорядочно мечущиеся всадники опомнились, перестали паниковать, сформировали некоторое подобие боевого порядка и начали быстро, но организованно откатываться назад. Несколько рыцарей, среди которых Жак различил Недобитого Скальда и Робера, разметав прикрытие, словно это были не опытные воины, а соломенные чучела на учебном плацу, бросились было в погоню, но их остановил громовой голос приора:

– Все назад!

Увлеченные боем братья стали осаживать коней, возвращаясь назад, под знамя. В этот самый момент до Жака донесся громовой клич «Угrrахх!!!» – это, по команде Сен-Жермена, в бой вступили монголы. Они вынеслись из-за скал и, стреляя на полном скаку из луков, черной толпой налетели на отступающих сарацин. Мусульманскому командиру ничего не оставалось делать, как остановить ретираду и встретить врага лицом к лицу.

Жак возвратился под знамя и занял место в строю. Как обычно бывает после таранной атаки, копья уцелели едва у половины рыцарей.

К Сен-Жермену подлетел на взмыленном Ветре Робер.

– Чормаган отдаёт команду к отходу, – тяжело дыша, выпалил арденнский рыцарь, – он начал терять людей.

– Все верно, – кивнул приор. – Мы так и сговорились, не ввязываться в затяжные стычки. Налетели, ударили и немедленно назад.

Монголы и франки, оставив врага считать убитых и перевязывать раненых, вернулись за осыпь.

– Арбалетчики, держать позиции! – распоряжался приор. – Первому эскадрону – спешиться, отвести коней в нишу и передохнуть, второму – заменить копья в обозе и стать в засаду.

Возвращаясь под защиту скал, Робер и Чормаган скакали бок о бок, что-то горячо обсуждая на ходу. Жак скакал немного позади. После горячки боя он ощущал страшную усталость и единственное чего сейчас желал, так это осушить кувшин терпкого бургундского вина, которое так хорошо утоляло жажду после весенней подрезки лозы в Монтелье. Братья-рыцари соскочили с коней, передав их на попечение оруженосцев. Не успели друзья перевести дух, как к ним спустился один из оруженосцев Сен-Жермена, приглашая подняться на наблюдательную площадку.

Сен-Жермен, Недобитый Скальд и де Барн вернулись обратно немного раньше, остальных. Они стояли у сложенного из камней ограждения, вглядываясь в дальние камни, за которыми укрывались отступившие враги. С появлением Жака и Робера, Сен-Жермен открыл небольшой совет:

– Первый бой мы, похоже, выиграли. Кто может сказать, братья, какие потери у врага и какие – у нас?

– Убитых врагов посчитать непросто, мессир, – пророкотал Недобитый Скальд, недовольно оглядывая зубцы окровавленной булавы и брезгливо отдирая с нее куски расколотого черепа с прилипшими волосами. – Да, честно говоря, и не до того было. Однако по всему выходит, что мы положили десятков семь, не меньше.

– Я успел переговорить с Чормаганом, – добавил Робер. – Наши потери – два рыцаря и пятеро монголов.

– Получается примерно один к десяти, – ухмыльнулся гигант. – Неплохо. А что, если после небольшой передышки попробовать атаковать их еще раз, пока они окончательно не пришли в себя?

Сен-Жермен отрицательно покачал головой:

– Ничего не выйдет. В первый раз мы ударили неожиданно, отсюда и такой сокрушительный успех. А в открытом бою на равных потери будут намного больше. Поэтому теперь мы должны стать в глухую оборону и уповать на то, чтобы патриарх послал нам на выручку сильный отряд из преданных ему крестоносцев.

– В окрестностях Иерусалима сейчас находятся только рыцари-монахи, – стараясь не глядеть на булаву Недобитого Скальда, произнес Жак. – Вы думаете, что это будут тамплиеры, мессир?

– Скорее всего, именно они, – кивнул приор. – Судя по тому, что поведал де Барн, госпитальеры заняты укреплением своей резиденции в Иерусалиме, а тамплиеры, разъяренные тем, что договор с султаном никак не учитывает их интересы, спят и видят, как бы досадить императору. Но если они по каким-то причинам задержатся...

– Считаете, что мы не выстоим, мессир? – вскинулся де Барн, услышав свое имя. – Я рыцарь, мессир, и не мне страшиться умереть в бою. Однако хотелось бы знать, к чему готовиться – к жизни или смерти?

– Вот-вот, – кивнул Недобитый Скальд, похлопывая приведенной в порядок булавой по

своей необъятной ладони. – Одно дело сражаться, ожидая подмоги, совсем другое – продать свою жизнь подороже. Разный, знаете ли, боевой настрой...

– Скорее всего, второе, сир рыцарь, – грустно улыбнулся приор, – разве что сарацины окажутся столь неосмотрительны, что будут постоянно пытаться атаковать нас в лоб и положат половину бойцов под арбалетами...

– Видел я их командира, тот ошибок не допустит, – ухмыльнулся арденнский рыцарь. – Глядя на него, надеяться на подобную глупость, мессир, – все равно что просить у Господа Бога, чтобы он открыл хляби небесные и смысл неверных новым всемирным потопом.

– Не богохульствуй, де Мерлан, мы тут не на пир собрались, – неодобрительно поморщится Сен-Жермен. – Голову даю на отсечение, что вскоре сарацины перегруппируются и попробуют пойти на штурм, чтобы лучше оценить наши силы.

– Эх, положить бы их сегодня еще с полсотни, – вздохнул Робер под одобрительные кивки Скальда и де Барна, – глядишь и появился бы шанс прорваться, пока наемники с тыла не нападут. Тогда нам и тамплиеры не нужны, сами справимся...

Жак нахмурился. В отличие от Робера, полностью поглощенного предстоящим боем, он понимал, что Сен-Жермен, желая обезопасить Толую, не будет идти на прорыв, а напротив, сделает все для того, чтобы отвлечь на себя противника. Призрачная тамплиерская подмога, по его мнению, была лишь лучом надежды, который приор оставил для того, чтобы окруженные воины не пали духом и сражались до конца.

Со стороны врага послышались шум и крики. Все, кто был на площадке, как по команде обернулись к сарацинским позициям. Из-за дальних камней выкатилась пешая толпа. Беспорядочно двигаясь и прикрываясь щитами, мусульмане пошли в атаку.

– Сержанты, поставить заслон! – закричал Сен-Жермен. – Арбалетчики, заряжай. Залп по готовности!

Выполняя приказ, орденские сержанты, сменив кавалерийские щиты на пехотные – тяжелые прямоугольники от земли до подбородка, выстроились в два ряда между осыпями, перегораживая проход.

Сарацины явно боялись обстрела – они двигались короткими перебежками и постоянно оглядывались назад, словно ожидая команды к отступлению. Но страх перед тем, кто послал их на верную смерть, был столь велик, что они, сжимаясь от ужаса, продолжали двигаться в сторону ошестиненной мечами живой стены, словно лягушка в пасть удаву.

Не успели нападавшие проделать и четверть пути, как над осыпью поднялась шеренга воинов в шап-ле-ферах,^[25] и до ушей Жака донеслись частые щелчки. Это арбалетчики, изготовившись к стрельбе под защитой камней, поднимались в полный рост и, выбрав цель, выпускали в сторону сарацин короткие тяжелые стрелы. Атакующие словно только того и ждали. Едва завидев над осыпью первых стрелков, они беспорядочно заметались по ущелью, спасаясь от прицельной стрельбы. И это им удалось – залп из десяти арбалетов смог поразить лишь двоих. Но не успели еще стрелы застучать по каменным стенам ущелья, как всем, кто находился на наблюдательной площадке, стало ясно, что безумная пешая атака была всего лишь отвлекающим маневром, – из-за поворота вынеслась плотная конная лава.

Справа и слева от Жака раздалась громкая ругань – так де Мерлан и Недобитый Скальд, каждый на свой манер, выражали свое отношение к происходящему.

– Обманули, нехристи! – рычал достолавный арденнец. – Ухо даю на отсечение, что этот их командир на осаде христианских крепостей собаку съел. Теперь, пока арбалетчики снова изготовятся к стрельбе...

– Где моя булава? – вторя приятелю, ревел, словно раненый буйвол, рыцарь из Гента. – Сейчас я спущусь вниз, и будем их валить!

– Побереги свои силы для более достойного противника! – остановил его Сен-Жермен. – С этой атакой справятся и сержанты, а до захода солнца еще далеко и, бог знает, какие хитрости еще имеются в арсенале этого аксакала.

Недовольно ворча, Недобитый Скальд возвратил булаву на пояс и продолжил наблюдать за тем, что происходит на поле боя. Рассыпавшиеся по ущелью как горох вражеские пехотинцы теперь во весь дух неслись обратно, под защиту скал и камней, а мусульманские всадники, не дожидаясь, пока арбалетчики вновь приготовятся к бою, на полном скаку пересекли опасное пространство и обрушились на сержантов, защищающих проход. Однако лобовая атака, как и следовало ожидать, не принесла врагу никакого результата. Сержанты, упершись ногами в землю, не дрогнув, встретили коней на щит, так что строй даже не прогнулся. Мечи и дротики мусульман также не причинили вреда: благодаря тяжелым доспехам, франки ощущали вражеские удары и уколы не сильнее, чем комариные укусы.

Но сарацины были опытными воинами. Они быстро сменили тактику. Держась в мертвой зоне, всадники закрутили карусель – метали дротики, целясь в щели между щитами и в незащищенные места, затем отходили назад, освобождая место для следующих.

Пока сержанты отражали атаку, а арбалетчики, вставив в пазы рычаги – козьи ноги, взводили тугие тетивы и вкладывали стрелы в желоба, со стороны сарацинского лагеря появился следующий конный отряд. На этот раз арбалетчики были наготове и встретили всадников прицельным огнем. Несколько сарацин с криками покатились по земле, остальные стали двигаться зигзагами. Жак чуть не присел, снова услышав с обеих сторон громовые богохульства. Повторяя предыдущий маневр, едва арбалетчики сделали залп, через опасное пространство ринулась еще одна конная группа.

– Эдак они подтянут человек сто, и нам придется всем становиться в строй или идти в контратаку, – уgomонив рвущихся в бой рыцарей, произнес Сен-Жермен. – Сейчас я дам приказ арбалетчикам разделиться и стрелять по очереди.

– А толку? – покачал головой де Мерлан. – Одним болтом семерых, как ни старайся, не уложить. Большая часть все равно прорвется. Арбалет – не оружие быстрого боя. – Вдруг по лицу арденнца пробежало озарение. – Есть у меня одна идея. Слушай, Чормаган!..

Робер наклонился вниз, туда, где Чормаган-нойон формировал отряд, собираясь возглавить вылазку. Хмуро глядя на то, что происходит вокруг, он внимательно выслушал де Мерлана, но, как только понял, чего именно хочет рыцарь, лицо монгола сразу же расплылось в улыбке. По команде Чормагана монгольские нукеры достали луки и стрелы и замерли в ожидании приказа. Едва очередной отряд бросился на прорыв, Робер взмахнул рукой, и в воздух взмыла, заслоняя небо, целая туча стрел. Монголы стреляли навесом прямо поверх каменного выступа, ухитряясь сделать подряд, почти без паузы пять или шесть выстрелов. Сарацины, уже находившиеся на полпути до укрытия, угодили под смертоносный град. Обстрел оказался настолько эффективным, что в мертвую зону добрались только двое.

Штурм захлебнулся. Не получив подкрепления и не пробив ряды защитников, сарацины рассыпью, бросая коней из стороны в сторону, словно раненые зайцы, бросились назад. Но теперь арбалетчики смогли продемонстрировать все свое умение, и три сотни шагов, отделяющие отступающих врагов от укрытия, преодолела едва половина. Дно ущелья было усеяно телами и трупами коней. Уцелевшие скакуны, шарахаясь из стороны в сторону и натываясь на убитых и раненых, пытались выбраться на свободное пространство. Мусульмане подзывали их гортанными криками. Вскоре кони вернулись в свой лагерь, и только одна серая в яблоках кобыла, повод которой обмотался вокруг руки убитого хозяина, обреченно ржала и дергалась, стараясь освободиться из ловушки.

– Никому не стрелять! – громыхнул Сен-Жермен. – Старшина арбалетчиков, взмахни над

головой оружием, подай им знак. Пусть без опаски забирают убитых и раненых.

Через некоторое время из укрытия ползком вылезли несколько человек. Прикрываясь щитами, они стали с помощью крюков оттягивать ближайшие к ним тела. Поняв, что их никто не собирается убивать, мусульмане успокоились и засновали между камней, быстро очищая площадку. Сарацины оценили благородство противника. Старый эмир выехал из укрытия, поклонился в сторону сверкающих на солнце шлемов, выражая благодарность, и сделал молитвенный жест, словно умывался воздухом.

– Кого-то мне этот аксакал напоминает, – буркнул Недобитый Скальд. – Слушай, сир де Барн, не иначе как это Салех аль-Гази!

– Старый змей, – кивнул тевтонец. – Этот в набегах на христианские поселения зубы стер и нас живыми не пропустит. С другой стороны, тоже неплохо. Вновь назначенный граф Яффы за его голову уже и награду объявил – триста сарацинских безантов.

– Не порадовал ты меня, приятель, – ухмыльнулся Робер, но ухмылка его на сей раз вышла довольно кислой. – Стало быть, как говорил мой покойный дядюшка Гуго, граф де Ретель, не прорыв нам светит, а от мертвого осла уши. Если вы не против, мессир, – обернулся он к приору, – мы с Жаком отправимся к наблюдателям, что поставлены с тыла. Чует мое сердце – еще до заката и с той стороны тоже гости пожалуют. Составишь нам компанию, Скальд?

– Чуть попозже, если ты не возражаешь, – напуская на себя загадочный вид, ответил гигант. – Тут у меня одна мысль появилась, хочу с мессиром ее обсудить...

Спускаясь к ручью, чтобы утолить жажду, Жак с Робером столкнулись с мастером Григом. Киликиец, вооружившись тяжелым охотничьим ножом, старательно резал приклад своего арбалета.

– Что, решил приклад укоротить? – ехидно поинтересовался Робер.

– Нет, сир рыцарь, – мастер Григ так увлекся своим делом, что не заметил в словах арденнца подвоха, – отмечаю свои успехи. – Он гордо продемонстрировал приклад из вишневого дерева, на котором белело три свежих зарубки.

– Смотри, уважаемый мэтр, к концу дня на прикладе лака не останется, – ухмыльнулся рыцарь, – надеюсь, что хоть одна из зарубок означает сарацина, а не его коня...

Мастер Григ, поняв, наконец, что над ним откровенно подтрунивают, возмущенно вскинулся, чтобы достойно ответить шутнику, но приятели предпочли оставить поле боя и исчезли между скал.

Низко склонившись над небольшим углублением, Жак наполнял свою флягу, в то время как Робер хмуро сотрясал своей походной посудой, сделанной из небольшой тыквы, пытаясь извлечь из нее последние капли вина.

– Эх, зря я так с нашим вольным каменщиком, – вздохнул достославный арденнец, так и не добившись успеха в извлечении из сосуда вина, и обреченно поглядывал на воду. – Если мне не изменяет нюх, у него, похоже, в обозе остался еще бочонок этой шотландской дряни. Пить ее – испытание, сравнимое разве что с Божьим судом, когда подозреваемому вливают в глотку кипящее масло, зато действие от одного глотка посильнее, чем от целого кувшина бургундского...

Не вслушиваясь в жалобы приятеля, Жак поднял глаза вверх.

– Погляди, Робер, небо затягивают грозовые тучи, и парит так, что не продохнуть. Чует мое сердце, ближе к вечеру начнется сильная гроза, – произнес он, оглядывая небо внимательным взглядом земледельца. – Скоро, похоже, воды будет здесь столько, что и фляга не понадобится – подставляй рот да пей...

Забрав убитых и раненых, сарацины, то ли ожидая подкрепления, то ли готовя очередную каверзу, сидели за своими скалами тихо как мыши.

– Неплохо было бы взглянуть, что они там затевают, – произнес Сен-Жермен, спустившись с Недобитым Скальдом в скальную нишу, где рыцари и монголы готовили к бою коней.

– Наши союзники уже предприняли определенные шаги, – обрадованно доложил Робер. – Чормаган сказал, что он отправил наверх Атлана.

– А что, у этого Атлана крылья как у ангела, и он умеет летать? – искренне изумился Недобитый Скальд.

– Нет, – покачал головой арденнец. – Летать он точно не умеет. Но Чормаган сказал, он может двигаться по отвесным стенам.

Робер показал рукой куда-то наверх, и взгляды присутствующих обратились к отвесной стене ущелья. Там, почти на самом верху, распластавшись по стене и перебирая руками, словно паук, спускался вниз монгольский нукер. Вскоре монгол спустился на землю и теперь стоял перед предводителями отряда, обтирая ладони, каждая размером с добрую лопату, об нестиранные от роду шаровары.

– Что они делают? – спросил приор.

– Готовят большие щиты, – перевел Робер. – Оббивают войлоком, обтягивают шкурами убитых коней.

– Хорошо придумали, – мрачно кивнул приор. – Под такими щитами они в пешем строю продвинутся вплотную и навяжут нам ближний бой, в котором не помогут ни кони, ни копья, ни арбалеты. А так как их больше раз в пять...

– Менять караулы! – прерывая приора, разнесся крик рыцаря, отвечавшего за сторожевые посты.

Жак, Робер и мастер Григ, отправленные приором в тыловой дозор, отыскиали в скалах удобное укрытие и, поставив в наблюдатели глазастого Рембо, готовились к походному обеду. Арденнский рыцарь уговорил незлобивого и отходчивого киликийца откупорить последний бочонок огненного припаса, который тот, как зеницу ока, берег на черный день. Убедить вольного каменщика в том, что именно такой день для них и настал, оказалось до смешного легко. Не успели они приложиться к извлеченным из походных выюков по такому случаю кубков, как меж камней появился Недобитый Скальд.

– Празднуете? Ну-ну! – буркнул гентец.

С этими словам он бесцеремонно схватил с аккуратно расстеленной салфетки наполненный до краев кубок и, видимо решив, что там находится вино или пиво, сделал несколько добрых глотков. Жак, ожидая, что шотландский напиток обожжет достойному рыцарю глотку и кишки, зажмурился, даже не пытаясь себе представить, что после этого произойдет. Однако гигант лишь удовлетворенно крикнул и, несколько подозрительно поглядев на друзей, поставил опустошенный бокал на место.

– Слушайте, братья, – заявил он, завершив свой мародерский акт, – с любезного соизволения мессира, я забираю у вас до рассвета слуг и оруженосцев. Есть для них работа.

– Рембо не отдам! – категорично заявил Робер и, хмуро глянув на пустой бокал, кивнул мастеру Григу. Тот ответил не менее хмурым кивком, тяжело вздохнул и наполнил его из дорожной фляги.

– Вот Рембо-то мне в первую очередь и нужен, – безапелляционно ответил гентский рыцарь. – Он будет всю ночь напролет на своей бандуре брэнчать и развлекать мою бригаду.

– Вижу в конце ущелья каких-то солдат! – прерывая спор, самым непосредственным образом касающийся его ближайшего будущего, заорал откуда-то сверху бывший трубадур.

Жак, Робер и Недобитый Скальд, забыв о еде и питье, бросились на скалу. Вслед за ними, предусмотрительно прихватив лежащий рядом арбалет, поспешил и мастер Григ. Меж камней засверкали стальные шлемы.

– Это, наверное, возвращается брат Серпен! – обрадовался Жак. – Вижу рыцарские шлемы.

– С каких это пор Серпен и ушедшие с ним сержанты стали носить на шлемах генуэзские гребни? – ехидно поинтересовался Робер.

– Генуэзцы?.. Отлично! – Недобитый Скальд потеребил висящую на поясе булаву.

– Значит, брат Серпен погиб? – В голосе Жака звучало больше удивления, чем грусти. – Но я чувствую, что он еще здесь, по эту сторону Стены...

– Может, ранили да взяли в плен, – высказал предположение Робер, – хотя, конечно, брат Серпен не из тех, кого можно взять живьем. В общем, – завершил он короткую эпитафию, одновременно разглядывая осторожно приближающихся к укрытию солдат, – так или иначе, а нам нужно готовиться к новой атаке.

– Но почему они не идут колонной, выслав вперед дозор, а, оставив лошадей, пробираются меж камней? – спросил Жак.

– Скорее всего, слышали издали звуки боя, – ответил де Мерлан. – Вот их командир и решил не рисковать и выслал вперед наблюдателей. А вот и он сам, собственной персоной!

Примерно в четырех сотнях шагов от них, видимо считая, что он находится на безопасном расстоянии, появился богато одетый генуэзец. Еще один, потоньше и помоложе, но тоже одетый так, словно он находился не в трансиорданском ущелье, а на ежегодном праздничном приеме в генуэзской ратуше по случаю дня Святого Георгия, приблизился к первому и, вовсю размахивая руками, принялся его в чем-то убеждать.

– Мастер Григ! – спокойно произнес Робер. – Этим Лигурийским торгашам, похоже, пока неведомо, на какую дистанцию стреляют наши арбалеты. Не угодно ли вам, сударь, занять позицию, соответствующую высокому званию старшины гильдии каменщиков, и продолжить свои стрелковые упражнения? К концу нашего великого сидения в Джераше, помнится, вы уже так наловчились, что могли сбить шлем за сотню-полторы шагов.

Киликиец согласно кивнул. Прикрывшись куском запыленной мешковины, который делал его неотличимым от камней, он выбрался на самую верхушку скалы, осторожно взвел свое оружие и прильнул к прикладу.

– Там их двое – сказал Робер. – Похоже, что именно они и командуют. Капитан, скорее всего, тот, что постарше. Цельтесь мэтр, в того, что стоит справа и не размахивает руками. Бог вам в помощь и да не ослабит вашу руку это мерзкое пойло, которое мы с вами уже успели пригубить.

Мастер Григ, наводя прицел, подвигал арбалет вверх-вниз, затаил дыхание и плавно нажал на спусковую скобу...

Капитан генуэзских наемников, Франческо, прибыл на службу к императору Фридриху вместе со своим отрядом из далекого киликийского Тарса. За этот рейд им было обещано воистину царское вознаграждение, поэтому даже упрямые как ослы пизанские конные арбалетчики, приданные им для усиления, не препирались по дороге, а в точности выполняли все его приказания. Слава богу, что один из старых приятелей из императорской свиты за небольшое вознаграждение прояснил ситуацию и рассказал, с кем ему придется иметь дело. Франческо было глубоко наплевать, кого им придется догнать и убить – крестоносцев, церковников, мусульман, язычников или евреев, – было бы за это заплачено. Однако рыцари орденового братства, имевшие славу самых лучших бойцов Заморья, требовали к себе профессионального уважения – он был наслышан о них достаточно, чтобы не ринуться в бой сломя голову. Заслышав еще на подходе к узкому, удобному для засады участку лязг железа и крики, а чаще всего, предсмертные возгласы «Алла!», капитан лишней раз убедился в своей правоте.

Франческо остановил свой отряд в трех полетах стрелы, приказал всем спешиться, чтобы не

маячить над камнями, а сам приблизился к предполагаемой вражеской позиции, чтобы лично провести рекогносцировку. В том, что преследуемые заперты в ущелье с двух сторон, не оставалось сомнений. Теперь торопиться было некуда. Он решил дать непродолжительный отдых своим людям, а на рассвете начать штурм. Неодобрительно поглядывая на черные грозовые тучи, медленно надвигающиеся со стороны побережья, думая что находится на безопасной дистанции, он вышел из-за камней, чтобы продемонстрировать врагу, с кем они будут иметь дело, а заодно и получше рассмотреть будущее поле боя.

В это самое время к нему подбежал юный наглец, из богатеньких, буквально навязанный ему местным консулом перед самым выходом из Тарса, и стал, размахивая руками, словно ветряная мельница, чуть не загонять его, старого и опытного командира, в укрытие. Капитан начал было объяснять мальчишке, что любому члену отряда, пусть даже и выходцу из знатной семьи, нужно знать свое место и раскрывать рот лишь тогда, когда капитан задает ему вопрос, как вдруг ощутил резкую боль в боку. Арбалетная стрела была почти на излете, однако она смогла пробить кольчугу и почти целиком вошла в мускулистое тело. Капитан, и так уже побагровевший от возмущения, на глазах у нескольких десятков наемников стал пунцовым, словно сицилийский померанец, и, тяжело засипев, рухнул на землю, как подкошенный. Он умер через полчаса, не приходя в сознание.

Своим точным выстрелом мастер Григ вызвал искреннее восхищение друзей, но оказал отряду медвежью услугу. После трагической гибели Франческо, после небольшого препирательства со старшиной пизанских конных арбалетчиков, командование отрядом наемников принял молодой Лоренцо – младший сын графа Лучиано, который был военачальником от Бога. Он быстро подчинил себе солдат и расставил их на позиции. Не дожидаясь завтрашнего утра, они открыли навесную стрельбу. Сен-Жермен был вынужден перебросить всех своих стрелков на новый участок, и они, не жалея стрел, устроили такой заградительный огонь, что генуэзцам пришлось отступить. Не успело солнце уйти к невидимому из ущелья горизонту, как приклад любимого арбалета мастера Грига украсили еще четыре зарубки, одна из которых, вдвое длиннее и глубже других, обозначала грешную душу капитана Франческо, уже ожидающую у врат, ключи от которых, как известно всем добрым христианам, доверены Спасителем святому Петру.

С наступлением темноты боевые действия сами собой прекратились. Прицельную стрельбу вести стало нельзя, а генуэзцы не разводили огонь, который мог бы служить ориентиром. Сарацины, соблюдающие все предписания своего учения, отправились творить вечерний намаз и угомонились.

Наступила тревожная ночь. Никто в лагере посланников, вплоть до последнего слуги, теперь не сомневался, что штурм, который решит их судьбу, начнется с рассветом. Густые слоистые облака, с вечера затянувшие небо, не пропускали в ущелье звездный свет. Луна еще не взошла, и в ущелье царил мрак, лишь кое-где отодвинутый светом разведенных костров. Если не брать в расчет усиленные караулы и наблюдателей, напряженно всматривавшихся в сторону вражеских позиций, то казалось что окруженный с двух сторон лагерь живет обычной походной жизнью. Единственным, что напоминало о постоянной готовности к отражению атак, были оседланные кони. Укрытые в самом конце глубокой скальной ниши, они недовольно всхрапывали, требуя вечернюю порцию зерна. Монголы и орденские слуги готовили ужин – от двух очагов, щекоча ноздри смертельно уставших за день рыцарей, шел головокружительный аромат жареного мяса.

Недобитый Скальд, отгородившись коновязью от любопытных взоров, покрикивал на своих помощников и вдохновенно крушил ни в чем не повинные кибитки. Приор, согласившись с тем, что кибитки в любом случае больше не понадобятся, с согласия Чормагана разрешил гиганту

делать с повозками все, что он пожелает.

Стук, доносившийся из глубины скальной ниши, время от времени сливался с далекими раскатами грома. Где-то над морем неистовствовала гроза – по низким облакам гуляли едва различимые отблески молний. На дальнем краю площадки, отделенной от ниши скалой, оруженосцы, вооружившись заступами, долбили каменистую землю, пытаясь вырыть могилу для воинов, погибших в сегодняшнем бою. Свободные от службы франки и монголы в ожидании ужина устраивались на ночлег. Все, от предводителей отряда до самого молодого нукера, которому не исполнилось еще шестнадцати лет, знали, что завтрашний день будет для них последним, но, как и подобает настоящим солдатам, предпочитали встретить смерть сытыми и хорошо отдохнувшими.

Получив от кашевара полкраюхи хлеба и большую плошку жареной баранины на двоих, Жак и Робер, которым выпало дежурить вторую половину ночи, отыскивали глубокую удобную нишу с козырьком, который мог их защитить от дождя, и начали обстоятельно устраиваться на ночлег.

– Ты только погляди! – отхлебывая из фляги выбитую чуть ли не с боем у мастера Грига шотландскую огненную воду и морщась, словно он разжевал ежа, говорил Робер. – Грозовая ночь, а стервятников в скалах – словно чаек вокруг рыбацкой фелуки. Вон, погляди, на карнизах сидят рядками. – Сжимающей флягу рукой он указал на стену ущелья. – Мерзкие твари. Чуют добычу еще тогда, когда та сама не подозревает о собственной судьбе...

Жак, расправившись с сочными ребрышками, растянулся на походном плаще и, глядя на засыпающий лагерь, собирался отправиться в объятия Морфея.

– Сен-Жермен приказал всем рыцарям перед рассветом облачиться в чистое орденское платье, – почти сквозь сон сказал он Роберу. – Мессир желает, чтобы мы встретили свой последний бой с честью. Так же, как и наши предшественники, защищавшие Святой Крест в битве при Хаттине.

– Последний бой, – Робер снова с видимым усилием приложился к фляге, – знали бы мы с тобой о том, что все закончится именно так, когда встретились первый раз в трюме марсельского нефа...

– Даже если бы знали, сир Робер, это что-то изменило бы?

– Пожалуй что, ничего, – ты прав, приятель. Положа руку на сердце, с тех самых пор, как нас с тобой перепутал этот смешной моряк... – как его звали? Кажется, Понше... – у меня такое ощущение, будто меня ведут на поводу, словно безропотного мула. Знать бы только, как именно выглядит этот неведомый поводырь. Может, у него крылья за спиной и золотой нимб, а может, – рожки копыта и хвост...

– Знаешь, друг, мне и самому все чаще приходит в голову подобный вопрос, – Жак присел на своем ложе. Сон у него прошел. – После того как мы с тобой погрузились на этот злосчастный неф, все, что со мной происходило до этого, словно осталось в иной жизни. Я, сын повешенного виллана, лишенный всего – земли, дома, семьи, – теперь пилигрим, крестоносец, рыцарь, да к тому же не простой, а принадлежащий к одному из самых прославленных орденов. Правда, нет у меня ни титулов, ни владений. Да, наверное, никогда уже и не будет.

– Честно скажу тебе, Жак, – Робер, в порыве дружеских чувств, протянул боевому товарищу наполовину опустошенную флягу, – да останься ты хоть трижды простым паломником-вилланом, ты бы все равно стал моим другом. И я вогнал бы в глотку свой меч любому, кто попробовал хотя бы поглядеть на тебя свысока... В то утро, когда храмовники ввалились ко мне в донжон, чтобы отобрать последние родовые владения, я понял, что все эти «де» и «дю» не делают сердце благороднее и не меняют цвет крови.

– Не скажи, сир! Золотые шпоры, и пояс с мечом, и белый орденский плащ, как ни крути, а

меняют любого человека. Это я чувствую по себе.

– Все это чепуха, друг! – Коварный напиток мастера Грига сделал свое дело, и теперь глаза Робера горели хорошо знакомым Жаку лихорадочным огнем. – Я тебе сейчас кое-что расскажу. С того самого дня, когда этот Фридрих соизволил прибыть в Акру, у нас так и не было времени для разговора. То скакали в Багдад, то обратно, то твоя рана и болезнь. Я все откладывал и откладывал на потом. Но сегодня... Если бы не знал, что не доживу до завтрашнего вечера, ни за что бы не признался в том, что ты услышишь.

– Ты доживешь до завтрашнего вечера, – ответил Жак. В его усталом голосе сквозила спокойная и какая-то ледяная уверенность, словно он повторял чужие, нашептанные в ухо слова. – И до послезавтрашнего. И вообще, доживешь до старости и умрешь своей смертью.

– Чувствуешь? – Робер на время забыл о своих откровениях, вскинул голову и внимательно поглядел на боевого товарища.

– Знаю, – все так же спокойно ответил Жак.

– Не смейся, приятель, – де Мерлан пришел в себя и отхлебнул из фляги еще раз. Теперь, для того чтобы извлечь из нее напиток, ему приходилось запрокидывать голову. – Если мне удастся выжить в этой заварушке, клянусь Иисусом Христом и святыми угодниками, что я навсегда оставлю рыцарскую службу и уйду в отшельники.

Нелепость подобного обета была столь очевидна, что достоправный арденнский рыцарь не сдержался и рассмеялся во весь голос. Его смех заметался по ущелью, усилился, многократно отражаясь от скал, словно зажил собственной жизнью, и, после того как рыцарь замолчал, еще долго носился по горам.

Кашевары сняли с перекладки котел, и пламя костра, поднявши сноп искр, взметнулась вверх, ярко освещая скальную нишу. По лицу Жака заплескали отблески языков огня. Робер вскочил, подошел к коням, порылся в седельной суме и вскоре возвратился к Жаку, сжимая в руках два пергаментных свитка, с которых свисали на кожаных шнурах большие патриаршие печати красного сургуча.

– Это я еще давно обустроил, – пояснил он оторопевшему Жаку. – Ты у нас грамотей, так что читай.

– Что это? – удивленно спросил Жак, разворачивая первый свиток.

– Завещание, – нахмутив брови и встопорщив усы, ответил тот.

– Но мы же вроде давали клятву уступить все держания Святому Гробу?

– Шиш с оливковым маслом, как тамплиерам, так и святошам из акрского капитула, – рявкнул в ответ арденнец. – Читай и забирай бумаги себе. Если выживешь – пригодятся. Я сговорился с одним из писцов, он мне завещание накропал, я его в куче бумаг на подпись патриарху и подsunул. А патриарх, он ведь еще и папский легат. Так что считай, что эта хартия утверждена Святым престолом.

– Сеньория де Мерлан, – читал тем временем вслух оторопевший Жак, – и два рыцарских фьефа вместе с селением Вази, что находятся в греческой земле Морее, в мегаскирстве ^[26] Афинском, по смерти моей или пропаже без вести переходят в наследственное владение Жаку из Монтелье, брату-рыцарю ордена Святого Гроба...

– Возьми их обратно, Робер, – Жак протянул Роберу вновь скрученные свитки. – Я же тебе сказал, что ты не погибнешь...

– Тоже мне, великий предсказатель, – хмыкнул Робер. – Ну не верю я тебе на сей раз, хоть убей. К тому же, если так уверен в том, что я не погибну, тем более храни завещание у себя.

Жак с неохотой засунул пергаменты в поясной кошель и туго затянул шнурок.

– Об одном тебя прошу, – голос Робера дрогнул, – жив будешь – сделай так, чтобы Хафиза моя, та, что в Тире, не нуждалась ни в чем всю свою жизнь.

– Да успокойся, брат-рыцарь, – Жак искренне не верил в гибель Робера и отговаривался только для того, чтобы не расстраивать его перед боем. – Все будет как ты сказал. Хотел бы и я тебе что-нибудь завещать, да только нечего, мои виноградники давно уже граф Колиньи-ле-Неф отобрал.

Робер возмущенно взмахнул рукой:

– Не болтай чепухи. Уж кто-кто, а ты-то ни за что не погибнешь. Не для того тебя с того света обратно вернули. Лучше расскажи мне, – в голосе рыцаря появились просительные нотки. – Есть там что-то или нет? Райские кущи, геенна огненная...

– Да не знаю я ничего, – нахмурился Жак. – Может, мне все просто в бреду привиделось. Это простая каменная стена, вроде тех, которыми в Провансе пастбища огораживают. А за ней – полумрак, выжженная степь и туман... Давай-ка лучше отдыхать, брат-рыцарь. Рассвет не за горами, а завтра нам предстоит нелегкий день.

Жак опустил на походное ложе, закрыл глаза и, чувствуя, как на него наваливается усталость, провалился в сон. Откуда-то издали ему слышался громкий храп арденнца и стук молотков по дереву, но чудится это или происходит на самом деле, он разобрать не мог...

Вынырнув из сна, словно из глубокого омута, Жак раскрыл глаза и увидел, что наглухо затянутое грозowymi облаками небо начало светлеть. На Трансиорданию опустилось призрачное, недоброе утро. На этот раз привычная розовая полоска рассвета так и не поднялась над дальними вершинами, и наглухо укутанное тучами черно-косматое небо с восходом невидимого солнца просто сменило свой ночной цвет на бледно-серый. По низинам, скрадывая звуки, стелился белый, молочный туман. Лагерь медленно пробуждался, и в ущелье стояла глухая зловещая тишина, которую изредка нарушали вскрики нетерпеливых стервятников. Птицы, число которых на скальных карнизах к рассвету чуть не удвоилось, словно побуждали осажденных и осаждающих к тому, чтобы те и другие скорее начинали сражение, да не щадили друг друга в бою и оставили знатное угощение, вкуснее которого нет ничего на свете.

Жак встал, умылся, не чувствуя вкуса, проглотил оставшееся с вечера мясо и отправился к коновязи. Там он обнаружил и Робера. Двужильный арденнец, похоже, не нуждался в ночном отдыхе. Он уже успел устроить разгон слугам и оруженосцам за недостаточную, по его мнению, заботу о животных и теперь, уже полностью облаченный для предстоящего боя, стоял в снежно-белом сюрко и с ладоней кормил Ветра ячменным зерном. Рыцарь, то и дело привставая на носки, что-то нашептывал на ухо своему любимцу, тот хрустел зерном и тыкался носом ему в плечо. Неподалеку от них, ожидая хозяина, возмущенно всхрапывал Лаврентиус-Павел.

Убедившись, что его конь накормлен, напоен, оседлан и готов к сражению, Жак, вместе с остальными рыцарями, воткнул в землю меч и, опустившись на колени, трижды прочитал «Отче наш...». Губы его шептали привычные слова, а мысли в это время были далеко. Едва они завершили молитву, со стороны мусульманского лагеря послышались многочисленные крики «Алла!». Сарацины, завершив утренний намаз, готовились к штурму.

– Кажется, началось, – взвешивая на ладони меч и прилаживая к плечу щит, спокойно произнес Робер. – Ну вот, теперь, брат Жак, и поглядим, кто из нас двоих настоящий пророк.

Рыцари в седлах, с копьями на седельных крюках выстроились на выходе из скальной ниши в готовности к контратаке. Монголы с изготовленными к стрельбе луками били пятками коней, удерживая их на месте. Орденские арбалетчики затаились на гребне осыпи, а пешие сержанты выстроились в проходе.

По команде Сен-Жермена, защитники выехали из скальной ниши и построились перед проходом, образуя вторую линию обороны.

– Дева Мария, двенадцать апостолов и святой Георгий! – только и успел произнести восхищенный Робер. – Так вот, значит, что удумал наш гентский мальш.

Разобранные кибитки стараниями гиганта и его недобровольных помощников за ночь были превращены в двуколки, которые вместо короба для поклажи теперь имели вертикальный деревянный щит. Сзади у двуколок были закреплены оглобли, которые упирались в землю и не давали им откатываться назад. Впереди из щитов торчали острия мечей, наконечники копий. Ряд двуколок, установленных поперек прохода, полностью загораживал его, превращая в непреодолимую преграду.

– Рибодекины! – в ответ на вопросительный кивок Жака хмыкнул Робер. – Фламандцы используют их для защиты от фланговых кавалерийских ударов. Лошадь с тяжелым рыцарем не перепрыгнет, напорется на острия. Перевозить их – легче легкого, и пехоте за укрытием воевать не в пример сподручнее...

Пояснения арденнца утонули в ржании, грохоте и звоне оружейной стали. Готовясь к штурму, сарацины учли все вчерашние ошибки и мчались вперед плотной толпой, прикрывая головы своими круглыми щитами. Заградительная стрельба не смогла нанести конной массе значительный урон – потеряв человек пять или шесть, нападавшие благополучно миновали половину пути и, подбадривая себя и своих коней боевыми кличами, ринулась вперед, грозя смести защитников прохода, пробить оборону и ворваться в глубину позиций. И вдруг, к ужасу атакующих, шеренга пехотинцев, защищавшая проход, раздалась, откатилась назад, и перед глазами оторопевших сарацин появилась ошестиненная железом стена, на которую с ходу налетели первые ряды.

Первый, самый опасный массированный удар был отражен без потерь. Мусульманские всадники, поняв, что пред ними непреодолимое для лошадей препятствие, по сарацинской привычке собрались было отступить, но командир штурмового отряда оказался на высоте. Понимая, что каждый маневр через простреливаемое пространство будет приводить к невосполнимым потерям, он заставил всадников спешиться, вооружиться дротиками и повел их на штурм. Заграждение из рибодекинов представляло серьезное препятствие и для пехоты, но здесь сказалось численное преимущество. Сержанты, вооруженные лишь мечами, теперь не могли достать до нападавших. Те в свою очередь, пользуясь малейшей оплошностью, поражали их дротиками и пытались растащить заграждение. Вдобавок к этому, из укрытия вывалилась вторая половина отряда во главе с самим Салехом, который решил, во что бы то ни стало, покончить с упорными франками еще до третьего намаза и бросил на прорыв все свои силы. Конники, подлетев к заграждению, метали дротики поверх голов пехотинцев, поэтому сержантам, которые вынуждены были одновременно защищаться от копий и лезущих через щиты сарацин, пришлось несладко.

– Освободить проход! – прогремела команда Сен-Жермена. – Сержанты – в укрытие! Рыцари – к бою! Монголы – в резерв!

Сержанты, схватив рибодекины за оглобли, споро откатали их в стороны. В освободившийся проход, опуская на ходу копья и смыкая строй, понеслись конные рыцари. Завидев ошестиненную шеренгу, Салех не рискнул испытывать судьбу и дал команду к отступлению. Сарацины, не заставляя просить себя дважды, дружно вскочили на коней и ринулись наутек. Сен-Жермен, имея опыт полевых сражений с мусульманами, опасаясь засады, немедленно отозвал рыцарей назад в укрытие. Довершили дело монголы. Спешившись и поднявшись на скалы, они вместе с арбалетчиками начали обстреливать из луков незащищенные спины врагов. Рыцари вернулись обратно в укрытие, и сразу же после этого сержанты восстановили заграждение.

А в воздухе уже явственно пахло сыростью. Сверху с большими промежутками начали, предвещая ливень, падать теплые тяжелые капли. Жак поймал одну из них на ладонь и очень внимательно поглядел на небо.

– Хотелось бы мне знать, что происходит здесь во время зимних дождей? – спросил он, не обращаясь ни к кому конкретно.

– И гадать не нужно, – отозвался только что спустившийся со стрелковой позиции мастер Григ, – погляди, какие промоины снизу на стенах. Клянусь своим первым мастерком, что здесь со дня сотворения Господом тверди земной уже тысячи раз проносились потоки воды.

– Значит, если начнется дождь и будет идти день или два... – начал рассуждать вслух Жак...

– ...то нашим противникам придется несладко, – завершил его мысль внимательно прислушивавшийся к разговору Робер. – И тот и другой лагерь окажутся на пути у потока. А вот у нас будет шанс отсидеться в своем укрытии – скальная ниша поднимается вверх почти на высоту конской холки.

– Значит, Господь, несмотря ни на что, все же предоставляет нам шанс, – вздохнул Жак.

– Погоди, приятель, – невесело усмехнулся Робер. – Слышишь, зовут занимать оборону на тыловой позиции? Чует мое сердце, что теперь о наших шансах придется беседовать с генуэзцами.

Сколоченных за ночь рибодекинов хватило и на то, чтобы перекрыть дорогу, по которой посланники прибыли в ущелье. Сюда, к склону, который венчало несколько черных, изборожденных трещинами скал, сменив не спавший ночью заградительный отряд, по приказу Сен-Жермена пришли пятнадцать рыцарей, половина наличествующих в отряде арбалетчиков и четыре десятка монголов. В последний момент к ним присоединился и мастер Григ.

– Молите Бога, чтобы старый шакал Салех, заслышав шум боя, снова не пошел в атаку, – отдавая последние напутствия Роберу, назначенному командиром отряда, говорил приор. – Если и те и другие навалятся одновременно с двух сторон, мы вряд ли сдюжим.

С тревогой прислушиваясь к звукам, доносящимся со стороны генуэзского лагеря, где шли последние приготовления к бою, Робер, организовал быстрый смотр подчиненного ему отряда и распределил все наличные силы.

– Значит, так, – сказал он, уважительно глядя на арбалетчиков, рядом с которыми стоял, поглаживая приклад, киликиец. – Вас всего шестеро? Вон там, в скалах, отличное место для позиции. Распределитесь на дистанции не меньше трех-четырех локтей друг от друга, шапы свои пылью присыпьте, чтобы не блестели, и стреляйте прицельно, с умом. Не обращайтесь на мечников и всадников, бейте только по стрелкам. Там, если верить де Барну, с ними отряд пизанцев, а эти стрел на ветер не бросают. Если мы не заставим их лежать, уткнувшись носами в землю, то они перещелкают нас, как утят в мерланском пруду. Жак! Возьми пару сержантов и десяток нукеров. Займете оборону у подножия скалы, на вершине скоса, да будьте начеку. Как только их командир догадается о том, что мы охотимся на стрелков, он обязательно направит на вашу позицию штурмовой отряд. Поддерживать мы вас не сможем, у самих работы будет невпроворот. Наемников из Генуи, хоть пеших, хоть конных, на голый рибодекин не возьмешь, тут придется поработать мечами на совесть. Так что постарайтесь справиться самостоятельно. Ну, слава богу, вот и гости пожаловали, а то я опасался, что придется долго ждать.

Арденнский рыцарь завершил свою речь и опустил на лицо полумаску, из-под которой немедленно высунулись рыжие усы. Жак посмотрел в ту сторону, куда Робер указывал пальцем, и сердце его заледенело от ужаса. Ему показалось, что на них надвигаются ожившие надгробные статуи Лионского собора, которых он так боялся в детстве, когда они с отцом приходили на мессу. Наемники, числом не менее ста человек, в черных сюрко и вороненых шлемах с высокими железными гребнями, по колено в тумане, медленно приближались разомкнутым пешим строем. Вслед за ними ровняли ряды всадники, в руках которых просматривались

контуры арбалетов. Самым ужасным было то, что двигались они совершенно неслышно.

– Ну что же, пойдем мы со стрелками пизанцев спешивать, – мастер Григ забросил на плечо свое оружие и затрусил вверх по склону, туда, где, в точности выполняя распоряжение арденнского рыцаря, старательно замазывали глиной свои мокрые от росы шап-ле-феры арбалетчики.

Заняв позицию под прикрытием острых, словно зубы дракона, камней, Жак продолжал наблюдать, как генуэзцы, все так же безмолвно, приближались к линии обороны. Монголы и франки, спрятавшись за своим укреплением, не желая раньше времени продемонстрировать врагу свою малочисленность, тоже не подавали признаков жизни.

Вдруг откуда-то сверху раздалось ставшее уже привычным жужжание, и в сторону гарцующих всадников понеслись железные стрелы. Обстрел застал пизанцев врасплох, поэтому обещанное Григом спешивание прошло вполне успешно. Четверо, получив по смертельному удару, кто в голову, кто в грудь, сразу рухнули на землю, а остальные, не дожидаясь, пока засевшие наверху стрелки перезарядят арбалеты и повторят свое приглашение, посыпались вниз не многим медленнее, чем убитые.

Сразу же после этого в рядах наступавших мечников прошло перестроение. Идущий в пешем строю генуэзский командир быстро оценил обстановку и, как и предполагал Робер, отдал распоряжение, содержание которого не оставляло ни малейших сомнений. Рубящими движениями ладони, «от сих до сих», он выделил часть строя, ткнул пальцем, назначая старшего, и указал рукой в сторону скалы, где укрылись орденские арбалетчики. Беспрекословно подчиняясь приказу, два десятка мечников отделились от строя и, ускоряя шаг, бросились вверх по склону.

Краем глаза Жак отмечал, как генуэзцы, словно перестоявшееся тесто, что медленно и упорно лезет из горшка, наползли на линию обороны и начали, отбивая удары защитников, раздвигать рибодекины. Но вскоре ему стало не до того. Наблюдая за приближающейся шеренгой и впервые не ощущая рядом плеча Робера, он по-настоящему испугался. Однако взял себя в руки, отбросил страх и, заставив выстроиться сержантов и монголов, занял позицию в середине строя и бросился навстречу наемникам. Вблизи, насквозь промокшие, разгоряченные бегом, с паром, вырывающимся из-под полумасок – их изрядно вымотал подъем по длинному пологому склону, – генуэзцы уже не напоминали надгробия и не вызвали сверхъестественного ужаса. Теперь это были просто враги, состоящие из плоти, которая могла быть разрублена мечом, и крови, которая при этом непременно бы полилась из ран.

Жак еще раз оглядел свой отряд, принял боевую стойку и, подняв меч в среднюю позицию, сделал два пружинящих шага навстречу первому врагу. Генуэзец – длинный как жердь, с полуторным мечом-бастардом, сверкая глазами в прорезях полумаски, грамотно оценил обстановку и, сделав хороший – не слишком широкий; но в то же время и не слишком маленький замах, попытался нанести прямой рубящий удар в не защищенный щитом бок. Жак легко отклонился назад и, уходя от свистящего в дюйме от тела лезвия, обрушил свой, меч сверху вниз, стараясь попасть в просвет между кольчужным рукавом и пластинами перчатки. Прием, которому еще в Акре месяцами обучал их Сен-Жермен, доводя неофитов до полного изнеможения, сработал отлично. Меч генуэзца, а вместе с ним и крепко сжимающая рукоятку кисть упали на землю и покатались вниз по склону, а их бывший хозяин замер, наблюдая за тем, как из обрубка толчками фонтанирует кровь. Довершив дело милосердным колющим ударом снизу вверх, в подбородок, Жак не стал наблюдать за тем, как тело врага медленно заваливается назад. На каждого из них приходилось по два-три противника, поэтому наслаждаться плодами своего воинского искусства было пока рановато.

Жак сделал два коротких поворота головы вправо и влево. Бой рассыпался вдоль всего

подножия скалы. Справа, где были монголы, сражение перешло в кулачную потасовку – там шевелилась каша из переплетенных размахивающих руками и дико орущих тел. Слева, там, где стояли сержанты, дела обстояли намного хуже. Их прижали к скале, и на каждого приходилось не меньше пятерых генуэзцев. Оценив, кто из товарищей прежде всего нуждается в его помощи, Жак приготовился к отражению следующей атаки. Теперь на него надвигалось сразу двое. Эти мечники оценили и его мастерский уход от удара, и то, как он в два замаха отправил на тот свет сильного противника, и решили не рисковать. Не приближаясь на дистанцию поражения, для начала они взяли его в клещи и заставили отступать. Сделав несколько шагов назад, Жак уперся в один из «драконьих зубов». Теперь, когда его спину надежно защищал торчащий из земли камень, он почувствовал себя в относительной безопасности и остановился, быстро переводя взгляд с одного противника на другого, чтобы не прозевать миг, когда первый из них попытается нанести удар.

Как и следовало ожидать, эти двое попробовали пробить его защиту отвлекающим маневром. Левый, со стороны щита, с диким криком ринулся вперед, а правый принял боевую стойку и ждал, когда Жак отвлечется и, совершив ошибку, откроется, дав возможность нанести удар. Но и такой прием был ему хорошо известен – итальяскую школу боя на мечах братья-рыцари ордена изучали досконально. Приняв меч первого на щит, так чтобы клинок скользнул по поверхности и заставил атакующего потерять равновесие, Жак, без видимого перехода от защиты к нападению, сделал ложный прямой выпад в сторону правого, заставив того уйти в глухую защиту. Удар был нанесен в выверенной верхне-средней позиции, так что генуэзцу пришлось поднять край щита чуть выше уровня глаз. Пропав из поля зрения противника, Жак сделал нырок вперед и вправо, и, неожиданно оказавшись вплотную к противнику, изо всей силы вонзил ему меч прямо в бок. Не рассчитанные на мощный колющий удар, кольца изрядно поношенного доспеха, как того и следовало ожидать, лопнули, раздались, и остро отточенный клинок, войдя точно под нижнее ребро, глубоко погрузился в тело не успевшего опомниться врага.

Между тем начавшийся с рассветом дождь незаметно усилился, так что теперь на сражающихся падали уже не редкие отдельные капли. Обернувшись к оставшемуся противнику, Жак облегченно вздохнул. Глинистая земля под ногами раскисла и стала скользкой, словно укрытая льдом гладь пруда в Монтелье, так что потерявший равновесие генуэзец поскользнулся и упал на землю. К тому времени, когда Жак, вытянув меч из пробитого бока, перепрыгнул через поверженного врага, генуэзец едва успел подняться на ноги и выпрямиться. Не успевший встать в защитную стойку противник был для Жака целью не более сложной, чем учебный манекен. Нанеся два простых, но эффективных и, главное, отработанных до автоматизма удара, Жак, совершенно не интересуясь результатом, ринулся на подмогу братьям.

Во всем, что касалось пешего боя, сержанты ордена проходили подготовку наравне с рыцарями, и противнику пришлось несладко. Однако многократное численное превосходство не могло не сказаться на результате столкновения – рядом с тремя черными телами поверженных генуэзцев на черной от воды земле белел плащ убитого сержанта. Отвлекая на себя внимание, Жак заорал что было мочи и обрушил меч на незащищенные спины врагов. Оказавшись меж двумя опытными бойцами, генуэзцы не растерялись и, став спина к спине, в мгновение ока организовали круговую оборону. Пока Жак примеривался, как бы пробить стену из щитов и мечей, у него за спиной раздался громоподобный крик «Валить ублюдков!» и на врагов обрушилась знаменитая булава Недобитого Скальда.

Для тяжелого чугунного шара размером с голову с торчащими из него острыми шипами, надетого на пятифуттовую рукоятку, которую сжимала огромная рука, генуэзские доспехи не представляли серьезной преграды. Вскоре чудом уцелевшие в боине наемники, побросав

разбитые в щепы щиты, что есть духу мчались вниз по склону, то и дело поскользываясь на мокрой глине и со стонами хватаясь за мятые шлемы со сбитыми, искореженными гребнями.

Четыре монгола, которым досталось шесть противников, к радости Жака, оказались целы и невредимы. Пока уцелевшие в схватке после появления Недобитого Скальда не бросились наутек, они смогли отправить на тот свет двоих.

В скоротечном, но изнурительном бою Жак почти лишился сил. Опираясь обеими руками на меч, он тяжело пустился на мокрые камни. Тем временем гроза медленно, но неуклонно надвигалась на позицию, и небо теперь закрывали черно-синие тучи. Гром грохотал совсем рядом. Немного переведя дух, Жак поглядел вниз и убедился, что защитники прохода тоже выстояли и заставили противника отступить. Он привстал и помахал им рукой. Один из рыцарей подал ему ответный знак. Жак вздохнул с облегчением – эта коренастая фигура и короткопалая пятерня могли принадлежать только одному из братьев...

Воспользовавшись затишьем, Жак поднялся на гребень скалы, чтобы поглядеть, как обстоят дела у стрелков. Первым, кого он там увидел, был мастер Григ. Уважаемый мэтр, присев на корточки и сосредоточенно сопя, словно мальчишка, вырезающий дудочку, вдохновенно терзал ножом ложе своего любимого арбалета.

– Как у вас дела? – спросил Жак, отвлекая киликийца от важного дела. – Велики потери?

– У нас подстрелили только одного арбалетчика, – закончив работу и вкладывая нож в чехол, ответил тот. – Пизанцы потеряли не меньше двух десятков бойцов. Вначале они вели стрельбу не укрываясь, затем сообразили, что мы их щелкаем, как гусей, и начали выбирать позиции получше. Но мы были терпеливы: прятались, маскировались, переходили с места на место и били только наверняка, так что братья, защищающие проход, все это время могли не опасаться обстрела. Теперь пизанцы боятся и нос высунуть, а наши стрелки, сменяя друг друга, чтобы не уставали глаза, сидят наготове. Мы охотимся за самыми опытными воинами и особо – за их капитаном. Однако тот еще ни разу не дал возможности не то что выстрелить – даже прицелиться.

– Брат Жак! – раздался вдруг снизу, из-под скалы, голос одного из сержантов. – Прибыл гонец от мессира. Сарацины всеми силами ударили с той стороны, и Сен-Жермен приказывает отходить назад, в скальную нишу. Брат Робер ожидает нас всех немедленно внизу.

Когда Жак, мастер Григ и Недобитый Скальд спустились к проходу, защитники уже разобрали подвижную стену и перевели рибодекины в походное положение.

– Салех услышал с нашей стороны шум боя и немедленно пошел в атаку, – отирая пот наголою с водой с нахмуренного лба, проговорил арденнский рыцарь. – Сен-Жермен отправил к нам де Барна, чтобы он все толково объяснил. – Де Мерлан кивнул в сторону яффского рыцаря. – Атаку они там, конечно, отбили, но потери... Лучше и не говорить. С теми силами, что остались в распоряжении Сен-Жермена, еще одного штурма им не сдержать. Так что будем уходить в углубление, под защиту скал. Глядишь, до вечера и продержимся... Вот же нечистая сила! – перебивая сам себя, заревел де Мерлан. – Они решили снова идти в атаку!

Отчаявшись взломать хорошо организованную оборону и потеряв половину арбалетчиков, Лучано, едва завидев, что враг собирается отступать и разбирает заслон, решился на кавалерийский удар. Подняв на конь всех своих солдат, а их, из трехсот двадцати человек, осталось чуть больше двух сотен, он погнал их вперед, рассчитывая ударить в тыл беззащитной колонне.

– Жак и Скальд, на правый фланг! Стрелки – в укрытие! Остальные за мной! – дико кричал Робер.

Жак, выполняя приказ, кинулся вслед за гентским рыцарем.

– Ты, приятель, прикрывай меня со спины, – фыркая, словно морж, поучал его на бегу

гигант. – Да гляди в оба и вертись, как белка в колесе. Не ровен час, сам угодишь под мою булаву.

Доспех генуэзцев был намного тяжелее сарацинского, однако мощные монгольские луки, с костяными накладками на рогах, на ближней дистанции справились и с этой задачей. Прямой залп оказался столь эффективным, что атака едва не захлебнулась. Генуэзцы сразу же потеряли монолитность строя и, разделившись на несколько отрядов, кинулись на защитников. Скальд размахнулся своим оружием и пошел вперед. В точности следуя совету гиганта, Жак вертел во все стороны головой, следя за тем, чтобы их не атаковали с тыла. Однако храбрость генуэзских наемников не превышала их благоразумия. После того как первый из нападавших, с ребрами, вдавленными могучим ударом булавы, вылетел из седла и, описав широкую дугу, бездыханно рухнул на камни, они придержали коней и приготовились к таранной атаке.

– Хотят меня маневра лишить, – прорычал из-под шлема гентец. – Прижмут конями с двух сторон – мне не размахнуться.

Он решительным движением стянул с запястья кожаную петлю, отбросил подальше булаву, склонился над ближайшим рибодекином и взялся за оглобли. Затем он крикнул, поднял его на уровень груди и, держа прямо перед собой, словно это была не тяжелая деревянная конструкция, а какой-нибудь арбалет или копье, ринулся навстречу врагам. Не ожидавшие ничего подобного всадники не успели остановиться и с ходу налетели на гентца. Закрепленные на щите острия, пробивая кольчужные хаурты, ранили одновременно двух коней. Храпя от боли и страха, животные взвились на дыбы и, сбрасывая седоков, отпрыгнули в разные стороны. Оказавшись посреди отряда, Скальд начал действовать столь решительно, что вскоре ни у кого из уцелевших участников стычки не осталось ни малейших сомнений, кто оказался в ней победителем.

– Добивай спешенных, а я сейчас! – крикнул, обернувшись в сторону Жака, гигант и скачками, размахивая перед собой рибодекином, бросился в гущу схватки, разгоревшейся вокруг отряда, который возглавлял Робер.

Вдруг со стороны генуэзского лагеря раздался резкий звук боевого рожка. Заслышав знакомую мелодию, наемники, все как один, вышли из боя и, подбирая на скаку раненых и тех, кто остался без коней, поскакали назад.

– Они сыграли общий отбой, – взобравшись на ближайший камень, де Мерлан пытался разглядеть, что происходит у противника. – Я слышу там крики и шум сражения. Похоже, что к нам прорывается подмога!

– Хотелось бы мне, конечно, чтобы это были посланные патриархом тамплиеры, – покачал головой Недобитый Скальд. – Но какого ифрита они идут со стороны Аммана?..

– Кто бы они ни были, нам нужно их поддержать! – воскликнул де Барн.

– Само собой, – кивнул головой Робер. – Однако я, не зная обстановки, не могу рисковать всем отрядом. Вот что, тевтонец, ты вызвался – тебе и исполнять. Быстро бери два десятка монголов и скачи с ними на звук. А мы пока будем продолжать отход.

Вскоре де Барн и монгольские всадники скрылись среди скал. Жак вместе с остальными волочил по раскисшей земле рибодекин и с тревогой вслушивался в шум боя, который уже полностью перекрывался гремящим почти над самой головой громом. Ему очень хотелось верить, что к ним подошла долгожданная подмога, но сердце его подсказывало, что в их сторону движется нечто совсем иное.

– Они возвращаются! – раздался из арьергарда голос наблюдателя.

Побросав оглобли и, на всякий случай, вытащив из ножен мечи, франки и монголы с тревогой всматривались в стену дождя, из которого стали появляться размытые очертания. К отступающему отряду приближались три хорошо знакомые кибитки, окруженные плотным строем монгольских и франкских всадников. Колонну возглавлял де Барн, а вслед за ним

скакали...

– Архангел Гавриил и святые угодники! – очумело произнес Робер.

– Будь я проклят, если это не ваш монгольский хан Толуй, а вместе с ним и брат Серпен! – громыхнул прямо над ухом у Жака голос Недобитого Скальда.

Глядя на монгольских нукеров, которые, едва узнав в осунувшемся мокром всаднике своего царевича, все как один повалились на колени и стали отбивать поклоны, Жак широко раскрыл глаза и тихо охнул, не в силах сдержать изумление.

Вскоре вновь прибывшие поравнялись с отрядом Робера.

– Целы? – озабоченно спросил де Мерлан, в глазах которого светилась неподдельная радость. – Вот и славно! Все остальное потом, когда окажемся в безопасности. Сейчас давайте отходить, пока они не опомнились. Скажите лишь одно: как скоро они пустятся в погоню?

– Время у нас есть, – улыбаясь чуть не до ушей и поводя широкими плечами, ответил Серпен. – Мы вышли им в тыл в самый разгар сражения и решили ударить с ходу. Как только первые всадники появились перед палатками, я закричал во весь голос: «За барона Ибелина и Бейрут!», «Босеан!»,^[27] «Первая баталия^[28] вперед, вторая третья и четвертая – обходи с флангов!» Не успели они отозвать штурмовой отряд и ввязаться в бой, как появился де Барн с монголами. Бедные наемники решили, что против них выступила вся армия Иерусалимского королевства, отступили и укрылись среди скал, дав нам возможность проскочить через их лагерь. Теперь, пока поймут в чем дело, пройдет немало времени.

Жак не отрывал взгляда от второй кибитки. Она словно излучала какой-то невидимый свет, и именно этот свет, как ему стало теперь понятно, притягивал к себе грозу. Словно в подтверждение его мыслям и чувствам, очередная молния ударила в стену ущелья почти над самой головой. Сверху посыпались мелкие камни.

– Уходим! – закричал Робер. – Пешие и конные, шире шаг! Как бы то ни было, но теперь мы снова вместе, и да поможет нам Бог!

Скальная ниша, которая волей судьбы оказалась для посланников последним рубежом обороны, представляла собой крепость, созданную самой природой. Это был довольно глубокий рукав, окруженный со всех сторон отвесными стенами. Дальний его конец представлял собой возвышение с многочисленными скальными выступами, на котором спокойно могла разместиться небольшая армия.

Воины, плотным строем окружая кибитки, миновали проход, оставленный для них в заграждении из рибодекинов. Сен-Жермен, поднявшись на камень, отдавал команды, расставляя солдат на позициях. Рядом с ним стоял Чормаган. Едва завидев вновь прибывших и разобрав, кто находится перед ними, приор и нойон, не сговариваясь, бросились к ним навстречу. Глаза Чормаган-нойона, и без того раскосые, превратились в узкие щелочки. Лицо его посерело. Он придержал стремя, чтобы помочь царевичу слезть с коня, отвесил ему низкий поклон и долго о чем-то говорил. Судя по интонациям, преданный нойон одновременно радовался, что его повелитель цел и невредим, и, вместе с тем, упрекал его в том, что тот не воспользовался предоставленной возможностью и не ушел в Монголию. Несколько раз он повторял слова «Каракорум» и «харултай», делая на них особый упор.

– Почему ты вернулся, хан? – дождавшись, когда монголы завершат разговор, спросил приор. – Мы радовались, думая о том, что ты уже на пути в Каракорум. А теперь – он многозначительно кивнул в сторону поднимающихся по склону кибиток, – весь наш поход потерял всяческий смысл.

– У меня не было иного выхода, – перейдя на греческий, отвечал Толуй. – Когда ваш отряд скрылся из глаз, мы двинулись в обратную сторону, выискивая место для тайника и ожидая встречи с противником. Однако первый, кто встретился у нас на пути, был возвращающийся

отряд...

– Да, мы как раз шли обратно, – подхватил брат Серпен. – Как только к нам прибыл гонец, я немедленно дал команду сниматься с позиции и поспешил вслед за вами, чтобы как можно скорее воссоединиться с отрядом. С Толуем встретились перед самым рассветом. Было уже темно, мы едва узнали друг друга и чуть не схлестнулись...

– Мы решили продолжить путь вместе, – кивнул головой Толуй. – Вначале искали место для тайника, но вскоре убедились, что в этом ущелье невозможно устроить надежное укрытие, – в скалах не было ни углублений, ни пещер, ни глубоких трещин. Думали вырыть большую яму, но вскоре поняли, что и в этом нет ни малейшего смысла: враги, возвращаясь назад, непременно бы заметили участок свежевырытой земли. Небольшая выемка в скале, на время скрывшая нас вместе с кибитками и лошадьми от посторонних глаз, не могла быть надежным укрытием для бесценной ноши. В любом случае, рано или поздно, схрон непременно оказался бы достоянием случайного отряда или каравана, которых не так уж мало в этих, на первый взгляд безлюдных, местах. К счастью, идущие за вами вслед генуэзцы очень спешили. Когда их замыкающий дозор скрылся из глаз, мы долго думали, как нам поступить, и наконец решили, что двигаться дальше в сторону Аммана не было ни малейшего смысла.

– Хан Толуй долго колебался, – прыгивая с коня, подтвердил брат Серпен. – В конце концов, сказал, что не видит другого выхода. Нужно возвращаться назад, дожидаться, пока не начнется сражение, и атаковать врага. Если Бог на нашей стороне, то мы прорвемся все вместе. Если нет, значит, так тому и быть. Мы шли вслед за отрядом наемников, затем, выждав подходящий момент, ударили по их лагерю. Остальное вам уже известно.

Сен-Жермен долго молчал. Лицо его, как всегда, казалось бесстрастной, непроницаемой маской. Невозможно было понять, о чем он размышляет, – то ли оценивает планы дальнейших действий, то ли пытается смирить себя с неизбежным.

– Силы слишком неравны, – наконец, словно подводя итог тяжелой внутренней борьбе, произнес приор. – Сейчас начнется схватка, в которой мы все погибнем. То, что мы должны доставить в Иерусалим, достанется нашим врагам. Господи! – Крестоносец поднял очи горе и перекрестился. – Если ты и в самом деле желаешь, чтобы Святая Земля оставалась христианским феодалом, сделай так, чтобы к нам подоспела подмога!

– Что остается делать? – вздохнул Робер, обтирая клинок куском замши. – Значит, будем драться насмерть и до последнего момента надеяться на приход тамплиеров. Или того, кого там отправил к нам на выручку патриарх. Позиция у нас хорошая, оружия столько, что хватит на всех с избытком.

Через несколько минут братья Святого Гроба, собравшись для молитвы, внимали словам Сен-Жермена. Дождь, словно осознавая важность происходящего, вдруг прекратился и не мешал ему говорить. На этот раз глаза приора горели огнем, а в голосе звучала неподдельная страсть:

– Братья-крестоносцы! Перед тем как повести вас в бой, который, скорее всего, для всех нас окажется последним, я хочу поднять завесу тайны и поведать вам о том, зачем мы, испытывая лишения, преодолевая огромные расстояния и ежедневно подвергая себя смертельной опасности, отправились в Багдад. Цель нашей миссии – перед вами, – Сен-Жермен подал знак рукой, и брат Серпен, наклонившись, поднял с земли большой шелковый плат, под которым обнаружился кованый золотой обруч с зубцами, украшенный большими рубинами, и огромная книга с девятью золотыми запорами.

– Перед вами, – голос приора зазвучал торжественно, словно литургия, – корона Иерусалимского королевства и письма Святого Гроба – две святыни, которые еще великим королем Балдуином были переданы под защиту нашего ордена!

Благоговейный ропот побежал по рядам крестоносцев.

– Мы возе́м их в Иерусалим, чтобы вернуть в церковь Святого Гроба, – продолжил приор, в голосе его зазвучали грозные, металлические нотки. – Однако враги Святого престола, заключив предательское соглашение с неверными, возжелали короновать на царствование не истинного христианского монарха, а отлученного от церкви германского императора! Посмотрите, кто сражается против нас! Наемники-генуэзцы, чей город столь безбожен, что годами живет под интердиктом, а также и головорезы эмира Салеха, от чьих набегов мы не раз защищали христианские поселения. Но святой отец не оставит нас без поддержки. Помощь близка, братья, и она уже в пути. Скоро сюда, в ущелье, придет армия рыцарей-тамплиеров, и враг будет повержен. Наша главная и единственная задача – стойко держаться до последней капли крови и до конца выполнить свой рыцарский долг.

У Жака, который вместе со всеми, затаив дыхание, слушал приора, начало вдруг ни с того ни с сего саднить раненое плечо. Боль, заполняя все тело, быстро усиливалась и вскоре стала почти нестерпимой. В глазах у него потемнело, и перед внутренним взором вновь встала уже хорошо знакомая картина. Каменная Стена, за ней Серая Степь и ждущий на границе миров Чингисхан. На сей раз старик стоял не в отдалении, как раньше, а почти у самой Стены. Опершись на невысокую преграду, он внимательно глядел Жаку прямо в глаза и отрицательно качал головой.

– Тебе плохо, Жак? – Испуганный голос Робера вывел его из забытья. Боль исчезла так же неожиданно, как и появилась. Открыв глаза, Жак увидел, что он стоит, уставившись на одну из кибиток. Не нужно было никаких уточнений, чтобы понять, что именно находилось за ее деревянными бортами и парусиновым верхом...

– Всем – не только рыцарям и сержантам, но также слугам и оруженосцам – разобрать оружие и стать в строй. Никаких резервов, никаких передышек – сражаются все. Или мы выстоим и дождемся подмоги, или обескровим противника настолько, что он вынужден будет отступить, или все погибнем в этих горах. А теперь пусть каждый из вас прикоснется к святыням, прочтет молитву и да поможет нам Господь!

Братья ордена Святого Гроба подходили к Сен-Жермену, перед которым на бархатном красном покрывале лежали корона и книга, становились на колени, прикасались к реликвиям, осеняли себя крестным знамением, шептали молитвы и, словно приняв на себя частицу благодати, которую, несмотря на многолетний сарацинский плен, хранили в себе святыни, спешили занять свое место в строю. Вскоре, сначала робко, а потом все увереннее и увереннее к ним начали присоединяться монголы.

Надев шлем и ощущая в руке привычную тяжесть меча, Жак подивился тому, как мудро поступил приор, доверив братьям лишь ту часть тайны, которая принадлежала только франкам, не упомянув ни словом о саркофаге. Защитники, прилаживая на ходу щиты и вынимая оружие, выходили на позиции, выстраиваясь под защитой подвижного заграждения. Не успели они выровнять строй, как из-за скал стали появляться враги, и вскоре на рибодекины начала надвигаться защищенная передвижными укрытиями живая стена.

Свежеиспеченный юный капитан генуэзских наемников и умудренный опытом арабский эмир, убедившись в том, что противник оставил позиции, разведали дорогу, обменялись посланниками, встретились и быстро нашли общий язык. Этим языком, как нетрудно догадаться, оказалась лингва франка – дикая смесь из арабского, тюркского, прованского и франкского наречий, которым пользовались для общения между собой средиземноморские купцы. Оба командира получили примерно одинаковое задание – полностью уничтожить отряд, возвращающийся из Багдада, забрать все ценное, что при нем обнаружится, и доставить к пославшим их властителям. И Лучано, и Салех отдавали себе отчет, что слава победителей

загадочного крестоносного орденового братства, о котором и по ту и по эту сторону моря ходили легенды, откроет перед ними такие карьерные горизонты, о которых им до этого приходилось только мечтать. Проведя короткий военный совет они согласовали свои действия, приняв решение штурмовать хорошо защищенные позиции братьев в пешем строю и по очереди – чтобы не давать противнику передышки и, в то же время, не выматывать своих солдат. Воины Аллаха, прикрываясь подготовленными щитами, которые разглядел со скалы Аслан, первыми двинулись вперед.

Жак вместе с Робером и Серпеном держали строй в центре линии обороны. Было что-то жуткое и неумолимое в этой медленно надвигающейся стене вывернутых наизнанку сырых, окровавленных шкур, над которыми висело облако потревоженных мух.

– Луками не пробить, можно даже и не пытаться, – покачал головой Робер.

– Разве что арбалеты... – кивнул в ответ Серпен. Похоже, Сен-Жермен придерживался того же мнения, что и рыцари. Над головами защитников привычно просвистело, и в щиты с громким стуком вонзились железные стрелы. Но шкуры, натянутые в три-четыре слоя, погасили силу удара, и болты, не принеся врагу никакого урона, увязли в древесине, набухшей от влаги. Вскоре щиты приблизились вплотную к линии обороны настолько, что ноздри Жака начали ощущать исходящее от них зловоние. Строй замер, ожидая, когда сарацины ринутся в атаку.

Но замысел хитроумного эмира оказался намного коварнее, чем можно было предположить. Приблизившись на расстояние копья, сарацины, по команде Салеха, бросили щиты вперед, превратив их в настилы, по которым, словно по мосткам, перекинутым на стены осажденной крепости, нападавшие стали взбегать на заграждение и с воплями «Алла!» бросались на строй обороняющихся рыцарей и монголов.

Рибодекины, представлявшие непреодолимую преграду для конницы, перед нападением хорошо защищенной пехоты, которая, к тому же, воспользовалась опытом, полученным при осаде крепостей, оказались бессильны. Однако Сен-Жермен, хорошо знавший Салеха, не дал застать себя врасплох. Приор немедленно дал команду к перестроению. По шеренгам защитников, от центра к флангам побежали две волны – это сквозь рыцарский строй выдвинулись на передний край слуги и оруженосцы, вооруженные длинными пехотными копьями. Маневр оказался успешным – спрыгивающие с настилов сарацины, не успев нанести удар, налетели на остро отточенные широкие острия двадцатифутовых копий. Как обычно бывает в свалке, задние теснили передних, и те, обреченно вопя, падали, нанизываясь на толстые дубовые древка, словно куропатки на вертел. Но сарацин было намного больше, чем копий в руках защитников, и те, кому удалось спрыгнуть на землю, не угодив при этом на острие, рассредоточивались вправо и влево, подбирались к копейщикам вплотную и, оказавшись в безопасности, начинали действовать дротиками и мечами.

Копейщики, приняв на себя первый удар, по сигналу приора отошли назад. Теперь на мусульман обрушилась тяжелая орденовая пехота. Удара рыцарей и сержантов, от подбородка до щиколоток укрытых щитами, мусульмане, привычные к маневренному и быстротечному конному бою, выдержать не смогли. Они отхлынули назад и, разметав по дороге уже бесполезную защитную стену, освободили поле боя для генуэзцев.

При виде приближающейся фаланги, защитники быстро перестроились. Теперь в первых рядах стояли вперемешку франкские мечники и монгольские нукеры. За ними, подпирая строй и выставив вперед свое оружие, закрепились копейщики. Лигурийские^[29] наемники, в отличие от арабов, были вооружены тяжелыми пехотными мечами, полуторными, а кое-кто и двуручными. В умелых и сильных руках клинки, изготовленные в Милане, Болонье, Флоренции и далекой Фландрии, были способны пробить любой доспех. Их владельцы имели богатый опыт боев с тяжелой рыцарской пехотой и понимали почти полную бессмысленность лобовой атаки в

ограниченном пространстве, где невозможно взломать строй и обратить противника в бегство кавалерийским фланговым обходом. Но острый юный ум свежее испеченного капитана Лучиано с ходу нашел необычное и, к несчастью, очень удачное решение. Подчиняясь его приказу, мечники не стали теснить строй, вступая в рукопашную схватку, а, держась на расстоянии от противника, стали наносить удары по щитам и древкам торчащих копий.

Строй защитников готовился к отражению таранного удара, поэтому они стояли столь плотно, что не имели ни малейших возможностей для маневра. Располагая Сен-Жермен хоть каким-то ощутимым резервом, он непременно отдал бы приказ идти в контратаку и немедленно сблизиться с противником. Но рисковать основными силами, ломая строй, он не мог. Предводителям отряда оставалось лишь, кусая локти, наблюдать, как генуэзские мечники обрушивают на щиты и копья защитников всю мощь своего оружия. Пробивая воловью кожу и разрубая металлические полосы, мечники медленно, но верно добивались своей цели и постепенно начали оголять монолитный до этого строй. Вскоре то здесь, то там начал раздаваться обреченный хруст дубовых досок. Рыцари начали отбрасывать в стороны щиты, превращенные в щепы. Добившись цели, генуэзцы по приказу своего юного капитана отошли назад и начали смыкать строй, готовясь к таранному удару. Приор решил, что тот самый критический момент, ради которого он держал последний резерв, уже настал...

Зазвучал боевой рожок. Подчиняясь условному сигналу, защитники раздались вправо и влево, освобождая проход, и на ошеломленных генуэзцев обрушился вниз по склону копейный рыцарский эскадрон.

– Яффа и Аскалон!!! – донесся до Жака отчаянный возглас.

Это был родовой клич де Барна. Он возглавил десяток конных рыцарей и повел их на таранный удар. Конный клин с ходу врубился в наемников и разметал только что собранную фалангу, отбросив ее центр чуть не на самое дно ущелья. Маневр для всадников был самоубийственным – взломав строй противника, они попадали под стрелы пизанских арбалетчиков, так что после первого же залпа в живых осталось только четверо из одиннадцати участвовавших в атаке рыцарей. При этом все они потеряли коней. Окруженные врагами, они встали в круг, готовясь как можно дороже продать свою жизнь. К храбрецам со всех сторон начали подбираться оправившиеся от удара наемники. И тут случилось то, чего не ожидал никто – ни осажденные, ни нападавшие. С громоподобным криком «Валить басурман!» командовавший правым флангом Недобитый Скальд, увлекая за собой всех, кто находился рядом с ним, ринулся на выручку окруженным.

Полная непредсказуемость этого безрассудного удара предопределила его успех. Рассредоточенные, потерявшие все преимущества сомкнутого строя генуэзцы, атакованные с тыла, стали легкой добычей для булавы достопочтенного гентца. Не успел никто и опомниться, как он, оставляя за собой дорожку, выстеленную из трупов, прорвался к уцелевшей четверке и, под прикрытием пехотинцев, отошел обратно. Сен-Жермен облегченно вздохнул и подал сигнал к отбою. Защитники отошли назад и снова сомкнули строй.

Сарацины и генуэзцы не решались возобновить штурм. Воспользовавшись захваченными рибодекинами, они укрылись от обстрела и выжидали, опасаясь повторной кавалерийской атаки. Однако и строй посланников уже не был той монолитной стеной, которая встречала первые удары.

Привычная, а потому ставшая почти незаметной гроза, зацепив ущелье кончиком крыла, прошла стороной, и теперь на сражающихся капал лишь мелкий морозящий дождь. Воспользовавшись прояснением, атакующие, повинувшись окрикам своих командиров, оставили укрытие и, не заботясь более ни о строе, ни о тактических приемах, толпой ринулись вверх по склону...

– Ну вот и все, – спокойно произнес де Мерлан, разглядывая сквозь прорези полумаски орущую беспорядочную толпу. – Теперь нам точно конец, сир провидец. Мы-то, конечно, их положим немало, однако если на каждого приходится по три-четыре опытных противника, да не в строю, а в поединке, то тут никакая боевая выучка не поможет, разве что везение. Хотя тут, положи руку на сердце, тоже жаловаться грех. Его, везения этого самого, нам с тобой, приятель, было отпущено, пожалуй, поболее, чем на всех вместе взятых Мерланов, начиная с основателя нашего рода... Рембо! – не оборачиваясь назад, крикнул достоправный рыцарь. – Оставь строй, поднимись наверх, вложи в ножны меч и возьми в руки лютню! Послушаем напоследок какой-нибудь из твоих похабных куплетов.

Трубадур, привыкший беспрекословно подчиняться своему господину, немедленно выполнил его приказ. Не успели первые из атакующих, налетев на строй, вступить в рукопашную схватку, как над скалами, перекрывая завывания ветра, шум дождя и раскаты отдаленного грома, полилась торжественная песнь.

На сей раз бывший жонглер, обычно избегавший торжественных песнопений, изменил себе и исполнял не любимый всеми орденоскими братьями «Сказ о рыцаре, студенте и юной дочери графа», а старинную рыцарскую «Балладу о деяниях», шансон-де-жест. Такие баллады обычно исполняют долгими зимними вечерами в тиши старых замков, в обеденных залах с огромными, в человеческий рост, каминами и стенами, что увешаны трофеями, захваченными еще в битве при Пуатье^[30]... Высокий и чистый голос разносился по ущелью. Жак узнал древнюю песнь, рассказывающую о паломничестве Карла Великого в Иерусалим. В ней грозный император называл себя «протектором Святого Гроба» и одним из легендарных основателей их крестоносного братства. Сейчас, перед лицом неминуемой смерти, торжественные слова баллады ничуть не казались пафосными и выпренными:

Сеньоры! – император говорит, —
Послушайте, я вот что вам скажу:
Отправимся в Заморье мы теперь —

Земля Святая к подвигам зовет,
Плывем к Господню Гробу и Кресту,
Чтоб защищать их, сколько хватит сил!^[31]

«Чем ближе от себя человек ощущает дыхание смерти, – подумал Жак, вонзая меч в грудь налетевшего на него араба, – тем меньше он стыдится высоких чувств». Это была последняя связная мысль, которая пронеслась у него в голове. Вскоре все его помыслы были полностью поглощены схваткой. Под лязг мечей, грохот булав, бьющих по кольчугам и шлемам, вопли и предсмертные крики сражающихся Рембо завершил длинный шансон о Карле Великом и сразу же начал песнь о Роланде. Увлечшись, он покинул укрытие и, желая, чтобы его было лучше слышно, поднялся на большой камень.

– Прячься, жонглер! – оглянувшись назад, что есть мочи завопил Робер. Но было уже поздно.

Скучавшие во время свалки пизанские стрелки, увидев отличную мишень, выстрелили чуть не все одновременно. Несчастный певец, в жизни которого было много грехов, но нашлось место и подвигу, способному прославить имя любого рыцаря, оборвал песню на полуслове и с громким стоном рухнул вниз. Он погиб как настоящий трубадур – в сражении и с лютней в

руке. Братья-рыцари, а вслед за ними и монголы взревели и, мстя за Рембо, в едином порыве бросились в контратаку.

Бой продолжался невероятно долго. Ряды защитников медленно и неумолимо таяли. Тяжелые гонуэзские мечники вместе с легкими и подвижными мусульманами были опасны втройне. Даже хорошо обученный рыцарь или сержант не мог долго противостоять врагу. Все его внимание поглощал наемник, пропущенный удар которого был смертелен, а с флангов, целя дротиками в плохо защищенные участки, крутились сарацины. Строй постепенно редел.

Наконец, когда едва появившееся из-за слегка разошедшихся туч солнце уже цепляло нижним краем горные вершины, настал момент, когда поредевший строй дрогнул и в одночасье рассыпался на отдельные очаги сопротивления.

– Наверх! – закричал Робер, увлекая за собой Жака и Серпена.

Они бросились к последнему рубежу обороны – небольшой площадке под скалой, на которой были оставлены кони и стояли кибитки.

К тому времени, когда друзья, преодолев подъем, достигли цели, там уже находились все, посвященные в тайну. Сен-Жермен, Толуй, Чормаган стояли в одном строю с рыцарями, сержантами и нойонами, сжимая в руках последние оставшиеся щиты и готовые до последней капли крови защищать бесценный груз. Оглянувшись назад, Жак увидел, что бой внизу уже завершается, а к ним бегут мастер Григ, де Барн и еще несколько человек.

– Вы заняли не лучшую позицию, мессир, – мгновенно оценив обстановку, покачал головой де Мерлан. – Они сейчас покончат с теми, кто еще жив, и начнут нас расстреливать арбалетами! Выставляйте вперед те кибитки, что с золотом, и прячьтесь за ними. Это нам даст еще немного времени. Когда они пойдут на штурм, позволим заглянуть внутрь – и им сразу станет не до нас. Мусульмане Салеха и гонуэзские наемники по сути своей – бандиты, они воюют за наживу. Поэтому при виде золота они на время о нас забудут и начнут дележ, никто не захочет подставлять головы под мечи, в то время как остальные набивают кошель.

Оценив предложение арденнского рыцаря, защитники выставили вперед две кибитки, укрылись за ними и с болью в сердце наблюдали за тем, как враг расправляется с последними, кто остался внизу. Победа досталась нападавшим дорогой ценой – больше половины воинов полегло в бою. Уцелевшие думали лишь о мести. Ни мусульмане, ни наемники не стали брать пленных. После того как был добит кинжалом последний раненый сержант, взгляды Салеха и Лучано одновременно обратились наверх.

– Вот они, пизанцы, со своими арбалетами. Уже тетивы конопляным маслом натирают, – пробурчал, выглядывая из-за щита, Робер. – Хорошо все же, что их осталось в живых всего человек пять, иначе было бы совсем худо.

Жак подумал, что в состоянии «совсем худо» они находятся уже третий день, но спорить с другом не стал. Его вновь приобретенный дар предвидения вдруг обострился до предела, и он вдруг отчетливо понял, что, несмотря ни на что, сегодня поле битвы останется за ними.

– Ну все, сейчас перестреляют лошадей! – воскликнул де Барн.

– Нет, как раз лошадей они не тронут, – спокойно, словно речь шла о ценах на фуражное зерно, а не об их жизнях, ответил Робер. – Они считают, и не без оснований, что загнали нас в ловушку, – зачем наносить ущерб собственному имуществу? Орден Святого Гроба всегда славился лучшими в Заморье дестриерами.

– Если позволите, – отодвигая де Мерлана, в щель между кибитками протиснулся мастер Григ. В руках у него был взведенный арбалет.

Не теряя времени, киликиец прицелился, затаил дыхание и плавно нажал на спуск. Тяжелый болт ушел так быстро, что Жак не успел его разглядеть. Он лишь услышал удаляющийся свист, и сразу же один из пизанских стрелков схватился за горло и упал навзничь.

Остальных в тот же миг как ветром сдуло.

– Это им за Рембо, – произнес вольный каменщик, вставляя в паз рычаг – козью ногу и набрасывая на крюк толстую тетиву из воловьих жил. – В беззащитного трувера они стрелять могут, поглядим теперь, как они со мной справятся.

Пизанцы немного пришли в себя и, укрываясь за камнями, попытались в свою очередь найти и уничтожить меткого стрелка. Но мастер Григ за время пути стал настоящим виртуозом, и любопытство напополам с недопустимой в бою беспечностью стоило жизни еще одному врагу. Тот приподнялся из укрытия, стараясь получше рассмотреть позиции противника, и тотчас упал в объятия боевых товарищей с торчащим из глазницы болтом.

– Прекращай, Григ, – пробурчал Робер, – не искушай судьбу, их там трое или четверо, а ты своей стрельбой и так уже всех птиц распугал.

Действительно, сидящие на карнизах стервятники и присоединившееся к ним недавно воронье, словно испугавшись негромких стуков арбалетной тетивы, в одночасье взмыли в воздух и теперь кружили над полем боя, оглашая ущелье паническими криками.

– Гроза, – поглядев на небо, сказал Сен-Жермен. – Гроза возвращается, похоже, вскоре снова хлынет ливень. В этих местах так часто бывает – бури словно ходят кругами. Что же, это нам только на руку. Враги будут скользить на подъеме и не смогут разогнаться для атаки.

– Мессир! – произнес вдруг Робер. Взгляд его не предвещал ничего хорошего. Для врагов. – Их там осталось всего-то сотни три, не больше. А нас тут два десятка. Давайте я возьму девять человек и...

Что хотел предложить храбрый арденнский рыцарь, защитники так и не узнали – его речь заглушил жуткий многоголосый визг, сопровождаемый хрипами и храпением. Это вслед за птицами словно взбесились одновременно все кони. Издавая истошные звуки, они вставали на дыбы и рвали поводья.

– Все к стене! – стараясь перекрычать обезумевших животных, что есть мочи, заорал Недобитый Скальд.

Защитники ринулись в сторону скалы, и вовремя, – потерявший голову, неуправляемый табун, сметая все на своем пути, ринулся вниз по склону. Животные, словно они все и сразу ослепли, мчались прямо на выставленные щиты, сбивая их и топча укрывавшихся за ними генуэзцев и сарацин, натыкались на полном скаку на подставленные рибодекины и, будто не ощущая боли, кувыркаясь, перелетали прямо через них, обрушиваясь всем корпусом на тех, кто пытался таким образом найти спасение. За несколько мгновений, показавшихся вечностью, под копытами не разбирающих дороги коней погибло не меньше половины вражеских отрядов. Достигнув дна ущелья и упершись в противоположную стену, кони стали беспорядочно метаться взад-вперед, продолжая сеять панику.

Только теперь Жак заметил, что дождь, сошедший было на нет, снова начал усиливаться и уже почти превратился в ливень, а небо опять заволокли низкие, висящие почти над самой головой, облака. Действительно, сделав круг и дойдя до развалин Керака, гроза не просто возвращалась, а шла прямо на них.

– Ну, Скальд, ты как хочешь, а я пошел! – С этими словами де Мерлан вытянул из ножен меч и понесся навстречу уцелевшим врагам.

– Всем стоять! – Окрик приора словно пригвоздил к земле ноги Жака, который вместе с другими рыцарями устремился вслед за Робером. – Я не знаю, что случилось с нашими конями, но они нам подарили еще один шанс уцелеть. Поэтому нужно выстоять и удержать рубеж, не поддаваясь безумству!

Защитники наблюдали, как Робер, медленно двигаясь вниз по склону, словно языческий бог войны, сеял вокруг себя смерть. Маленький рыжеволосый рыцарь работал мечом со скоростью

мельничного колеса во время паводка и отправлял христиан в преисподнюю, а мусульман к Аллаху еще до того, как они успевали сообразить, в чем дело.

Первыми опомнились сарацины. Собранные Салехом и его личной гвардией, они образовали подобие строя, смогли, хоть и ценой ощутимых потерь, остановить Робера и теперь оттесняли его назад. Вскоре к мусульманам присоединились и генуэзцы. Окруженный Робер вскочил на небольшое возвышение и теперь отражал атаки одновременно со всех сторон. Он был словно заговорен от железа – ни одно из многочисленных копий до сих пор не смогло его задеть.

Последний оставшийся в живых пизанец вскочил на камень, взвел арбалет, прицелился и... рухнул лицом в пропитанную кровью землю. Мастер Григ опустил свое оружие и присел на порожек кибитки.

– Я пойду к нему, мессир! – воскликнул Жак. – Если Робера убьют вот так, прямо у меня на глазах, а я буду просто стоять и смотреть, я не смогу этого себе простить никогда.

– Жак, Серпен, Скальд, вперед! – крикнул Сен-Жермен. Как опытный командир, он понимал, что братьев-рыцарей не остановит сейчас никакой запрет, и облек их волю в свой личный приказ, чтобы придать им силы и добавить уверенности.

Не дожидаясь повторного распоряжения, рыцари рванулись с места и устремились к возвышению, плотно окруженному со всех сторон врагами. Но Лучиано, наблюдавший за всем происходящим с удобной позиции, и здесь оказался на высоте. Он вовремя заметил, что к неистовому франку идет подкрепление, и отправил им на перехват свой последний резерв.

– Удержать их, во что бы то ни стало, пока остальные не прикончат этого ублюдка! – крикнул генуэзец.

Лучшие воины республики Святого Георгия, выстроившись в цепь и выставив перед собой мечи, стали стеной перед рыцарями.

– Ах ты, гаденьш! Да сколько же ты нам еще кровь будешь пить! – С этими словами Недобитый Скальд ринулся в сторону юного генуэзского капитана. Тот, как ни странно, не пустился наутек, а напротив, проявил недюжинную храбрость – обнажил меч и бросился навстречу гиганту.

Их поединок напоминал бой Давида с Голиафом. Одного удара знаменитой булавы было вполне достаточно, чтобы голова генуэзца раскололась вместе со шлемом, как орех, но тот, двигаясь быстро, словно ласка, не давал возможности гиганту нанести удар. Уклоняясь от свистящей шипованной головки, которая вздымала то фонтаны земли, то, попадая в камень, снопы искр, он стремился занять позицию, из которой можно было бы поразить Скальда мечом. В то же время стремительный, словно матерый секач, фландрский рыцарь успевал вертеться во все стороны, одновременно размахивая булавой и уходя из-под удара.

Пока они исполняли свой смертельный танец не в силах поразить друг друга, Жак, обезумев от отчаяния, прорубался на выручку приятелю, не видя врагов в лицо, словно он шел через лес. Но силы де Мерлана были уже на исходе. Генуэзец с двуручным мечом, улучив момент, успел нанести удар, от которого арденнец едва успел увернуться. Однако кончик меча, скользнув по ноге, сумел пробить доспех и углубиться в мягкие ткани. Вниз на камень потекла струйка крови, а Робер, вначале не замечавший ранения, стал заметно прихрамывать.

Генуэзцы, оставшись на время без предводителя, быстро превратились в то, во что почти всегда превращается любое христианское войско, лишенное сильной руки, – то есть в разрозненную группу бойцов, сражающихся по отдельности, в меру личных способностей и собственного разума. Каждый из них, не сообразуясь с общим замыслом, выбрал себе достойного, на его взгляд, противника и полностью был поглощен поединком, думая о том, что общая победа, как ни крути, достанется командиру, у которого молоко на губах не обсохло, а

поединок принесет славу и трофеи каждому из них в отдельности.

В конце концов, Недобитый Скальд оказался проворнее юного противника и, сделав обманный маневр, обрушил ему на голову свою булаву. Удар был так силен, что неуязвимый миланский шлем расплющился, словно старый медный горшок, превратив всю верхнюю часть головы несостоявшегося военного гения в кровавое месиво из мозгов и обломков черепа.

Стремясь как можно скорее пробиться на помощь Роберу, Жак выдохся настолько, что мог применять лишь те приемы, что были у него отработаны до автоматизма. Он двигался, уходил от удара, подставлял то щит, то меч, наносил ответный удар, в два или три подхода расправлялся с очередным противником и продвигался вперед. Наступил, наконец, момент, когда от сарацин, полностью поглощенных сражением с Робером и повернутых к Жаку спиной, его отделял только один человек. Экономя силы, он нанес последнему противнику точный боковой удар. Тот застонал и, схватившись за рубленую рану, медленно осел на землю. Но и это препятствие оказалось не последним. Серый в яблоках конь со стрелой, торчащей из спины, оседая на задние ноги и рывками двигаясь вперед, оказался на пути у Жака, полностью перегородив ему дорогу, – чей-то шальной, явно сделанный наудачу выстрел задел ему позвоночник. Скакун, визжа от боли, присел, не давая рассмотреть, что происходит впереди.

Думая лишь о том, как скорее прийти на помощь другу, и не находя иного способа быстро расчистить дорогу, Жак со всего маху обрушил меч на выгнутую шею. Удар оказался таким сильным, что голова бедного животного немедленно отделилась от тела. Туловище завалилось на бок, несколько раз дернулось в предсмертной судороге и затихло.

Не чуя земли под ногами, Жак, наступив на тушу, бросился вперед. И почти сразу же остановился, бессильно опустив меч. Вокруг камня, на котором только что защищался арденец, высилась гора неподвижных тел, а на его верхушке плясали, сотрясая мечами, вопящие «Алла!» сарадины.

– Где Робер? – раздался над ухом громовой голос. Рядом с ним, очумело озираясь по сторонам, стоял Недобитый Скальд.

– Он там! – указал рукой Жак. Голос его предательски дрогнул.

– Не успели все-таки! – проревел гигант. – Раз так, басурманам теперь не жить!

Скальд, Жак и присоединившийся к ним в последний момент Серпен бросились на врагов. Началась грубая, тупая свалка, лишенная какого бы то ни было военного изящества и к тому же проходящая под настоящим ливнем. Ветер уже не свистел, а завывал. Косые струи падали на землю и, размывая глину, устремлялись вниз все более полноводными ручьями. Молнии, пробиваясь сквозь сумрак, били в вершины ближайших гор, и, совсем ненадолго запаздывая, грохотал гром. Видно было не дальше, чем на три шага. В пелене дождя люди казались бесплотными призраками, и Жак, из последних сил нанося удары по врагам, давно уже не знал, кто бьется рядом с ним, кто выжил, а кто погиб. Только раз ему показалось, что мимо промелькнул мастер Григ, но он был в этом до конца не уверен.

Невозможно было сказать, сколько прошло времени до тех пор, когда дождь начал понемногу утихать. Воины устали настолько, что едва находили силы для того, чтобы поднять меч. Они беспомощно топтались в грязи, обмениваясь слабыми ударами, при этом, не в силах удержать равновесие, то и дело поскальзывались и падали на землю. В конце концов, сражающиеся стороны признали полную бессмысленность дальнейшего противоборства и, по молчаливому согласию, разошлись, чтобы хоть немного отдохнуть.

Опираясь на подобранный с земли обломок копья, Жак доковылял до верхней площадки, присел на порожек ближайшей кибитки, откинулся спиной на бортик, стянул с себя шлем и подставил лицо под струи падающей воды. Устремив невидящий взгляд на поднимающихся вверх по склону франков и монголов, он, едва шевеля губами, шептал слова молитвы, ощупывая

при этом под доспехом грамоты, которые передал ему арденнский рыцарь, а перед глазами его проходили воспоминания о том, что происходило с ними, начиная с первого знакомства...

Рядом кто-то грузно опустился на корточки. Жак обернулся. Это был Чормаган. Не говоря ни слова, нойон кивнул в сторону камня, на котором принял последний бой де Мерлан, склонил голову в знак уважения к воинской доблести и перекрестился на свой несторианский манер.

Гром ударил над самой головой. Истошно вскрикнули разом птицы. Грохот был так силен, что Жаку показалось, будто от него содрогнулось самое основание горы. Прислушиваясь к эху в глубине ущелья, Чормаган нахмурился, склонил голову набок, словно внимательно прислушиваясь к чему-то вдали, затем вдруг приложил ладонь к скальному основанию. Лицо монгола прояснилось. Он упал на колени, приложил ухо к земле и начал быстро говорить.

– Что происходит? – спросил встревоженный голос. Рядом стоял де Барн.

– Он говорит, – перевел оказавшийся неподалеку мастер Григ, – что земля содрогается от топота копыт. Степняки с детства умеют разыскивать табуны и знают о приближении отрядов, слушая землю.

– И что это значит? – Из-за кибитки выглянул Недобитый Скальд.

– Это значит, – ответил де Барн. – Что к нам движется подмога.

– Чормаган-нойон говорит, – добавил мастер Григ, – сюда приближается большое войско. Два, а то и три тумена.

– Посмотрите! – вскричал, вглядываясь в пелену дождя, де Барн. – В стане врагов началось шевеление. Они, похоже, тоже слышали приближение многих всадников.

– Значит, теперь в ловушке не мы, а они, – обрадованно громыхнул гигант. – Что же, подождем немного и в случае чего ударим с тыла.

Теперь гул, исходящий от земли, ощущали не только монголы. Снизу раздались испуганные крики, и вскоре защитники увидели, что уцелевшие враги несутся вверх по склону беспорядочной толпой.

– Валишь! – привычно закричал Недобитый Скальд и бросился им навстречу, размахивая булавой. Вслед за ним, собрав остатки сил, двинулись и остальные.

У Жака вдруг сильно кольнуло сердце. Он остановился, чтобы перевести дух, и ощутил вначале ногами, а затем и всем телом, как гудит под ногами земля. И гул этот был так силен, что его, наверное, не смогла бы произвести и вся христианская армия Заморья, соберись она целиком для защиты посланников. Гудение усилилось и перешло в мелкую дрожь. Сердце его охватила ледяной холод – он понял, что эта дрожь исходит не от копыт, а от самой земли. Снова ударил гром, и сразу же после этого скала, нависающая над ними, зашаталась. Откуда-то сверху, прямо на толпу бегущих врагов, обрушился черный камень, размером со взрослого быка, придавив не меньше десятка человек, и сразу же вслед за этим на ущелье обрушился град камней. Дрожь под ногами перешла в настоящую тряску. Так страшно Жаку не было еще никогда – земная твердь, основа мироздания и порядка, содрогалась и раскачивалась, словно палуба утлого суденышка.

Все, что происходило дальше, он видел словно во сне. Его сознание отказывалось воспринимать происходящее, даже когда земля начала шататься, словно поверхность стола на разболтавшихся ножках, сбивая с ног бегущих людей, а на то место, где погиб Робер, обрушился сильный камнепад. Теперь весь склон представлял собой дьявольскую смесь каменных обломков, доспехов и окровавленных тел. Люди в белых орденских одеждах метались в поисках спасения и падали под ударами вперемешку с черными генуэзцами, сарацинами и одетыми в меха монголами.

Жак обернулся назад. В вершину скалы, которой оканчивалась ниша, ударила молния, и ему показалось, что от этого удара цельная каменная стена пошла трещинами и начала оседать.

В свете вспышки он разглядел наполовину заваленные камнями кибитки. «Там спасение», – подумал рыцарь и сломя голову бросился вперед. Камни падали со всех сторон, но не задели его ни разу. Чудом добравшись до площадки целым и невредимым, Жак прижался всем телом к борту кибитки и с ужасом наблюдал за происходящим.

Но оказалось, что землетрясение и камнепад – это еще не конец света. Из ущелья вдруг донесся тяжелый, утробный рев, и из прохода, который они защищали с утра, вынеслась стена воды. То ли ливень собрал в ущелье сходящие с гор ручьи, превратив их в поток, сокрушающий все на своем пути, то ли землетрясение, разрушив какие-то неведомые подземные плотины, заставило исторгнуть горное или подземное озеро всю свою воду, – но сейчас по дну ущелья неслась, увлекая за собой камни, крутя вырванные с корнем деревья, мощная полноводная река. Бурлящая черно-коричневая вода смывала и во мгновение ока уносила все, что оказывалось на ее пути, – кони, люди, сарацинские щиты и рибодекины сметались и исчезали из поля зрения, словно щепки. Молнии били по ближайшим холмам, словно сам Илья-пророк кружил над скалами на своей колеснице. Удары грома, падающие сверху камни и поднимающийся все выше и выше ревуший поток слились перед глазами Жака в нечто единое и неумолимое. Он стоял ни жив ни мертв, словно замороженный, не в силах пошевелиться и оторвать взгляд от происходящего. Камни сыпались прямо в воду, вздымая вверх водяные столбы, вокруг которых, то появляясь, то исчезая, мелькали головы и руки уносимых потоком людей.

Рядом с кибитками упал огромный камень, вслед за ним еще один, и еще. Не в силах сопротивляться, Жак осел на землю и закрыл глаза. Он слышал как рядом, все ближе и ближе продолжают падать камни – большие и маленькие. Затем он ощутил сильный удар в грудь. Последнее, что он почувствовал, была страшная боль в раненом плече.

Глава шестая, в которой выясняется, что пословица «двум смертям не бывать...» оказывается справедливой далеко не всегда

Окрестности ущелья Вади ай-Муджиб, 1229 год от Р. Х., Благовещение Пресвятой Богородицы (25 марта)

Он долго находился в странном полуобмороке, и ему снова грезилась бескрайняя унылая, сумрачная равнина, которую, простираясь от горизонта до горизонта, разделяла каменная стена. Стоял ли, как это было раньше, с той стороны старик, он не видел. Единственное, что отличало это видение от других, было чистое ночное небо, щедро усыпанное звездами.

Жак вдруг понял, что он уже давно очнулся. Вокруг было тихо. Он не слышал ни раскатов грома, ни рева несущейся по ущелью воды, ни грохота падающих камней. На смену им пришло негромкое журчание и редкие крики птиц, раздающиеся откуда-то сверху. Ощущая на лице легкие прикосновения прохладного ночного ветерка, он понял, что дождь наконец-то прошел.

Жак открыл глаза. Как ни странно, картина неба над головой ничем не отличалась от той, что ему пригрезилась. Это было небо арабских ночей. На всем видимом пространстве не осталось ни облачка, большие и яркие звезды обрамляли Божий светильник – половинку желтой, налитой луны, плывущей в белой полосе Via Lactea – Млечного Пути. Воздух был чист и прозрачен, от небесных светил исходило ровное сияние, которое освещало долину так, словно была не ночь, а день. Израсходовав все свои силы, разбушевавшаяся стихия отступила, принеся в ущелье мир и успокоение. Вырвавшийся на свободу поток, забрав с собой все, что смог унести, давно уже выплеснулся в тяжелые воды Мертвого моря и теперь по дну ущелья, мелея на глазах, текла спокойная медлительная речка. Скалы быстро остывали, охлаждая прогретый за день воздух, и над водой длинными космами слоился белый плотный туман.

Дно ущелья, по которому пронесся поток, блестело вылизанными водой камнями, словно его тщательно прибрал неведомый великан. В отличие от очищенного водой русла, весь склон, где шло последнее сражение, представлял собой страшный ковер из недвижных тел, засыпанных сверху большими и маленькими камнями.

Жак вздохнул полной грудью и, втягивая в себя ночной воздух, влажный и прохладный, ощутил вдруг не то запах, не то привкус, отдающий металлом, какой исходит обычно от хорошо почищенной медной посуды. Это пахла пропитавшая землю кровь.

Птицы успокоились и возвратились на скальные карнизы, явно готовясь к долгожданному пиршеству. То одна то другая срывалась вниз, собираясь спикировать на склон, но делала несколько кругов и с возмущенным криком возвращалась на место. Птицы не решались садиться на землю потому, что среди завалов бродили, пошатываясь, едва различимые в сумраке фигуры.

Заметив шевеление, один из бродящих по склону немедленно двинулся в сторону Жака. Тень приближалась. Судя по плотному кольчужному доспеху, доходящему до колен, и длинному прямому мечу, который он сжимал в руке, это был не сарацин, а франк. Только вот кто именно – рыцарь ордена или генуэзец, разобрать было невозможно. Жак нащупал рукоятку меча и попытался встать.

– Не хватайся за оружие, брат-рыцарь! – услышал он хорошо знакомый голос. – Битва давно закончилась, и те, кто уцелел, ищут раненых под завалами.

– Я гляжу, что ты цел и невредим, сир де Барн, – поднимаясь на ноги, удивленно произнес Жак. – И многие из защитников остались в живых?

– К сожалению, нет, монсир, – с грустью в голосе отвечал яффский рыцарь. – Все, кого не смыло водой, погибли под камнями. Уцелели лишь те, кто успел подняться на самый верх и находился у этих трех кибиток.

Он повернулся в ту сторону, куда показывал собрат тевтонского ордена. Три кибитки Толуя, наполовину заваленные камнями, стояли на том же самом месте, где их оставили защитники во время последнего боя. Из-за них появилась широкоплечая фигура рыцаря, в котором Жак без труда узнал Серпена.

– Похоже, только зря теряем время, – подойдя поближе, сказал тот, – под завалами только трупы. Мы ловим оставшихся лошадей, не пешком же нам отсюда уходить.

– Робер! – позвал Жак.

– Он погиб, брат-рыцарь, – послышался из-за спины печальный голос. – На том месте, где он сражался, один из самых больших завалов.

Жак развернулся. Перед ним, сжимая в руке арбалет, стоял мастер Григ.

– Павшие в этой битве навсегда останутся в наших сердцах, – положив руку на плечо бывшему бургундскому виллану, произнес киликиец. – Но сейчас, Жак, мы должны в первую очередь позаботиться о себе и о возложенной на нас миссии. Близится полночь, и нам нужно как можно скорее решить, что делать дальше.

– Так кто же остался жив? – спросил Жак.

– Немногие, увы, – ответил тот, – я, ты, брат Серпен, приор Сен-Жермен, де Барн и Недобитый Скальд. А из монголов только Толуй и Чормаган-нойон.

Вскоре на площадке у кибиток собрались все, о ком говорил мастер Григ.

– *Vare, legionis redde!* (Вар, верни легионы!) – оглядывая место сражения, печально произнес Сен-Жермен. – Крестоносного братства рыцарей Святого Гроба больше нет.

Жак вспомнил монастырскую учебу – фраза, произнесенная на латыни, принадлежала римскому императору Августу, узнавшему о том, что армия под командованием полководца Квинтилия Вара была разгромлена германцами.

– Тот, кто забрал наших братьев, не вернет их назад, мессир, – тихо произнес в ответ Жак. – Но, как бы то ни было, а поле боя осталось за нами. Мы целы, враги погибли, и то, что мы должны доставить в Иерусалим, по-прежнему под нашей охраной.

Сен-Жермен покачал головой и собрался было что-то ему ответить, но их разговор прервали монголы, которые вдруг начали жаркий спор. Толуй что-то строго приказывал своему нойону. Тот не соглашался, упрямылся, и даже, судя по необычно жесткому тону, позволил себе в отношении монгольского принца несколько резких выражений.

– О чем они говорят? – спросил приор.

– Хан приказывает Чормагану выбрать двух лучших коней и, не теряя ни минуты, что есть сил нестись в Каракорум, чтобы задержать харултай до его возвращения, – перевел мастер Григ. – Чормаган отказывается это делать, говоря, что лучше бы именно он, хан Толуй, поехал в Монголию, а Чормаган остался с нами и довершил дело, исполнив завещание Чингисхана. Что несмотря ни на что поездка в Иерусалим смертельно опасна. Толуй в свою очередь говорит, что хоронить отцов обязаны дети, а подданные должны исполнять приказы, и он, Чормаган, обязан успеть в Каракорум до начала харултая, дабы все их жертвы не оказались напрасны.

– Монгольский хан прав, – кивнул Сен-Жермен. – Нам предстоит нелегкий и небыстрый путь. Все изменилось, и от того, будет ли Толуй избран новым великим ханом, зависит слишком многое. Переведи ему, уважаемый мэтр, что сейчас Чормаган гораздо нужнее там, в Каракоруме, чем здесь.

Выслушав перевод, нойон угрюмо поглядел на франков, затем на хана, кивнул и, более не прекословя, начал собираться в дорогу. Выбрав, как того и требовал Толуй, самых лучших коней и набив переметные сумы всем, что было необходимо для долгого и опасного пути, Чормаган-нойон, обняв по очереди всех рыцарей, поклонился Толую и вскочил в седло. Конские копыта захлопали по воде. Всадник погрузился в туман вначале по стремяна, затем по пояс, стал быстро удаляться и вскоре растворился в темноте.

После того как призрачная тень скрылась меж скал, взоры присутствующих обратились к стоящим плечом к плечу Сен-Жермену и Толую.

– Нам, наверное, тоже не мешало бы послать гонца в Иерусалим, – неуверенно произнес де Барн. – Отправляться дальше, не зная, что нас ждет впереди, очень рискованно.

– Вот об этом я и хотел бы поговорить, – кивнул приор. – Я думаю, что мы должны спрятать саркофаг и сокровища в горах и только после того, как окончательно прояснится, что сейчас происходит в королевстве, с почетом доставить тело императора монголов в Святой Град.

– Хан Толуй полностью с этим согласен, – перевел слова монгольского царевича мастер Григ. – Он хочет войти в священный для христиан город во главе своего войска, а не как беглец.

– Не могли бы вы, наконец, прояснить, уважаемые сеньоры, – не выдержав, громыхнул Недобитый Скальд, – о каком саркофаге идет речь. Насколько я понял, в этих вот кибитках находятся не только инсигнии [\[32\]](#) первого Иерусалимского королевства, которые вы, мессир, демонстрировали перед последним штурмом...

– Ты прав, рыцарь, – ответил Сен-Жермен. – Главная цель нашей миссии заключается в ином. Вы с де Барном сражались с нами плечом к плечу, и я не вижу причин, чтобы и дальше скрывать от вас нашу тайну.

Как всегда коротко и сжато, приор в нескольких словах посвятил вновь прибывших рыцарей в события последних месяцев.

– С телом Чингисхана тем более нельзя возвращаться в Иерусалим, – внимательно выслушав рассказ, покачал головой де Барн.

– Но и здесь оставаться тоже нельзя, – добавил гигант. Теперь он смотрел на уцелевшие кибитки с почтением. – Место такого кровопролитного сражения невозможно сохранить в тайне.

– Согласен, – кивнул приор. – Остается только решить, куда нам уходить, возвращаться назад или продолжать двигаться вперед к Мертвому морю?

– Не нужно возвращаться, – с помощью Грига в разговор вмешался Толуй. – Там мы не найдем места для того, чтобы укрыть драгоценный груз. Конечно, и путь вперед также чреват множеством опасностей, однако...

– Мне кажется, братья, – не дав киликийцу закончить перевод, произнес де Барн, что Господь сам указал нам путь к спасению.

Он протянул руку вперед, и все увидели, что часть каменной стены, которой заканчивалась верхняя площадка скального углубления, раскололась в нескольких местах и просела вниз, открывая узкий проход, уходящий в глубину скал.

– Жак, де Барн и Серпен! – вглядываясь в черноту, отдал команду приор. – Пойдите вперед и поглядите, что там внутри. В этих горах, чем ближе к морю, чем чаще встречаются ниши и провалы. Похоже, Господь, не оставив нас своей милостью, дает нам шанс найти надежное укрытие. У нас в запасе осталось несколько факелов, которые не намочил дождь. Возьмите их с собой, чтобы освещать путь.

Рыцари медленно двигались вперед, оглядываясь по сторонам и освещая себе дорогу. Оказалось, что за обвалившейся скалой находилась не очередная скальная ниша, а узкий

извилистый проход, уводящий разведчиков все ниже и ниже. Трудно было судить о расстояниях и высотах в темноте, но Жаку казалось, что они удалились от места боя на значительное расстояние.

Наконец, завернув за очередной поворот, они вышли в довольно широкое, укрытое среди скал ущелье. Оглядев круто уходящие вверх стены, Жак увидел, что они находятся на дне огромного скального провала. Расположенная прямо перед ними скала поднималась вверх тремя неширокими уступами, которые соединялись лестницами, высеченными прямо в камне. На первом и втором ярусе чернели ряды больших, в рост человека дыр, а самый верх венчал большой проход с высеченными прямо в скале резными колоннами.

– Пещерный город, – прошептал Серпен.

– Скорее не город, а древний тайный монастырь, – так же, не решаясь нарушить покой этого места, прошептал де Барн, указывая при этом на самую верхушку скалы, где был высечен огромный крест.

Крест был очень простой – прямоугольный, четырехконечный, с удлиненным нижним концом. Он не имел никаких украшений или надписей, так что судить о том, какая из многочисленных христианских общин укрывалась здесь от любопытных глаз, было невозможно.

– Надо поглядеть, что там внутри, – тихо произнес Серпен. – Так или иначе, лучшего места для того, чтобы спрятать сокровища монголов и тело Чингисхана, нам, похоже, не найти. Сделаем так. Ты, де Барн, возвращайся наверх и расскажи обо всем остальным. А мы с Жаком здесь пока оглядимся.

Яффский рыцарь исчез в проходе, а Жак и Серпен пересекли свободное пространство и, высоко поднимая ноги на крутых ступеньках, поднялись на первый уступ.

Нижний ряд пещер представлял собой кельи, в которых раньше обитали монахи. Кем они были, от кого прятались – понять было невозможно, так как все кельи были совершенно пусты и не имели никаких надписей или предметов, которые могли бы рассказать о своих хозяевах, словно все обитатели этого места в одночасье покинули его, наведя перед уходом идеальный порядок. Лишь самая крайняя, большая пещера хранила следы человеческой деятельности и была, по всей вероятности, предназначена для хозяйственных нужд. В ее конце был проделан дымоход, под ним устроен большой очаг, а в многочисленных нишах обнаружили сухие дрова, пережженный уголь и целая гора сухих сосновых факелов. Там же обнаружился неглубокий пролом, на дне которого чернела вода небольшого подземного озера.

– Кто бы ни были хозяева этих мест, но они покинули эти места задолго до того, как мы с тобой появились на свет, – сказал Серпен. – Однако проход, по которому мы сюда проникли, образовался только сейчас, после землетрясения. Интересно, как они до этого попадали сюда? Бот что, Жак, теперь у нас нет недостатка в освещении. Давай-ка разделимся. Ты поднимайся наверх и внимательно осмотри все, что там есть, а я пока спущусь и попробую разыскать путь, которым пользовались те, кто здесь жил.

Прихватив с собой несколько факелов, Жак взобрался на самый верхний уступ и остановился у колонн, напряженно вглядываясь в темноту и пытаясь осветить то, что находится внутри. Вскоре у него не оставалось ни малейших сомнений, что за колоннами находится высеченный в скале храм. Пройдя по короткому коридору, Жак оказался в большом купольном зале, разделенном колоннами на три нефа. Мечущийся под порывами сквозняка огонь вырвал из темноты потолок и медный светильник, на котором было не меньше сотни подсвечников. В глубине зала виднелся скромный алтарь с небольшим иконостасом, а стены церкви были покрыты фресками, столь яркими и сочными, что даже в желтом неверном свете факела они играли насыщенными цветами, словно неведомые иконописцы нанесли их на штукатурку только вчера.

В глубине правого нефа обнаружился еще один проход, ведущий в глубину горы. Зайдя внутрь, Жак понял, что попал в подземное монастырское кладбище. Длинная галерея с высеченными в стене локулами – погребальными нишами, в которых были уложены завернутые в саван скелеты, уходила вдаль, сколько хватало глаз. Влекомый странным любопытством, которое превозмогло вполне естественный страх, Жак двинулся вперед. Насчитав не меньше пятидесяти локул с мощами, он добрался до дальнего конца. Здесь, в последней нише, которая, в отличие от остальных, не имела пары на противоположной стене, лежал костяк, не завернутый в ткань. Похоже, что последний обитатель медленно вымирающего братства нашел в себе силы принять смерть в уготованном ему месте. Галерея завершалась просторной естественной пещерой.

– Что там, Жак? – раздался голос из дальнего конца галереи.

– Подойди сюда, Серпен! – отозвался Жак. – Похоже, что мы нашли нужное место.

– Видимо, они долбили свой коридор и наткнулись на эту полость, – довольно кивнул головой Серпен, – что же, ты, пожалуй, прав. Это идеальное место для того, чтобы устроить подземный мавзолей. Нужно скорее возвращаться и рассказать обо всем приору.

Они двинулись обратно по галерее.

– Ты обнаружил проход, по которому они сюда попадали? – спросил Жак у идущего впереди рыцаря.

– Конечно! – ответил тот. – Там, в противоположном конце провала, есть длинная узкая трещина, в которой и двум коням не разминуться. Я прошел по ней до конца – она выводит на склон горы к ущелью, как две капли похожему на то, по которому двигались мы. Теперь понятно, почему этот монастырь до сих пор никто не обнаружил. Я сам, отойдя на несколько шагов от трещины, потом нашел ее с огромным трудом.

– Я думаю, – сказал Жак. – Нужно идти наверх, вслед за Барном и не медля забирать всех сюда.

– Похоже, что в этом нет необходимости, – ответил Серпен, указывая рукой в сторону прохода.

Они только что вышли из пещеры и стояли на уступе, наблюдая за тем, как под стук деревянных колес и храпение лошадей отряд, возглавляемый Сен-Жерменом, выходит из скал и рассредоточивается по дну провала.

Когда последняя, третья кибитка остановилась у подножия скалы, Сен-Жермен и Толуй, внимательно осмотрев скальный монастырь, приняли окончательное решение.

– Мы спрячем тело и сокровища здесь, – сказал приор, – а сами уйдем по вновь обнаруженному проходу. Но нужно поторопиться – скоро полночь, а с первыми лучами солнца мы должны отсюда уйти.

– А если со стороны ущелья вдруг появятся враги? – усомнился де Барн. – К примеру, Фридрих, не имея вестей от наемников, отправит им вслед еще один отряд. Они пойдут по нашим следам и сразу же обнаружат пещеры...

– Не беспокойся, сир рыцарь, – ответил Недобитый Скальд. – Там под камнями осталось несколько сот несхороненных трупов. Поверь вояке, который всю жизнь провел в сражениях: не успеет завтра взойти солнце, как над ущельем будет стоять такой смрад, что не всякий стервятник решится опуститься. А снизу, со дна ущелья, образовавшийся пролом не разглядеть. Они решат, что все, кого не смыла вода, погибли от камнепада, и отправятся восвояси.

– Кроме того, – добавил мастер Григ. – В этих пещерах мы можем устроить надежный тайник, обнаружить который непосвященным не удастся никогда.

– За дело! – воскликнул Сен-Жермен. – Сир де Барн, стань на страже в проломе! Береженого, как известно, и Бог бережет.

Оставив Недобитого Скальда и Серпена разгружать кибитки, приор и монгольский хан в сопровождении Жака и мастера Грига поднялись наверх, через церковь добрались до конца кладбища-галереи и зашли в дальнюю пещеру.

– Подходящее место, – кивнул Толуй. – Здесь мы сможем спрятать саркофаг, заложив вход, а драгоценности и архивы оставить в галерее и надежно замаскировать.

– Идите все сюда! – отозвался из дальнего конца мастер Григ. – Здесь еще одно помещение. Действительно, из пещеры вглубь скалы шел короткий проход, завершавшийся естественной полостью, в которой можно было стоять, лишь наклонив голову.

– Теперь послушайте меня, – произнес киликиец. – Давайте попробуем занести саркофаг именно сюда, если, конечно, позволит его размер. Проезжая по пролому, я, кажется, видел все необходимое для того, чтобы сделать этот проход неотличимым от стены. А золото и драгоценности оставим в первой пещере.

Когда они вернулись обратно, кибитки стараниями двух рыцарей были уже разобраны на доски, а на земле стоял небольшой – размером немногим более обычного гроба – серый каменный саркофаг без рисунков и украшений. Рядом с саркофагом высилась гора небольших деревянных сундуков.

– Чираг-санг, фитильный камень, – прошептал мастер Григ, проводя рукой по сероватой шершавой поверхности. – Говорят, что это шерсть горной саламандры, которую она теряет, ползая по горам. Местные жители собирают среди скал по волоску, а потом скручивают в нить или сбивают, словно войлок. Фитиль, скрученный из этих волокон, может служить вечно. Скатерть, сотканная из них, не боится огня. Воистину, не нужно никак украшать саркофаг из чираг-санга – его ценят на вес жемчуга.

– Мой отец всегда был очень предусмотрительным и прислушивался к словам мудрецов, – кивнул в ответ Толуй. – Такой саркофаг совсем не боится огня, а на бумаге, сделанной из чираг-санга, – он указал в сторону сундучков, – в последние годы жизни великого хана велись все его личные записи.

Все вместе они подняли саркофаг на плечи. Только теперь Жак понял, почему монголы смогли его столь быстро и незаметно перевозить в легкой кочевнической кибитке, – камень чираг-санг оказался легким, как дерево. В несколько приемов, обдирая ладони и ломая ногти, они занесли саркофаг в выбранную пещеру, чуть передохнули и принялись поднимать наверх монгольские сокровища. Набитые золотом увесистые сундучки имели по бокам медные ручки, и их удобно было переносить вдвоем. Присутствующие разбились на пары. Один лишь Недобитый Скальд, что-то бурча себе под нос и гордо поглядывая на остальных, переносил груз в одиночку без видимых усилий. Когда работа была, наконец, закончена, луна уже зашла за скалы, и все едва держались на ногах от усталости. Позвав де Барна, который охранял проход, они все собрались в пещере и, держа в руках факелы, сгруппировались вокруг саркофага.

– Помогите его открыть, – попросил Толуй.

Он, Жак, Сен-Жермен и де Барн, передав факелы стоящим рядом, взялись за углы, подняли хорошо притертую крышку и осторожно уложили ее на каменный пол. Толуй поднял серую грубую ткань, укрывавшую тело вместо савана. Жак вздрогнул. В глубине души он знал, что увидит именно это, но все же, как оказалось, был не до конца готов к тому, что все грезы и видения, что приходили к нему в последние дни, окажутся явью. Если с самого дня ранения на берегу Тигра у него были еще какие-то сомнения, кем на самом деле является старик, ожидающий за каменной Стеной, то теперь их больше не оставалось. Морщинистое лицо очень старого человека, с небольшой бородкой и редкими волосами, одетого в доспех простого монгольского нукера, вне всякого сомнения, было именно тем самым лицом. Самым поразительным было то, что перед ними была не полуразложившаяся мумия, а человек, будто

умерший только вчера. Грозный полководец, повелитель мира, при упоминании одного лишь имени которого трепетала вселенная, словно уснул безмятежным сном ребенка. Кончики губ Чингисхана были чуть растянуты, и в дрожащем свете факелов, что отбрасывали на лицо покойного скачущие тени, казалось, что старик улыбается во сне.

Толуй медленно опустился на колени, осенил себя крестным знамением и начал тихо, вполголоса молиться.

– Среди нас нет священника, и мы не можем отслужить всенощную службу, – прошептал Сен-Жермен. – Давайте же последуем примеру хана и просто помолимся за упокой души великого воина, мудрого правителя и первого христианского императора Востока.

Посланники, укрепив факелы в трещинах на стенах, преклонили колени и начали читать «Отче наш...». Завершив молитву, они снова закрыли саркофаг.

– Почти два года прошло с тех пор, как душа твоего отца отправилась на небо, – произнес, обращаясь к Толую, приор, – а его брменная плоть совсем не подвержена тлетворному воздействию смерти. Придет время, и его, как христианского подвижника, чья плоть нетленна, должно быть, причислят к лику святых.

– Дело здесь не в Божьем промысле, – ответил монгольский хан, – а скорее в предусмотрительности самого отца и древних секретах шаманов одного из завоеванных нами тибетских племен. После падения с коня он, предчувствуя надвигающуюся смерть, приказал подготовить все, что необходимо для бальзамирования.

Теперь посланникам оставалось лишь тщательно скрыть тайник. Мастер Григ, оставив рыцарей закладывать вход в пещеру камнями, взял с собой Недобитого Скальда и отправился в скалы.

– Я видел там особый камень, – пояснил он остальным. – Если его растолочь и смешать с известью и глиной, а затем залить водой, то высохшая смесь становится прочнее гранита. Еще римляне использовали его для своих построек.

Вскоре они возвратились назад с двумя большими мешками.

– Мне понадобится помощь, – сказал киликиец. – Возьмите вот эти серые камни и при помощи кусков гранита истолките их в порошок. А я пока разведу в воде известь.

Сделав нужную смесь, мастер Григ нашел углубление в каменном полу, засыпал ее туда, залил водой и тщательно перемешал. Затем, с помощью обломка доски, он начал замазывать каменную кладку и поверхность стены. Все присутствующие наблюдали за спорой работой вольного каменщика, определенно искушенного в своем ремесле и не зря носящего титул мастера. По настоянию Толуя, рыцари оставили внутри пещеры с саркофагом горящие факелы. По мере того как киликиец замазывал щели между камнями, дрожащий свет, пробивающийся из глубины, становился все слабее и, в конце концов, окончательно померк.

– Здесь сухо, – произнес киликиец, закончив работу. – Через день-два стена будет выглядеть как цельный кусок скалы, а полость внутри невозможно будет ни обнаружить, ни простучать.

– Ты делаешь все так, будто мы собираемся оставить здесь саркофаг на века, – произнес Серпен.

– Кто знает, что нас ожидает по ту сторону гор? – ответил задумчиво мастер Григ. – Все в руках Господних, а будущее Иерусалима не внушает мне радости. Может случиться и так, что мы возвратимся сюда через много лет.

– Ты думаешь точно так же закрыть и эту пещеру? – спросил Сен-Жермен, указывая на сложенные посредине сундуки.

– Думаю, что мы поступим более предусмотрительно, – ответил мастер Григ. – Пусть это золото охраняет покой Чингисхана. Грабители или враги, добравшись сюда, не будут искать

дальше – я сделаю вход в первую пещеру чуть более приметным. Получив свою дань, разорители могил вряд ли будут продолжать поиски – здесь целая гора золота. Ну а те, кто придет вслед за ними, увидят, что пещера разграблена, и уйдут несолоно хлебавши.

– Я хочу забрать с собой иерусалимскую корону и письма Святого Гроба, – сказал Сен-Жермен. – Ты не против, Толуй?

– Они принадлежат тебе по праву, приор, – ответил хан, указывая на сундук, в котором хранились реликвии.

– Я слышал от одной из деревенских колдуний, – несмело добавил Жак, – что клады часто заговаривают на определенное число голов...

– Это еще как? – удивился Недобитый Скальд. Достославный воин искренне верил в Христа и в жизни не придавал особого значения суевериям.

– Это значит, что спрятанный клад откроется чужим только после того, как погибнет или будет убито указанное в заклятии число людей. Все грабители и разорители могил как огня боятся заговора на головы.

– А самого заклятия твоя колдунья не говорила? – спросил, ухмыляясь, гигант.

– Я маленький был, – нахмурившись, ответил Жак, – и отец меня к ней водил гадать на удачу и счастье. Вот она и про клады рассказывала. Сам не знаю, с чего вдруг мне это припомнилось. А говорила что-то такое. – Он начал, по ходу вспоминая слова, декламировать низко, нараспев: – «Ехал старец седой, конь под ним вороной. Скакал он по тайным тропам, спешил по ратным делам. Золото-серебро! Под землю ложись, на покой становись. Старик тебя запирает, на упокой оставляет. А лежать тебе тут невозбренным, пока хозяин за тобой не возвратится или седьмая голова в сырую землю не ляжет. Слово мое крепко».

Голос Жака гулко звучал под сводом подземелья. Не успел он договорить последнее слово, как по пещере, забираясь под доспехи и камизы, неизвестно откуда взявшись, вдруг пробежал поток ледяного воздуха. Огни факелов задрожали и едва не погасли, а из темного конца пещеры будто послышался негромкий придавленный смех. У посланников пробежал по коже мороз. Не сговариваясь, они в молчании покинули пещеру, после чего мастер Григ плотно заложил проход.

Скалы успели за ночь изрядно остыть, и, чтобы согреться в ожидании рассвета, они сложили из обломков кибиток большой костер.

– Что это ты, в самом деле, Жак, колдовство какое-то учудил? – никак не мог уgomониться Недобитый Скальд. – Заговорил, выходит, монгольские сокровища на семь голов. А почему именно на семь?

– Я, ты, мессир, хан, Серпен, мастер Григ, де Барн и Робер, – протягивая руки к дымящимся сырým доскам, тихо ответил Жак. – Нас семеро осталось.

– Брат Жак, – сочувственно сказал Серпен, – Робера больше нет. Он погиб.

Жак вздрогнул и обернулся к товарищам:

– Да, погиб, что это я, в самом деле. А как чуть забудусь, мне кажется, что он здесь, вместе с нами.

– Мы сделали все, что в наших силах, – отчасти отвлекая рыцаря от горьких мыслей, произнес Сен-Жермен. – И теперь, когда тело Чингисхана надежно укрыто, мы должны подумать всерьез о ближайшем будущем.

– Что вы имеете в виду, мессир? – удивленно спросил де Барн. – Все совершенно ясно. Теперь нам нужно как можно скорее добраться до Иерусалима...

– И кому мы собираемся вручить там инсигнии королевства? – жестко ответил приор. – Фридриху или, если тот уже успел сбежать на Сицилию, его наместнику, графу Томмазо д'Арчерра?

– Согласен с мессиром, – поддержал приора Серпен. – Как можно отдать корону Фридриху, который ее не заслужил?

– С другой стороны, – продолжал Сен-Жермен, – патриарх Иерусалимский печется больше о своей мирской власти, нежели заботится о святой земле. Вручать ему то, что мы ценой таких потерь смогли доставить в Трансиорданию, в то время как Иерусалим находится под интердиктом, очень неразумно. В конце концов, мы были посланы на верную смерть и погибли, выполнив свой рыцарский и крестоносный долг. Мертвые освобождены от любых обетов. А мы с вами теперь мертвы – как для мирян, так и для предателей-духовников. Поэтому, друзья, я хочу вам предложить вот что. Здесь находятся шесть человек, посвященных в тайну. Давайте же прямо здесь и сейчас создадим новое братство и поклянемся молчать до тех пор, пока святая земля не будет вновь отвоевана христианами. И мы, братья короны Иерусалимской, будем хранить ее до тех самых пор, – приор поднял над головой золотой обруч, который все это время держал под плащом, и в темноте заиграли драгоценные камни, – пока королевство не возглавит настоящий король – крестоносец. Только его чело будет увенчано этой короной. Пусть хан Толуй отправляется в Каракорум и возвращается во главе победоносной армии. Мы же пока укроемся на севере, в горах Тавра. Там, на одной из неприступных скал, что носит название Хааг, живет мой старый друг, командор тамплиеров барон де Ту. После разграбления христианского Константинополя он проклял двуличное папство, отложился от ордена, восстановил древнюю крепость и много лет живет со своими бесстрашными рыцарями, держа в страхе латинских императоров и конийских султанов.

– Хааг? – переспросил удивленно мастер Григ. – Но это же гора на самой границе с Киликией. Неподалеку от нее, с другой стороны хребта, расположено селение, где я появился на свет.

– Ну что же, тем лучше, – кивнул приор. – Будет кому указывать дорогу. Де Ту не станет задавать лишних вопросов и позволит укрываться нам самим и скрывать инсигнии до тех пор, пока не придет время возвратиться в Иерусалим. Что скажете, братья?

– Я согласен, – просто ответил Жак.

– Ты наш приор, тебе и решать, – кивнул Серпен.

– Я пулен, урожденный сеньор Иерусалимского королевства, – произнес де Барн, – и мое место среди защитников его истинной короны. Я согласен вступить в новое братство.

– Эх, не видать мне родного Гента, как своих ушей, – вздохнул Недобитый Скальд. – Но, клянусь головой Иоанна Крестителя, сир Макс из Гента никогда не бросал друзей в опасности. Короче, я с вами.

Толуй что-то негромко произнес.

– Хан выслушал твои слова, приор, – перевел мастер Григ, – и полностью согласен с тобой. Он говорит, что завтра покинет вас и в одиночку возвратится в Монголию, чтобы как можно быстрее возвратиться обратно. Здесь, – киликиец указал на два сундука, стоящие на самой границе образованного костром светового пятна, – золота вполне достаточно для того, чтобы исполнить все обеты. И если он вернется назад великим ханом, ваше братство станет первым франкским орденом при его дворе. От себя же добавлю, – добавил мастер Григ, – что и я не вижу иного пути, кроме того, что указал нам приор.

– Значит, новый крестоносный орден... – сказал де Барн. – А как он будет организован и кто его возглавит?

– Перед короной Иерусалима и мавзолеем Чингисхана мы все равны, – ответил Сен-Жермен. – Я думаю, что не время сейчас устраивать капитул. Давайте прежде доберемся до скалы Хааг, а там уже будем решать, как нам все организовать.

Поклянемся, что будем хранить тайну инсигний королевства и тайну о месте, где находится

тело Чингисхана до тех времен, когда в Заморье прекратятся раздоры и междоусобицы. Клянемся дождаться появления настоящего правителя и лишь ему передать корону. Клянемся, что если нас разлучит судьба, то каждый из нас назначит себе преемника, которому он передаст свое имя и которого он посвятит в тайну, чтобы наше братство не погибло вместе с нами. И пусть даже если при нашем поколении тайна не будет раскрыта и наших преемников будут разделять религии, языки и расстояния, то они будут продолжать служить лишь праведному делу и истине.

– Клянемся! – вытащив из ножен мечи и скрестив их над пламенем, произнесли в один голос Григ, Барн, Серпен, Недобитый Скальд и Жак.

Словно принимая обет, костер выпустил в небо высокий огненный язык.

– А теперь, братья, – сказал Сен-Жермен, – устраивайтесь у костра и постарайтесь хоть немного отдохнуть. Мы выступаем с первыми лучами солнца.

Рассвет они встретили у догорающего костра. Очнувшись от тяжелой дремы, Жак увидел, что рыцари уже встали и теперь седлают коней и пакуют переметные сумы. Лошади, не получившие с вечера привычные порции отборного зерна, обиженно храпели и рыли копытами землю.

– Ты был прав, мастер Григ! – раздался сверху голос брата Серпена. Он стоял у входа в пещерный храм, сжимая в руке горящий факел. – Место, где находился пролом, теперь невозможно отличить от стены. Отличная работа.

Чтобы привести себя в порядок после тревожного и тяжелого сна, Жак спустился к подземному озеру. Студеная вода, набранная полной пригоршней, обожгла лицо и сразу же напомнила про то, как они с отцом, готовясь выезжать на обрезку виноградной лозы, вот так же умывались у дворового колодца, лучше которого не было ни у кого вокруг.

На выходе из пещеры его ожидал Сен-Жермен.

– Предстоящий путь чреват множеством опасностей, а лучшего проводника и попутчика, чем звонкая монета, трудно найти. Мы разделим все золото на шесть равных долей, и каждый из нас повезет свою часть, – Толуй подошел к сундукам и откинул языки железных запоров. Они были доверху набиты золотыми монетами самого разного происхождения.

– Так вот почему они были такими тяжелыми, – присвистнул Недобитый Скальд.

– Теперь осталось решить, кто повезет инсигнии, – Сен-Жермен поднял, удерживая двумя руками, большой прямоугольный сверток, в котором угадывались очертания книги – писем Святого Гроба.

Приор обвел взглядом всех присутствующих и, ненадолго задержавшись на Жаке, протянул ее мастеру Григу.

– Твой конь, Лаврентиус-Павел, чудом уцелел, брат, – сказал он, обращаясь к киликийцу. – А всем известно, что это самый сильный першерон из тех, что привозили когда-либо в Акру. Такой ценный груз нельзя доверять вьючной лошади, поэтому книгу я передаю тебе.

Мастер Григ с поклоном принял реликвию и уложил ее в седельную суму.

– Корону, – продолжил приор, – я доверяю тебе, брат Серпен.

Жаку достался крепкий каурый жеребец, принадлежавший раньше одному из орденских сержантов. Конь был не очень резвый, но довольно выносливый, и он решил все золото, которого оказалось неожиданно много, нагрузить на него, доверив остальную поклажу молодой, серой в яблоках кобыле, которая должна была выполнять роль вьючной лошади.

Когда краешек солнечного диска появился над каменной стеной, в лагере завершались последние приготовления.

– У меня есть немного времени, мессир? – спросил Жак, первым вскочив на коня. – Если вы не против, я поднимусь вверх. Хочу попрощаться с Робером и помолиться за спасение его

души.

– Я не могу отказать тебе в этой просьбе, брат-рыцарь, – отвечал Сен-Жермен. – Но поторопись! Уже наступил рассвет, а первый день пути, как тебе уже известно, всегда самый опасный.

Жак благодарно кивнул и натянул поводья. Конь развернулся и шагом пошел в сторону пролома, ведущего к месту вчерашней битвы. Заворачивая за скалу, Жак непроизвольно бросил взгляд назад. Сен-Жермен уже был в седле и, ожидая товарищей, стоял, по своему обыкновению, недвижно, словно конная статуя. Недобитый Скальд привычно успокаивал доставшегося ему жеребца, прежде чем обрушить груз своего тела на спину бедного животного. Серпен в который раз проверял подпругу и подтягивал ремни, удерживающие переметную суму, в которой лежала иерусалимская корона. Мастер Григ взводил арбалет, проверяя прочность тетивы. Де Барн трепал холку коня и кормил его с руки каким-то лакомством. Толуй стоял, обратившись лицом к колоннам храма, в глубине которого покоилось тело Чингисхана, и молился.

Не желая задерживать остальных, Жак заставил Каурого перейти на рысь и быстро достиг выхода из пролома. На место вчерашнего боя, похоже, слетелись все птицы-падальщики Трансиордании, и склон, устланный телами убитых, теперь был покрыт копошащейся массой ворон и стервятников. Завидев всадника, птицы тучей взмыли в воздух. С трудом выбирая место, чтобы поставит копыто, Каурый медленно, шаг за шагом приближался к тому самому камню, где погиб Робер де Мерлан. Достигнув цели, Жак остановил коня и, стараясь не глядеть под ноги, осторожно опустился на землю.

Чтобы отыскать в этом зловещем завале тело погибшего друга, понадобился бы не один день. Жак вытянул из ножен меч, опустился на колени, сложил руки и шептал слова молитвы в надежде, что душа Робера, которая, как известно, первые три дня после смерти еще не расстается с телом, его услышит. Завершив молитву, он еще некоторое время сидел, глядя на залитый кровью камень и вспоминая их последний разговор. «Ты был слишком уверен в своей неминуемой смерти, Робер, – думал он, теребя в руках потемневшие от пота пергаментные листы с завещаниями арденнского рыцаря. – Ты бросил вызов судьбе и дал обет, что если выживешь, то станешь отшельником. Пути Господни неисповедимы, и он, зная, что ты непременно нарушишь свою клятву, приблизил твой последний час».

Прерывая тяжелые мысли, за спиной у Жака раздался грохот. Так же, как и вчера, испуганно закричали едва разместившиеся на скальных насестах птицы, земля задрожала под ногами, и что-то застучало по кольчуге, словно в спину швырнули горсть сухого гороха. Жак упал лицом вниз и вжался в землю, ожидая нового камнепада.

Однако землетрясение оказалось совсем коротким – он не успел бы сосчитать и до двадцати, как грохот стих, а земная твердь перестала сотрясаться под ногами. Ожидая нового толчка, Жак медленно поднялся на ноги. Рядом испуганно храпел Каурый, однако той страшной паники, что овладела вчера лошадьми, его новый конь не проявлял. Оглядевшись по сторонам, Жак понял, в чем дело. Полный самых дурных предчувствий, он взял коня под уздцы и двинулся в сторону медленно оседающего облака пыли.

Худшие его опасения оправдались. Часть каменной стены, нависавшая над проходом, ведущим к монастырю, не выдержав бремени собственного веса, откололась от монолита и обрушилась вниз, плотно закупорив образованный землетрясением проем. Теперь на месте прохода серела такая же, как и раньше, высокая каменная стена. Внимательно оглядев неожиданно возникшее препятствие, Жак с ужасом осознал, что обвалившаяся скала непреодолима – по гладкой каменной поверхности могли взобраться вверх разве что ящерицы да пауки, а все щели, в которые можно было бы, наверное, протиснуться, наглухо завалили

обломки и каменная крошка. Стоя под стеной, Жак кричал, в надежде, что его услышат оставшиеся по ту сторону братья, а затем надолго замолкал и прижимал ухо к камню, ожидая услышать хоть какой-то звук. Но все было тщетно – то ли завал был столь обширен, что не пропускал ни единого звука, то ли оставшиеся у скального монастыря сами погибли под градом камней. Долго кричал, но его крики оставались без ответа.

Солнце уже было высоко, когда Жак убедился в полной тщетности всех своих попыток. Остаться здесь дальше было уже невозможно – над камнями поднималось обещанное Скальдом зловоние. Жак вскочил на коня и обвел угрюмым взглядом ущелье, в одночасье отобравшее у него всех, кто ему был дорог в этом мире.

– Значит, скала Хааг? – спросил он сам себя. – Ну что же, братья. Если вы остались живы, то рано или поздно мы встретимся там. Искать вас в одиночку в этих горах глупо и бессмысленно, так что теперь путь у меня один – Иерусалим!

Спустившись по склону на дно ущелья, Жак пришпорил коня и тяжелой рысью двинулся в сторону Мертвого моря.

Не успел затихнуть вдали гулкий цокот копыт, как первый стервятник, убедившись, что более никакая опасность не угрожает прерванному пиру, с клекотом слетел со скалы и, приволакивая крылья, начал осторожными перебежками приближаться к тому месту, где, по его мнению, находилась самая ценная добыча. Он подобрался вплотную к добыче, довольно подернул лысой головой, прицелился куда-то под камень и с размаху ударил клювом в помутневший, широко раскрытый глаз, который выглядывал из завала. Убедившись, что их товарищ остался цел и невредим, с насеста обрушился второй, затем третий, четвертый, и вскоре вся стая, громко хлопая крыльями, спустилась вниз.

Стервятник, продолжая выискивать лакомые куски, наклонился и засунул голову в углубление, образованное телами и упавшим на них сверху куском скалы. Вдруг оттуда появилась короткопалая пятерня, покрытая густыми рыжими волосами. Ее обладатель ловко и расчетливо, одним движением, схватил птицу за длинную, лишенную перьев шею и с хрустом переломал ей позвонки.

Глава седьмая,

в которой выясняется, что никакой интердикт не может остановить пилигримов, усердных в вере

Иерусалим, 1229 год от Р. Х., канун Похвалы Святой Богородицы (30 марта)

Путь к побережью Мертвого моря стал еще одним тяжким испытанием. Дно ущелья еще не успело высохнуть после наводнения, и Жаку то и дело встречались застрявшие меж камней, словно рыбы, застигнутые отливом, избитые обезображенные тела, в которых он несколько раз с ужасом признал братьев ордена-рыцарей и сержантов.

Возвращаться в обитаемые земли в орденском платье было настоящим безумием, и Жак, превозмогая брезгливость и отвращение, уж собрался было воспользоваться одеждой одного из утонувших врагов, как судьба подкинула ему подарок в виде переметной сумы одного из генуэзцев, которая зацепилась ремнем за острый край скалы. В ней обнаружилась темно-серая камиза из грубого хлопка, недорогая черная котта,^[33] брэ, шоссы и мягкие кожаные башмаки. Одежда пришлась ему почти впору, так что из скал на побережье уже выехал не рыцарь Святого Гроба, а просто одинокий франкский всадник неизвестно чьей принадлежности. Не зная здешних гор, в одиночку, с переметными сумами, доверху набитыми монгольским золотом, пытаться разыскать в горах проход, ведущий в скальный монастырь, где остались братья, было делом изначально обреченным на неудачу. Поглядев на солнце, висящее над недвижными водами, в глубине которых покоились развалины библейских Содома и Гоморры, он постоял, размышляя, что ему делать дальше, и направил коня на север.

Для того чтобы добраться до Иерусалима, ему понадобилось четыре дня. В первом же арабском селении он, не желая рисковать жизнью и имуществом, нанял у местного эмира отряд из семи человек, заплатив ему десять серебряных дирхемов и пообещав награду каждому из всадников, если они доставят его до Аль-Кудса (так называли Святой Град мусульмане) целым и невредимым. Эмир долго боролся с искушением ограбить невесть откуда взявшегося назарея, который был настолько безрассуден, что путешествовал в здешних местах в одиночку. Однако здравый смысл переборол в нем природную тягу к грабежам и он, опасаясь, что этот воин – гонец, вслед за которым из ущелий выйдет большой отряд, предпочел синицу в руке.

Никем не признанный, Жак переправился через реку Иордан, миновал Иерихон и на закате дня добрался до тевтонской заставы, расположенной на месте разрушенных Восточных ворот. Там он отпустил сопровождающих, расплатившись щедро, но не чрезмерно, и, расспросив у орденского сержанта, как ему добраться до нужного места, двинул коня по узким восточным улочкам, распугивая редких по вечерней поре прохожих.

Жак, мечтавший о встрече с Иерусалимом с тех самых пор, как покинул отчий дом, оказался совершенно не готов к тому, что древний город, место чаяний и устремлений многих тысяч верующих, колыбель христианства, центр обитаемого мира, окажется обычным арабским захолустьем. Святой Град был бело-желтым пыльным селением, состоящим из невысоких, от силы двухэтажных домов. Окружающие его когда-то древние стены были разрушены, и единственным здешним укреплением оказалась цитадель, еще во времена первых крестоносцев получившая название башни Давида, – уродливый квадратный донжон, окруженный невысокой стеной, вокруг которой теснились разномастные, наспех сложенные из подручного материала бедняцкие постройки.

Церковь Святого Гроба обнаружилась лишь после долгих поисков и нескончаемых расспросов. Она пряталась в лабиринте улиц, в конце глухого, плотно застроенного квартала.

Зная о том, что в подвергнутых интердикту городах запрещалась любая церковная служба, Жак не удивился, обнаружив, что высокие и мощные ворота, приличествующие скорее не храму, возведенному над местом, где был распят и воскрес Спаситель, а хорошо укрепленной крепости, были наглухо затворены и надежно заперты изнутри на засов. Он спешил и долго стучал кулаком в калитку, но изнутри не слышалось ни звука. Лишь после того, как он пустил в дело ножны и пригрозил, что войдет вовнутрь во что бы то ни стало, из окошка над входом показалась макушка с плохо выбритой монашеской тонзурой.

– Вот я тебя, охальник! – раздался знакомый голос. – Ходят и ходят тут целыми днями. Сказано же было, что город, по приказу его высокопреосвященства патриарха Геральда де Лозанна, отлучен епископом Петром Кесарийским и находится под интердиктом, поэтому доступ в храм закрыт до особого распоряжения. Ступай, пилигрим, откуда пришел. А будешь бесчинствовать – кликну братьев-тевтонцев. Уж они твою прыть живо умерят.

– Смотри только, чтобы я тебе в кликалку меч не воткнул, святой отец, – весело отозвался Жак. – Лучше ответь мне, приятель, с каких это пор ризничий бенедиктинского монастыря охраняет вход в церковь Святого Гроба?

Его слова произвели на неведомого хранителя церкви немедленный эффект. Не успел Жак закончить фразу, как вслед за тонзурой из окошка высунулась вся голова целиком, затем, с трудом протискиваясь меж стен, в окне появились упитанные плечи, укрытые шерстяной рясой, которая местами еще сохраняла свой первозданный белый цвет, предписанный инокам еще святым Бенедиктом Нурсийским в знак чистоты их духовных помыслов и мирских деяний. Жак не ошибся – самые желанные в христианском мире ворота действительно охранял бывший послушник, который был знаком ему еще по путешествию из Марселлоса.

– Глазам своим не верю, – отозвался монах, и его откормленное лицо озарила широкая, добродушная улыбка. – Это вы, господин Жак! Вот уж воистину неожиданная встреча. А я-то думаю, что за неведомый рыцарь, статный да пригожий, ломится ко мне на ночь глядя. Погодите, сейчас я спущусь и отопру вам дверь...

Вскоре за воротами раздались торопливые шаги, скрежет отодвигаемого засова, и в правой половине врат отворилась едва заметная калитка.

– Где я могу оставить коня? – спросил Жак у монаха.

– Там, справа, во дворе есть коновязь, которой пользуются госпитальеры, – ответил тот. – Привяжите его вместе с лошадьми братьев-рыцарей и можете не беспокоиться ни за животное, ни за поклажу.

Воспользовавшись советом, Жак отвел коня во двор, препоручив его заботам конюха, одетого в бурое сюрко с крестом ордена Святого Иоанна. Седло и поклажу он, однако, забрал с собой. Возвратившись к воротам, Жак, перешагнув через высокий порог, ступил под гулкие своды храма. Изнутри церковь оказалась намного больше и значительнее, чем выглядела снаружи. Сумрак не давал рассмотреть все внутреннее пространство в подробностях, в глаза ему бросились лишь сложенные из прямоугольных блоков серого палестинского песчаника стены да мерцающие в отдалении лампы.

Жак оставил поклажу, прошел вперед и, встав напротив алтаря, несколько раз осенил себя крестным знаменем. Хранитель церкви затворил за ним калитку, наложил на нее засов, способный выдержать не меньше полутора сотен ударов большого крепостного тарана, и присоединился к нему. При виде золотых шпор и рыцарского пояса глаза послушника округлились.

– Так, значит, вы теперь не орденский сержант, а брат-рыцарь, – уважения в его голосе ощутимо прибавилось. – Ну что же, не знаю как для кого, а для меня новость сия не стала большой неожиданностью. Слава о ваших с сиром Робером деяниях до сих пор гремит по всему

Заморью. Буду несказанно рад, сир рыцарь, если вы согласитесь разделить со мной скромную трапезу. Уж не обессудьте – сейчас время Великого поста, а потому стол мой, как и подобает скромному служителю Господнему, постен и небогат.

– Я успел закусить по дороге, в духане, что стоит на дороге, ведущей к Храмовой горе, – возвращаясь к оставленным вещам, произнес Жак. – Так что не переживай, монах, все, что мне нужно, – это разве что кружка чистой колодезной воды.

Они прошли через боковой притвор, свернули в узкую сводчатую галерею и оказались в просторной келье. Здесь, как пояснил монах, испокон веку обитали святые отцы, охраняющие церковь по ночам от безбожных сарацинских воришек, для которых ограбить величайшую христианскую святыню было все равно что мацу у еврея на базаре стянуть.

«Скромная монашеская трапеза» включала в себя кувшин греческого вина, двух свежесваренных омаров, которыми можно было легко насытить троих или четверых человек, ведерную миску отборных мясистых оливок и целую гору ливанских сладостей, выложенных на широкое плоское блюдо с затейливым восточным орнаментом.

– Одна живущая неподалеку набожная вдовица, – с хрустом взламывая ярко-красный панцирь, пояснил монах, – из любви к Господу согласилась два раза в день доставлять ко мне в обитель сию не стоящую доброго слова стряпню, которую я и вкушаю, только для того, чтобы не протянуть ноги от голода и иметь силы для ежедневного прославления имени Господа нашего Иисуса Христа.

С этими словами монах вгрызся чуть не по уши в белое сочное мясо, зацепил из миски пригоршню оливок и немедленно отправил их в рот. Прикинув, в какие деньги обошелся служителю Господа его скудный постный ужин, Жак перестал удивляться тому, что встретил своего старого знакомого именно в этих местах...

– Расскажи мне, святой отец, что тут у вас происходит? Я и вправду около года был в отлучке и словно возвратился в другую страну.

– Что вам сказать, сир? – вздохнул монах, сплевывая оливковые косточки в ладонь. – Святой Град ныне пребывает в столь странном положении, что этого в двух словах, пожалуй, и не опишешь. После отбытия его величества императора Фридриха со всей его армией обратно в Яффу его наместник, Томмазо д'Арчерра, сказал, что, пока Иерусалим не имеет мощных укреплений, переносить сюда столицу королевства нельзя. Это было бы равносильно тому – да простит меня Всевышний, но я лишь в точности повторяю сказанное, – чтобы добровольно засунуть собственные яйца в щель двери, ручку которой тянут в разные стороны дамаский и каирский султаны. Как только один из них перетянет, или же они смогут договориться, тут-то Иерусалим так прижмут, что визг будет слышен до самой Ирландии. Так что сейчас в городе из всех войск квартируют лишь тевтонцы, что укрепились в башне Давида, да госпитальеры, живущие в своем дворце и охраняющие странноприимный дом. Пару месяцев назад, правда, прибыли францисканцы. Они обосновались как раз на середине Via Dolorosa – Страстном пути, на третьей остановке, где Симон из Киренаики взялся нести крест, помогая Спасителю. Вот и вся христианская община в сегодняшнем Иерусалиме. А рыцари Храма в город так и не пришли, потому что их Тампль остался под властью сарацин – на Храмовой горе, как и раньше, мусульмане молятся и совершают свой хадж. Вон, сами послушайте.

Действительно, из-за стрельчатых окон доносился высокий напевный голос муэдзина.

– А тут еще отлучение это, будь оно неладно, – покончив с омарами и отдавая должное халве, шербету и заваренным в сахарном сиропе фруктам, продолжил монах. – Правда, прибывающие в Акру и Яффу паломники посещают Вифлеем – это сейчас считается вроде как исполнением обета. Однако многим истинно верующим, к счастью, этого недостаточно, и они, попав в святую землю, непременно хотят хоть одним глазком поглядеть на место, где воскрес

наш Спаситель.

Жак, почуяв зерно истины в последних словах, чуть подался вперед. Монах, поняв, что сболтнул лишнего, вцепился в кувшин с вином и сделал три таких огромных глотка, что ему мог бы, наверное, позавидовать и сам Недобитый Скальд.

– А что же с церковью Святого Гроба? – поинтересовался Жак. – Ни за что не поверю, что ты сейчас единственный и бессменный ее протектор...

– Еще Саладин, изгнав из города весь латинский клир, отдал церковь Святого Гроба Константинопольскому патриарху, – отдышавшись после выпитого, пояснил монах. – Однако одновременно с греками он разрешил совершать здесь богослужения и христианам подвластных ему земель – армянам, маронитам-сирийцам и коптам-египтянам, разделив, таким образом, храм на четыре части. Но после передачи города Фридриху все они, ожидая возвращения франкских крестоносцев, пустились наутек. Вот теперь никто и не может решиться взять на себя ответственность за церковь до тех пор, пока папа не снимет отлучение. Были тут, правда, два английских епископа, что прибыли в свите императора. Пытались свои порядки наводить, но после первого же сарацинского набега, позабыв про пастырский долг, быстро ретировались в Яффу. В общем, сир рыцарь, врать не буду: живем тут, как суслики, – каждый в своей норе. Боимся всех – сарацин, христианских разбойников, друг друга и собственной тени. А весь патриарший клир, так и не решившись переехать в Иерусалим, сидит по-прежнему в Акре.

Монах еще долго говорил, пересказывая Жаку палестинские сплетни и новости, и, по вьезшейся в кровь привычке, жаловался на жизнь, каждым третьим словом намекая на жертвования. Однако на все попытки выяснить, при каких обстоятельствах он поменял сытное монашеское место в Яффе на опасную и голодную должность сторожа при запертом храме, отважный инок хранил молчание, достойное истинного подвижника, отделяясь лишь общими, ничего не значащими и ничего не поясняющими фразами.

Убедившись, что проникнуть в тайну столь странного изгиба пастырской карьеры ему не удастся, Жак, дождавшись, когда монах завершит трапезу, поднялся со скамьи.

– А теперь, отче, отведи меня к Гробу Господню, – сказал он тоном, не предполагавшим ни малейших возражений.

Монах не стал возражать и не высказал ни малейшего удивления. Он вытер руки об полы своей рясы, порылся в дальнем углу, достал большую, в руку толщиной, сальную свечу, зажег ее от стоящей на столе лампы и, жестом пригласив рыцаря следовать за собой, покинул келью.

Они пересекли пустое пространство и оказались под куполом небольшой базилики, известной всему христианскому миру как Царская опочивальня – Кувуклия. Миновав помост, соединяющий храм с гробницей, Жак с монахом остановились подле камня, отваленного ангелом от Гроба Господня. Отсюда, через неширокий проход, было видно погребальную камеру и ложе Спасителя, с которого он, приняв смерть и искупив грехи человечества, восстал к новой, вечной жизни.

– Зажги мне все свечи, что здесь есть, и ступай к себе, – склоняясь в низком поклоне, тихо произнес рыцарь.

– Да как же так, монсир, ведь запрещено... – попробовал возразить монах, но Жак бросил на него взгляд настолько тяжелый, что тот осекся на полуслове.

– Я оставлю тебе жертвование, достаточное для того, чтобы целый месяц освещать весь храм свечами португальского воска и лампами, наполненными лучшим оливковым маслом, – тихо проговорил Жак.

Монах склонил голову, всем своим видом показывая, что он, скромный служитель храма, вынужденно подчиняется грубой силе. Вскоре небольшое помещение осветили десятки свечей.

– Покинь меня, – устремив взгляд на гробницу, повторил рыцарь, – я хочу остаться здесь

один.

Монах поежился, втянул плечи, перебирая толстыми пальцами большие сандаловые четки, забубнил молитву и, пятясь назад, растворился в темноте.

Жак, оставшись в одиночестве, взял в руки меч, по рыцарскому обычаю воткнул его в щель между каменными плитами и опустился на колени. Он вдруг подумал, что с тех самых пор, как святая Елена приказала возвести над этим местом первую базилику, мало кому из мирян довелось здесь молиться в полном одиночестве. Он сложил перед собой ладони и зашептал «Отче наш...», вспоминая о Робере и братьях, что остались в проклятом ущелье, и долго молился, что-то тихо нашептывая и произнося имена, так что притаившийся в нише монах, как ни напрягал слух, не расслышал ни единого слова.

Жак продолжал молиться, не замечая, что свечи уже давно оплыли и начали гаснуть одна за одной. Казалось, что в этом особенном месте само время течет по иным законам. Рыцарь возвратился в келью перед самым рассветом и устроился спать прямо на земляном полу, укрывшись шерстяным плащом и подложив под голову седло.

Проснулся он, разбуженный жаркими солнечными лучами. К удивлению Жака, монах, столь радушный и гостеприимный вчера, теперь откровенно тяготился его присутствием и, даже получив обещанное пожертвование, явно желал поскорее распрощаться с рыцарем, проявляя при этом плохо скрытое нетерпение. Он то и дело прислушивался к происходящему на улице, при этом в непритворном беспокойстве морщил лоб и закатывал глаза.

– Уж и не знаю, как бы вам сказать, сир, – в конце концов, решил он объясниться. – В общем, дело такое, что соглядатаев да недоброжелателей, как вы сами понимаете, тут пруд пруди. Что госпитальеры, что тевтонцы, а в особенности змеи-францисканцы, что спят и видят, как им в церковь Святого Гроба перебраться. Не ровен час узнают, что я здесь богомольца приютил, да немедля и доложат в Акру. А за столь тяжкое прегрешение меня лишат монашеского сана, заработанного тяжким многолетним послушанием. Так что, пожалей, монсир Жак, недостойного инок, ибо в миру ему не найти ни жилья, ни пропитания...

Не желая доставлять неприятности монаху, который и так сделал для него больше, чем ему позволяла его должность, Жак тепло распрощался со старым знакомым и, взвалив на плечо неподъемные от золота сумы, двинулся в сторону выхода. Теперь, когда храм освещали косо падающие на пол солнечные лучи, он уже не казался таким загадочным и бесконечно огромным, как вечером.

Не успели они пересечь центральный неф, как вдруг им перегородила дорогу ошеломляюще странная процессия. По каменному полу, цокая коготками, по-хозяйски трусили две огромные черные крысы, а вслед за ними, смешно переваливаясь на лапках, семенил выводок в полтора десятка забавных разномастных крысят. Та, что покрупнее, вероятно отец семейства, совершенно не опасаясь людей, остановилась, села, отбросив длинный хвост, и, сверкая глазами-бусинками, без тени смущения начала разглядывать рыцаря и монаха. Жак разглядел у нее на груди яркое белое пятно. Крыса, не отрывая взгляда от людей, что-то пискнула приказным тоном, и выводок продолжил путь за ее спиной. Дождавшись, пока крысиное семейство пересечет открытое пространство и скроется в дальнем притворе, счастливый отец медленно опустился на передние лапы и, ни на миг не теряя достоинства, удалился по своим утренним делам.

– Недавно здесь объявились, – оправдывающимся тоном пробубнил монах, – видать, богомольцы со скарбом на телегах привезли. Я таких крыс, черных да здоровых, только в портовых городах встречал. Здешние, иерусалимские, совсем другие – рыжие, тощие, носатые и трусливые. Теперь живут, проклятые, как у себя дома, масло и воск таскают. Я сперва с ними воевал, а потом привык. Тут хоть и святое место, а по ночам, ежели в одиночку, такая порой

оторопь берет – не то что такой твари, и таракану будешь рад...

С этими словами монах снял засов и отворил калитку, выпуская Жака наружу.

– Ну что же, прощай, преподобный, – протиснувшись с поклажей через узкий проем, Жак обернулся к монаху. – Спасибо тебе за то, что дал приют одинокому страннику.

– Удачи тебе, сир рыцарь, – ответил монах, щурясь от яркого солнца и благословляя его крестным знамением.

– Прости, но за все время, что мы знакомы, я так ни разу и не спросил, как тебя зовут.

– Мое монашеское имя Говер, – ответил тот, – да пребудет с тобой Господь, сын мой.

Засов застучал о врата, вновь превращая храм в неприступный бастион, а Жак оседлал коня и, присоединившись к проезжавшему мимо отряду тевтонцев, двинулся в сторону Яффы. Штормовая палестинская зима еще не закончилась, и первое, что он увидел, когда яффская дорога вышла на побережье, было покрытое темными кучевыми облаками свинцовое небо, сливающееся на горизонте с поверхностью Средиземного моря, густо покрытой белыми бурунами.

Добравшись до стен отстроенной Фридрихом цитадели, в возведении которой, как припомнил он с грустью, участвовал и мастер Григ, Жак, не желая, чтобы о его возвращении узнали раньше времени, остался ночевать за пределами города в небольшом и небогатом постоялом дворе. Народ здесь останавливался самый разный, и никому не пришло бы в голову поинтересоваться, кем на самом деле является прибывший из Иерусалима рыцарь, не имеющий при себе не то что оруженосца, но даже и слуги, который представился хозяину как «просто Жак», однако в желании выглядеть как можно неприметнее, не стал усердствовать сверх меры. Расплатившись наперед, он потребовал себе отдельную комнату, обустроил коня, смыл дорожную пыль и заперся изнутри на засов. Только теперь, опустившись на жесткий и колючий матрас, набитый остро пахнущими сушеными водорослями, Жак ощутил, насколько вымотала его походная жизнь, – ведь с того самого дня, как они покинули Багдад, единственной его подушкой было конское седло. На этот раз он не видел снов...

Его разбудили звуки мирной жизни, позабытые настолько, что, услышав недовольные крики нагружаемых поклажей верблюдов и истошные вопли погонщиков и еще толком не успев открыть глаза, рыцарь сразу же схватился за меч. Но это всего лишь готовился к убийству большой караван богомольцев.

По походной привычке, которая за время пребывания на Востоке въелась ему в кровь, он, перед тем как позавтракать, отправился в конюшню, чтобы позаботиться о коне. У длинного глубокого корыта, в которое два дюжих слуги-сирийца, черпая ведрами из огромной бочки, переливали привезенную речную воду, как обычно бывает в местах, где главная забота путников – уход за тягловыми и скаковыми животными, было шумно и многолюдно. Жак не стал дожидаться очереди. Он остановился в стороне, у высокого плетня, отделяющего постоялый двор от странноприимного дома, кликнул мальчишку из дворовых слуг и, пообещав ему медную монету, попросил наполнить и принести ведро.

Наблюдая за тем, как юный сарацин, воодушевленный щедрым вознаграждением, проталкивается поближе к бочке, он рассматривал путников и прислушивался к гомону за тонким ограждением. Там, набирая воду в дорожные фляги, толпились недавно прибывшие в Яффу богомольцы.

– Нет, уважаемые, такие деньги я принять от вас не могу при всем желании – турецкие ливры и денье здесь не в ходу. Мы же с вами не в Лионе, а в Яффе. Однако могу посоветовать одного честного менялу, который, узнав о том, что вы мои друзья, с радостью и с самой выгодной наценкой... то есть скидкой, обменяет ваше серебро на полновесные сарацинские безанты. Затем, как я говорил еще вчера, всего за пол серебряного дирхема в день с человека я с

радостью буду сопровождать вас по святым местам, показывая то, что обычно скрыто от взоров простых паломников, а также уберегая от лживых проводников и алчных торговцев. И еще, – невидимый рассказчик понизил голос, – в Иерусалиме, всего за один серебряный дирхем сверх уже уплаченного, вы сможете тайно, невзирая на интердикт, посетить церковь Святого Гроба, дабы воочию увидеть это святое место.

– А не грех ли это, уважаемый? – раздался неуверенный голос, судя по выговору, принадлежащий какому-то ремесленнику из Верхней Бургундии, – разве можно в отлученном городе молиться? Да и требуемая тобой плата, не слишком ли несоразмерна?

Вокруг загудели одобряющие голоса.

– Я расскажу вам одну историю, – без тени смущения отвечал проводник. – Давно, очень давно, в Риме жил священник, звали его Валентин. Он венчал юношей и девушек, не получивших родительского благословения, за что языческий император Клавдий, по наущению недоброжелателей, приказал отрубить ему голову. И вот, за то, что дух христианской веры он предпочел букве римского закона, Валентин был причислен к лику святых. Вот точно так же и наш иерусалимский святой подвижник, преподобный отец Гобер, отринув спокойное монашеское бытие и ежечасно подвергаясь смертельному риску, допускает паломников к Гробу Господню, закрывая глаза на формальный запрет, дабы все истинные христиане могли получить хоть толику благодати, что исходит отсюда. А столь высокая мзда, взимаемая мною, вызвана алчностью завистников, которых удерживает от наветов лишь непомерное сребролюбие...

Удовольствовавшись тем, что столь неожиданным образом прояснилась вчерашняя тревога почтенного брата Гобера, ожидавшего прибытия своего компаньона во главе толпы паломников, Жак позавтракал тушеной бараниной с бобами и, более не мешкая, направился по дороге, идущей вдоль побережья в сторону Акры.

Чтобы не утомлять сверх меры коня, он купил в первой же повстречавшейся на пути деревне мула-трехлетку. Неприхотливое животное отличалось недюжинной выносливостью, однако в скорости сильно уступало походному жеребцу, и он добрался до цели лишь на пятый день пути.

После первого же взгляда, брошенного на стены и башни города и на окружающие его поля Акрской равнины, вопрос, который возник еще в Яффе – а куда, собственно, делась вся императорская армия, – отпал сам собой.

Над воротами Святого Антония и барбаканами подъемного моста развевались два огромных знамени – императорский штандарт с брабантским львом Гогенштауфенов и полотнище с эмблемой Иерусалимского королевства. Они красноречиво свидетельствовали, что на сей раз Фридрих не стал останавливаться в загородной резиденции, замке Рикордан, а въехал в город полноправным хозяином. Однако похоже, что положение недавно коронованного монарха было не так прочно, как он это желал показать окружающим. От наметанного взгляда Жака не смог укрыться раскинутый в поле, на отдалении от городских стен, походный лагерь. Над ровными рядами палаток Жак разглядел знамя великого магистра тевтонцев. Осторожный и рассудительный фон Зальца не стал вводить своих рыцарей в город, а это могло означать лишь одно – визит Фридриха в Акру был не возвращением законного короля, а вторжением нежданного гостя.

Городская стража, составленная из сицилийских сержантов, не знала Жака в лицо и, удовольствовавшись именем «пилигрим Жак» да платой за въезд, пропустила его внутрь без особых вопросов. Выяснилось, что наряд, в который он облачился в ущелье, в сегодняшней Акре является лучшим пропуском. Фридрих в последнее время особо сдружился с пизанцами, поэтому Жак смог беспрепятственно добраться до самого патриаршего квартала.

На первый взгляд, столица королевства жила своей обычной жизнью – император не стал

притеснять горожан, обратив все имеющиеся у него в наличии силы против патриарха и тамплиеров. На въезде в переулок, ведущий в патриарший квартал, его ждала первая неожиданность – дорога была перекрыта тяжеловооруженными пехотинцами.

– Что здесь происходит? – поинтересовался он у апулийского капитана, командовавшего оцеплением.

– Ты что, только что на свет родился? – искренне удивился тот. – Патриарх и тамплиеры попытались закрыть ворота перед своим коронованным монархом. Тогда его величество разбил временный лагерь на берегу моря и созвал на государственный совет всех крестоносцев, нобилей, прелатов и горожан. Пилигримам он под страхом смерти запретил покидать окрестности Акры, а горожан, духовенство и знать предупредил, что если они будут ему чинить малейшие препятствия, то он сочтет это бунтом против законного государя. В тот же день ворота были отворены, и вся императорская армия расквартировалась внутри. Патриарх и тамплиеры, так и не пожелавшие покориться Фридриху, заперлись в своих кварталах. Император приказал лучникам и арбалетчикам оцепить Тампль и патриарший квартал и не доставлять бунтовщикам продовольствия. Вторая неделя пошла, как попы голодают. Так что не обессудь, уважаемый, – дальше тебе проезду нет, а ежели твой конь сделает вперед еще хоть один шаг, прикажу арбалетчикам стрелять...

Жак молча развернул коня и поскакал в объезд монастыря Святого Лазаря в сторону хорошо знакомой улицы, что вела мимо цитадели госпитальеров к венецианской фактории. Дорогу ему преградила странная процессия. Дюжие германские сержанты, поигрывая по согбенным спинам кнутами, гнали посреди улицы несколько десятков монахов. Судя по грубым шерстяным рясам, перетянутым кусками простой веревки, это были братья нищенствующих орденов.

– Что еще за крестный ход? – искренне изумился Жак. – Эти-то кому не угодили?

– А это по приказу императора лупцуют братьев-миноритов, – весело отозвался стоящий неподалеку румянощекий оруженосец, на плаще которого красовались гербы какого-то мелкого швабского рыцаря. – Эти папские выкормыши, доминиканцы и францисканцы, в Вербное воскресенье повылезали из всех щелей, как тараканы, и начали призывать горожан, чтобы они не подчинялись императору. Вот их, в назидание остальным, и вразумляют с самого утра.

Дождавшись, когда освободится проезд, Жак подъехал к высокому глухому забору и постучал условным стуком в калитку. Дверь ему открыл слуга мастера Грига – старик-киликиец с большим мясистым носом.

– Ну наконец-то, монсир! – обрадованно воскликнул он, едва разглядев, кто стоит на пороге. – А мы-то уже отчаялись ждать господина. Милости прошу в дом, мастер Григ, отбывая, дал строжайший наказ, если придут брат Жак или брат Робер, впустить их в дом в любое время дня и ночи.

Непроизвольно отметив произнесенное «мы», Жак вошел внутрь и сразу же отскочил к дальней стене, вытягивая из ножен меч. Из темного угла комнаты ему навстречу шагнули двое, одетые ремесленниками, но с оружием в руках, физиономии у этой пары были настолько разбойничьи, что, встретить их Жак два года назад на дорогах родной Бургундии, – скорее всего отдал бы им добровольно свой кошелек.

– Хор! Папикий! А ну-ка, немедленно назад! – закричал из прихожей слуга. – Это друг нашего господина, тот самый Жак.

«Разбойники» тут же подчинились окрику. Как выяснилось, это были люди мастера Грига, которых он вызвал из Киликии незадолго до того, как покинуть Акру, для охраны дома.

Громилу с окладистой и не очень опрятной бородой звали Хор. Единственным оружием, которое он носил при себе, была огромная деревянная колотушка. «Я, почитай, лет десять кожи

в мастерской отбивал, – пояснил он свой необычный выбор, – вот и приспособился этой штукой орудовать. Опять же, если ударить не очень сильно, то можно только оглушить. Очень сподручно, если нужно лиходея живьем взять для допроса либо потом в плен продать». Его приятель, невысокий, но жилистый и очень проворный, носил имя Папикий. Этот признавал лишь кривой разбойничий нож, которым, впрочем, владел в совершенстве. Оба они занимались тяжелой и опасной работой – ездили по невольничьим рынкам, скупая для гильдии рабов-мусульман, а затем занимались их укрощением в каменоломнях. «Работа непыльная, – отозвался на этот счет Папикий, – только зевать нельзя, иначе мигом киркой затылок разmozжат. Одно слово – сарацины».

Поинтересовавшись, когда возвратится сам почтенный мэтр и не желает ли уважаемый гость отужинать, старик, носивший на камизе знак гильдии каменщиков, принял на себя заботу о коне и поклаже. Жак, хоть и был голоден, попросил слугу, чтобы тот не беспокоился, – ему нужно лишь, чтобы он позаботился о животном в его отсутствие. Затем он проследовал в дальнюю комнату, отодвинул ковер, спустился в хорошо знакомое подземелье и двинулся по тоннелям в сторону патриаршего квартала.

В зале, где братья ордена Святого Гроба обучались воинскому искусству, царило запустение. Двери, ведущие во двор, были заперты снаружи, и Жаку пришлось долго стучать, прежде чем ему отворили до смерти перепуганные служки, решившие, что императорские солдаты атакуют их, прорыв подземную галерею. Не снисходя до ответов на посыпавшиеся на него градом вопросы ошалевших обитателей капитула, он потребовал немедленной аудиенции с патриархом.

Представший пред ним глава Иерусалимского патриархата, его высокопреосвященство Геральд де Лозанн, несмотря на разгар дня, судя по всему, был только что поднят с постели и более всего походил на разбуженного в полдень сыча. Вперив в Жака круглые пустые глаза, он ощупал рукой непокрытую голову и взъерошил и без того всклокоченные волосы.

– Что, вернулись? – спросил он, окидывая Жака испуганным взглядом. – А где же монголы, у стен стоят?

– Вернулся лишь я один, – с неприязнью глядя на прелата, ответил Жак. – Обещанная вами подмога так и не подошла. Мало того, нас окружили посланные Фридрихом наемники. Мы приняли бой и сражались до конца. Те, кто уцелел, погибли во время землетрясения.

– Значит, подмоги не будет, – патриарх услышал из всего сказанного лишь то, что хотел услышать, – и, стало быть, надеяться больше не на что. Эй, кто там из писцов, живо сюда, немедленно готовьте хартию об интердикте Акры. Ну ничего, я им устрою пасхальное воскресенье! А мы пока, – он снова оборотился к рыцарю, – поговорим о том, что с вами произошло.

«Он, видать, от страха совсем голову потерял, – подумал Жак. – Стоит мне произнести еще хоть слово, и он с перепугу подвергнет отлучению всю святую землю, от Яффы до Триполи, вместе с Назаретом и Вифлеемом». Жак уже задумался всерьез, как бы в беседе с осажденным прелатом уйти от прямых ответов, ограничившись лишь общими фразами, как вдруг в кабинет, расталкивая немногочисленную свиту, влетел личный постельничий патриарха.

– Митру, митру забыли, святой отец! – проблеял он, протягивая своему хозяину белую высокую шапку – главный, после посоха, символ высокого папского сана.

Геральд, немедля позабыв о посетителе, охнул, подозвал к себе еще двух слуг и, при живейшем участии постельничего, начал приводить себя в порядок.

Жак, ожидая, когда его высокопреосвященство предстанет перед ним во всей красе и соизволит продолжить беседу, отошел к окну и оперся на каменный подоконник. Над гаванью, заполненной кораблями, в дальнем ее конце, поднимались клубы дыма, подсвеченные

отблесками большого пожара.

– Что это там горит? – спросил он сидящего рядом писца.

– По приказу отлученного императора жгут галеры, которые не пойдут с ним обратно, – старательно водя по листу пергамента остро отточенным пером, ответил тот. – Чтобы никто не мог добраться до Италии раньше, чем туда придет его флот.

– Сир рыцарь! – Отвлекая Жака от пожара, кто-то осторожно потянул его за рукав.

За спиной рыцаря, нервно теребя в руках свернутый пергамент, стоял усталый, измученный человек, в котором он с огромным трудом узнал личного секретаря приора Сен-Жермена.

– Скажите, мессир погиб? – спросил он тихо, чтобы не слышали остальные, и, в ожидании ответа, затаил дыхание.

– Нас разлучил горный обвал, – честно ответил Жак. – Я не видел мертвого тела и не знаю о судьбе остальных.

– Я буду и дальше молиться за его спасение, – прошелестел одними губами секретарь. – А для вас, сир, вот это, – он протянул Жаку пергамент. – Послание доставлено из Венеции месяц назад на ваше имя из Бургундии. Архидьякон Дагоберт не велел его вам показывать, однако я считаю, что это по отношению к вам слишком жестоко. Если спросят, где взяли, – скажите, что случайно заметили в куче бумаг, иначе мне несдобровать.

– Спасибо, Тристан! – Жак наконец-то вспомнил имя монаха. Склонив голову в благодарном поклоне, принял от него письмо и отвернулся обратно к окну.

По мере того как он вчитывался в ровные строчки, написанные аккуратным, прямым почерком, лицо его становилось все мрачнее. Когда он, наконец, добрался до конца и поднял голову на патриарха, губы его побелели и сжались в две узкие прямые полоски, а лоб пересекла глубокая вертикальная складка.

– Ну что, сын мой, – к нему возвращался приосанившийся Геральд, – теперь мы можем спокойно поговорить. На обед не приглашаю, сам знаешь, что этот еретик устроил нам форменную осаду, и в патриархии вскоре совсем не останется провианта...

– Прошу простить меня, ваше высокопреосвященство, – не особо церемонясь, перебил его Жак, его сейчас меньше всего интересовали проблемы оголодавшего прелата, – я очень устал с дороги и плохо соображаю. Мне необходим небольшой отдых, после чего я с радостью отвечу на все ваши вопросы.

Его высокопреосвященство, мигом позабывший о рыцарях разгромленного ордена, милостиво позволил Жаку отдыхать и, в знак особого расположения, не выходить к вечерне, обязательной для обитателей патриаршего квартала. Благословив его униженным кольцами перстом, Геральд вернулся к прерванному богоугодному занятию – подготовке интердикта Акры.

Жак покинул резиденцию патриарха, но не отправился в келью, которую они в свое время делили на двоих с Робером, а, сжимая в кулаке прочтенное письмо, возвратился в подземный ход. Пройдя под землей почти весь город, он добрался до выхода, расположенного в Темпле, неподалеку от Магистерской башни, объяснился со стерегущими вход охранниками, поднялся на поверхность и, в сопровождении одного из тамплиеров, отправился прямо к великому магистру. Весь остаток дня они беседовали с мессиром Пере де Монтегаудо с глазу на глаз при закрытых дверях. Когда солнце наполовину скрылось за горизонтом, Жак, сжимая в руках еще две только что подписанные грамоты, возвратился по тоннелю в дом мастера Грига, с благодарностью принял предложенный ужин и отошел ко сну. Рано утром, никому ничего не объясняя, он покинул Акру и отправился в Тир.

Патриарх Геральд и архидьякон Дагоберт напрасно ждали его возвращения. По истечении трех дней они, окончательно убедившись в том, что рыцарь исчез столь же бесследно, как и

появился, отправили сообщение об этом папе и возвратились к более насущным делам – выживанию из своих владений надоевшего всем императора.

Жизнь в окрестностях Тира текла тихо и размеренно – казалось, что последние события вовсе не коснулись здешних мест. Крестьяне пололи грядки и ухаживали за плодовыми деревьями, на перекрестках дорог, расхваливая свой товар, всюю горланили продавцы, а к главным воротам города негустым потоком тянулись идущие из Сирии караваны. Жак не стал въезжать в город. Он миновал гипподром, добрался до селения маронитов и вскоре остановился у знакомых ворот.

Дом Хафизы встретил его так, будто он оставил его только вчера. Над соломенной крышей, преддверием скорого ужина поднимался печной дымок, на плотно утрамбованной земле сновали юркие ярко-рыжие куры, петух, взгромоздившись на шаткий забор, с надменностью султана оглядывал свои владения, а в соседнем дворе привычно жаловались на тяжелую и беспросветную жизнь ослы, только что доставившие с причала утренний улов. Сама хозяйка, отчаянно размахивая большой плетеной хлопушкой, выбивала зимнюю пыль из огромных перин, развешанных на длинной, пересекающей двор веревке.

Крик радости, изданный Хафизой после того, как, заслышав гомон на улице, она, обернувшись, разглядела, кто именно стоит у ворот, был слышен, наверное, и в Сидоне. Бурей промчавшись по своим владениям, сирийка распахнула тяжелые створки, смела перины, перегораживающие проход, влетела в дом и, не успев Жак заехать внутрь и спешиться, как она его уже встречала стоя на пороге в своем самом лучшем наряде, который надевала лишь на самые большие христианские праздники. Жак понимал, на какой вопрос она ждет сейчас ответа, и сердце его в который раз сжалось от боли, которую он, словно несущий недобрую весть гонец, доставлял, рассказывая о гибели своих друзей.

– Я не буду тебе лгать, Хафиза, – тихо произнес он, приближаясь к женщине, – Робера больше нет. Я и сам до сих пор не верю в это, но он сражался и погиб у меня на глазах. Это случилось всего две недели назад. Мне очень жаль.

Хафиза происходила из древнего финикийского рода, и текущая в ее жилах кровь воинов и мореплавателей, многие сотни лет державших в страхе все Средиземноморье, не позволяла ей прилюдно выказывать свои чувства.

– Пойдем в дом, Жак, – медленно вымолвила она, опуская к полу глаза, – расскажешь мне все как было...

Честно поведав обо всем, что он видел собственными глазами и о чем мог рассказать, Жак отдал дань мгновенно появившейся на столе жареной рыбе, пообедал и перешел к тому, ради чего он, собственно, и приехал в Тир. Он вышел во двор, к сложенной под навесом поклаже, и возвратился в дом, держа в руках увесистую переметную суму, поставил ее на стол, расстегнул ремни и откинул клапан. Сумка оказалось доверху заполненной тускло блестящими золотыми монетами.

– Здесь, – сказал он, – две тысячи золотых безантов. Это доля Робера в наших военных трофеях, ее он велел оставить тебе. Деньги не заменят его ни мне, ни тебе, но он хотел, чтобы, даже если он погибнет, ты ни в чем не нуждалась. Ты сможешь скупить все рыбацкие фелуки в окрестных водах, чтобы тирские рыбаки и ныряльщики-собиратели пурпурниц работали только на тебя. С таким состоянием ты легко выйдешь замуж за достойного человека и успеешь еще нарожать детей.

– У маронитов есть давний обычай, – не проявив ни малейшего интереса к горе золота, словно Жак доставил ей не состояние, которое делало ее одной из самых богатых женщин Заморья, а гору пустых раковин, ответила Хафиза. – Если один из боевых товарищей гибнет в буре или во время сражения, то оставшийся в живых женится на вдове и усыновляет его детей.

Войди в мой дом, Жак, и стань моим мужем. Думаю, что Робер будет радоваться, наблюдая за нами с небес. Хотя не знаю в чем дело, но мне почему-то кажется, что он до сих пор жив. Сегодня же ночью я буду гадать на него.

– Я женат, Хафиза, – ответил Жак, голос его при этом дрогнул. – Поступай как знаешь и молись за его душу. А я должен ехать. Мне предстоит долгий и нелегкий путь.

Он молча покинул дом, оседлал коня, выехал за ворота и, не оглядываясь назад, двинулся в сторону городских стен. Оказавшись в Тире, рыцарь первым делом отправился на постоялый двор, где поговорил с несколькими бедными крестоносцами, ночующими по безденежью прямо во дворе, под открытым небом. После бесславного завершения похода город был полон крестоносцев, примкнувших к императору в расчете на трофеи. Десятки рыцарей и сержантов сидели в Тире без гроша в кармане и, ради того чтобы вернуться домой, были готовы нести службу просто за прокорм и фураж для лошадей. Сговорившись с семьей ломбардскими копейщиками, он приступил к поискам корабля, который должен был доставить его в Европу.

В портовой таверне, где по давней, заведенной еще со времен финикийцев традиции собирались левантийские судовладельцы, капитаны стоящих на рейде галер и купцы, желающие найти перевозчика, было шумно и многолюдно, как это бывает всегда перед началом весенней навигации.

– Скажи-ка, любезный, – заняв отдельный столик и отгородившись от зала охраной, спросил Жак у мигом подлетевшего к нему хозяина, который, несмотря на более чем скромный наряд, безошибочно определил в нем состоятельного сеньора, – какая из галер в ближайшее время будет отправляться в Венецию?

– Вряд ли вам удастся покинуть город, господин, – ответил тот, сметая полотенцем несуществующие крошки и опуская на деревянную поверхность пинтовую кружку доброго вина. – В Акре стоит императорский флот, и все негоцианты, изгнанные из столичной гавани, слава Фридриху, перебрались в Тир. Однако они предупреждены, что до убытия его величества никто, под страхом смерти, не может удаляться от побережья в сторону Кипра. Хотя один марсельский неф вроде бы собирается в путь – его капитан рассчитывает пробиться в Италию не напрямик, а в обход, вдоль побережья. Не желаете ли, чтобы я позвал его сюда?

Жак, отхлебнув из кружки вина, коротко кивнул головой, выражая одновременно одобрение напитку и желание поговорить с капитаном. Вскоре, опасливо косясь на грозных и воинственных от затянувшегося безденежья охранников, к нему чуть не подбежал невысокий человек с оттопыренными ушами и огромной проплешиной.

– Если вы желаете как можно скорее отплыть, сир рыцарь, то вам несказанно повезло, высокородный господин! – Он начал говорить, находясь еще в нескольких шагах от возможного пассажира. – Король Венгрии добился от императора Фридриха особого соизволения на доставку предназначенных ему грузов – пряностей и тканей из Сирии, которые повезет мой неф. Груз уже на борту, все бумаги в порядке, так что завтра на рассвете «Акила» поднимет якоря и, двигаясь вдоль побережья через Триполи и Атталию, пойдет в Фессалоники.

– Значит, помощник... нет, прости, уже капитан Понше, память у тебя и вправду девичья, – улыбнулся, глядя на опешившего моряка, Жак. – Своих бывших пассажиров ты уже не признаешь.

Узнав сидящего перед ним человека, почтенный Понше из Арля застыл как громом пораженный.

– Неужели это ты, виллан?! – воскликнул он и, одновременно, цепким оценивающим взглядом боящегося продешевить купца, окинул рыцаря от макушки до золотых шпор. – Ой! Ради всего святого, простите меня, сир рыцарь. Вы уж не велите казнить, однако и впрямь признать в столь грозном воине того виллана, что, едва сойдя на берег в Акре, остался без гроша

в кармане, мудрено. Вижу, что ваш крестоносный обет исполнен, да так, как многим и мечтать не приходится. Милости прошу на борт! Ради такого случая велю, чтобы неф подвели к пирсу, чтобы ваших коней не пугать, перевоза их на барках.

«Что же, пожалуй, это судьба», – подумал Жак, а вслух спросил:

– Надеюсь, у тебя найдется для меня местечко в трюме?

– О чем вы говорите, сир? – воскликнул Понше. – Выбирайте на свой вкус – лучшая носовая каюта или отдельный палубный шатер. Ежели вам и эти апартаменты покажутся убогими и недостойными вашего звания, готов поступиться капитанской каютой. Времена нынче непростые, дорога дальняя и опасная, так что для вас, как для доблестного воина, будут обеспечены все условия и предоставлены самые низкие расценки.

– Что же, – подзывая рукой хозяина, усмехнулся Жак, – Фессалоники так Фессалоники – оттуда совсем недалеко до фиванских земель. А в Фиванском мегаскирстве у меня имеются кое-какие дела. Не возвращаться же, на самом деле, домой рыцарем, не имеющим титула. Давай-ка я угощу тебя обедом, капитан, а потом отправимся на пирс и будем готовиться к погрузке.

Жак особо не удивился, когда у самых портовых ворот ему навстречу шагнули две знакомые фигуры, зато Понше, едва завидев Хора и Папикия, немедленно спрятался у него за спиной.

– Вот что, сир рыцарь, – смущенно вертя в руках колотушку, произнес Хор. – Нам господин приказал, если понадобится, помогать его друзьям. По чести сказать, истомились мы в Акре от безделья. Возьмите нас с собой – лучшей охраны, чем мы, и не придумать.

– Это точно, монсир, – добавил Папикий, – уж мы будем служить на славу, главное, чтобы кормежка была...

– Ну что, Понше, ты не против взять еще двоих пассажиров? – спросил Жак.

В ответ капитан лишь мрачно кивнул и, продолжая опасливо коситься на колоритную парочку, изобразил на лице подобие улыбки и жестом гостеприимного хозяина протянул руку в сторону высащегося над пирсом нефа.

На следующее утро «Акила» вышел из гавани и двинулся на север вдоль побережья Сирии. Поглядев, как скрываются в дымке стены и башни Тира, Жак вернулся в свой шатер, достал из шкатулки полученное в Акре письмо и заскользил взглядом по строчкам.

«Сын мой, Жак, который для твоего первого духовника, отца Брауна, навсегда останется любознательным крестьянским мальчиком, открывающим для себя великий и необъятный мир положенного на бумагу слова!

Денно и ночью возношу молитвы Всевышнему, дабы это послание, направленное мною почти без надежды, все же достигло тебя.

Однако некоторые, пусть хоть и весьма хлипкие, основания для того, чтобы направить пергамент именно в Акру, на имя Жака из Монтелье, брата ордена Святого Гроба, у меня имелись. Дело в том, что еще на Троицу в нашей обители останавливался на ночлег возвращающийся из святой земли пилигрим – лионский купец, исполнявший крестоносный обет за неведомые мне прегрешения, который хорошо знал твоего отца. Он-то и рассказал мне о том, что, посещая патриархию, видел тебя среди орденской братии. Однако не будучи уверен в том, что узнал тебя, и зная нелюдимость рыцарей и сержантов этого малоизвестного и загадочного братства, не рискнул заводить разговор. Позже, на обратном пути в Марселлос, некий капитан Турстан, вскоре геройски погибший во время неожиданно налетевшей бури (его смысла волна в то время, как он, в одиночку управляя рулевым веслом, пытался удержать корабль на курсе), разрешил его сомнения и рассказал все, что знал о паломнике Жаке, который, прибыв на святую землю, сначала стал оруженосцем у некоего арденнского рыцаря, затем

выслужился в конные сержанты и вступил в привилегированное крестоносное братство.

Теперь к делу, сын мой, сколь ни прискорбно мне писать, а тебе читать о свершившемся, – строчки, которые я вывожу на пергаменте, кажутся мне сейчас кровью, замешанной напополам слезами.

Речь идет о твоей жене, бедняжке Зофи. Все, о чем я тебе пишу, сам я узнал уже после свершившихся событий, когда единственным моим участием в ее судьбе могла быть разве что заупокойная молитва.

Глубокой осенью, через полгода после известных событий, которые потребовали от тебя принятия крестоносного обета, настоятельница монастыря августинок в окрестностях Дижона, преподобная Элиния, принявшая столь деятельное участие в судьбе твоей многострадальной семьи, на шестьдесят третье лето своей подвижнической жизни отдала Богу душу. Ее преемница, едва будучи рукоположена в сан, немедленно начала проводить в монастыре крутые преобразования, в результате которых Зофи, в обществе двух десятков других послушниц, родственники которых были не в состоянии вносить в монастырскую казну пожертвования, оказались выставленными на улицу. Дело в том, что незадолго до этого скончался и ее батюшка, живущий в Лионе, а все его состояние досталось дальнему родственнику, который, не будучи исполнен истинного христианского человеколюбия, наотрез отказался тратить деньги на содержание незнакомой ему троюродной племянницы, ко всему еще и замужней.

С негодованием отвергнув подруг по несчастью, которые, для того чтобы не умереть с голоду, стали торговать телом в окрестных постоялых дворах, она, не имея ни сил, ни теплой одежды, столь необходимых, чтобы добраться до далекого Лиона, где она могла рассчитывать на пусть холодный, но родственник прием, отправилась напрямик в Монтелье.

Но на бывшей вашей земле к тому времени уже распорядился управляющий, поставленный графами Колиньи-ле-Неф. Узнав, кем на самом деле является нищая оборванка, босиком по снегу пришедшая в селение, он, памятуя о причине учиненного тобой и твоим покойным отцом бунта и желая выслужиться перед своими господами, снарядил сани, взял двух дюжих приказчиков и лично доставил ее в Гренобль. Нужно ли говорить, какой прием ее ожидал в стенах графского замка.

Все, о чем я тебе пишу далее, известно мне со слов гренобльского кюре, принимавшего у Зофи последнее причастие.

Граф объявил во всеуслышание, что право первой ночи, которое у него было якобы незаконно отобрано тобой, требует удовлетворения и позволяет, во искупление преступлений твоих и твоего убиенного отца, взять Зофи пожизненно в сервы. Однако бедняжка простудилась, была очень больна и еле держалась на ногах, так что граф Гуго, глядя на нее, отложил исполнение своих обещаний и приказал определить ее, дочь лионского ремесленника и жену вольного виллана, в дворовые девки.

Зная нравы гренобльских Колиньи, несложно предположить, что ей была уготована роль наложницы самого графа или рабыни для всеобщих утех.

Прошло примерно полтора месяца. Зофи поправилась и выполняла в замке самую грязную и тяжелую работу. Нужно ли говорить, что в ожидании, когда мстительный и распутный сеньор осуществит свою угрозу, каждый день ее превратился в ад.

И вот наконец-то настала та роковая ночь, когда граф Гуго, возвратившись с охоты и напившись вина, вдруг вспомнил о ее существовании. Выполняя приказ, слуги ворвались в людскую, подняли ее с брошенной на пол старой овчины, заменявшей ей постель, и привели девушку к нему в опочивальню. Что произошло на верхнем ярусе старого донжона, так и осталось неизвестно, однако через короткий промежуток времени Зофи, сильно избитая, была

возвращена в людскую и на четвертый день скончалась от тяжелых побоев. Граф же долго лечил глубокую колотую рану в паху, которую она нанесла ему спрятанным в рукаве кинжалом.

Не знаю, сын мой, будет ли тебе это утешением, однако Зофи, царствие ей небесное, умирая, просила передать, что своей честью она не поступилась никому.

Более, сын мой, поведать мне нечего. Прости старика за горестную весть, да услышит Всевышний мои молитвы, которые я денно и нощно возношу, моля о том, чтобы твое доброе и горячее сердце смогло пережить тяжелую утрату.

Скромный служитель Господа, отец Браун»

«Ну что же, Гуго Колиньи-ле-Неф, – подумал он, возвращая пергамент обратно в шкатулку, – ты сам выбрал свою судьбу. Но теперь за гибель жены непокорного виллана ты будешь держать ответ перед рыцарем-крестоносцем».

Глава восьмая, в которой реальные дела обращаются в легенды, а мифы воплощаются в жизнь

*Ананьи, дворец папы, 1230 год от Р. Х., отдавание праздника Пятидесятницы (8 июня),
через год и три месяца после описанных выше событий*

В этот день, спустя неделю после празднования Святой Троицы, во дворце было на удивление тихо и безлюдно. Площадь перед центральным въездом не заполняли более зеваки и богомольцы, а внутри, за массивными деревянными воротами, не теснились оседланные лошади, то и дело натыкаясь на большие массивные повозки, предназначенные для дальних путешествий, и на богатые носилки-портшезы, в которых добирались сюда со всех концов христианских земель церковные иерархи, благородные господа и посланники сильных мира сего. В большом зале, занимающем половину первого этажа, не топтались священники, ожидающие рукоположения в епископы, а в комнатах, предназначенных для важных гостей, не скучали знатные дамы и сеньоры, удостоенные высочайшей аудиенции. Казалось будто папа Григорий Девятый, не покидавший города с самого дня своей инаугурации, покинул свою обитель. Однако он был на месте, чему подтверждением был один-единственный посетитель, ожидающий в приемной, роль которой по летнему времени исполняла густо увитая плющом крытая веранда.

Судя по золотым шпорам и золотом же расшитому поясу с узкой кожаной портупеей, на котором висел меч в удобных костяных ножнах, этот человек был благородного происхождения и, несомненно, принадлежал к рыцарскому сословию. На вид ему было от силы лет тридцать пять, однако его черные как смоль, прямые волосы уже тронула преждевременная седина. Несомненно, рыцарь был очень богат. Черная котта и брэ из тонкого флорентийского бархата, обошедшиеся хозяину в целое состояние, явно были сшиты на заказ лучшими портными Ломбардии и сидели на нем как влитые. На плечи его был накинут легкий сюрко фламандского сукна, сплошь покрытый серебряным шитьем, а мягкие кавалерийские сапоги воловьей кожи были столь отличной выделки, что капитан дворцовой стражи, заглянувший на веранду во время смены караула, глядя на них, тяжело и завистливо вздохнул.

Кем был этот рыцарь, предъявивший стражникам у ворот пригласительное письмо, подписанное самим понтификом, определить было трудно. Ни на конских чепраках, ни на плащах сопровождавшей его охраны не было никаких изображений и гербов. Правда, на груди у самого рыцаря, в том месте, где у пилигримов обычно расположен знак принятого ими обета, желтой нитью был вышит небольшой прямой крест с четырьмя крестиками между перекладинами, в котором любой, хоть немного разбирающийся в геральдике, без труда признал бы герб Иерусалимского королевства.

Уже то, что рыцарь с небольшим эскортом прибыл в Ананьи на рассвете, означало, что он не побоялся в ночное время передвигаться по местности, жители которой аж с тех незапамятных времен, когда троянец Эней еще не высадился с друзьями на земли латинов, не гнушались дорожным разбоем. Вполне добропорядочные крестьяне с наступлением темноты выходили здесь на большую дорогу, словно на полевые работы, подстерегая неосмотрительных путников, так что решиться на ночное путешествие по долинам провинции Латиум мог либо отчаянно безрассудный человек, либо очень опытный воин. Однако даже оттенка безрассудства в поведении раннего посетителя не наблюдалось. Представившись секретарю и предъявив все необходимые грамоты, он занял указанное для ожидания место и спокойно, не проявляя ни

малейших признаков нетерпения, ожидал на протяжении нескольких часов. Рыцарь отказался от горячего завтрака, не прикоснулся к фруктам и восточным сладостям, наполнявшим большие вазы, выставленные на низкий мраморный столик, и не обратил ни малейшего внимания на большой графин, вырезанный из цельного куска горного хрусталя, наполненный терпким красным вином. За все время он лишь раз откликнулся на настойчивое предложение слуги и попросил, чтобы ему принесли кружку ледяной колодезной воды.

Ко всем прочим странностям, на взгляд слуг и охранников, наблюдавших за ним все утро, для человека, которому назначена аудиенция святого отца, а стало быть, ожидающего высоких милостей, вел он себя крайне необычно. В отличие от подавляющего большинства посетителей, как светских, так и духовных, он ни перед кем не заискивал, не пытался заговорить со всеми подряд и не хвалился своим происхождением, богатством или военными подвигами. Словом, никак не выдавал обычного в таких случаях волнения, будто ему предстояла не встреча с самым могущественным человеком в христианском мире, а заурядная исповедь у деревенского кюре.

Четвертый час ожидания подходил к концу, когда на веранде, наконец, появился одетый в скромную серую рясу, приличествующую отказавшемуся от роскоши брату-минориту, секретарь-францисканец.

– Сир рыцарь, – обратился он к посетителю, – я вынужден извиниться за его святейшество. Неотложные дела не позволили ему принять вас сразу после прибытия. Ночью пришла весть о том, что в землях схизматиков недавно произошло страшное землетрясение. Можете себе представить, в пещерном монастыре Киева распалась на четыре части церковь Пресвятой Богородицы и рухнула трапезная, где были приготовлены на обед яства и питье. В городе Переслави, – монах едва выговаривал тяжелые славянские названия, – распалась на две части церковь Святого Михаила. Многие страшные разрушения произошли и в других русских городах – Владимире, Новограде. Не это ли знак того, что Всевышний обрушивает гнев на еретиков, показывая нам, многогрешным, что пора воинству Христову нести крест истинной веры и в эти погрязшие во грехе земли? Святой отец только что закончил диктовать надлежащую энциклику. Пожалуйста, следуйте за мной, сир.

Рыцарь поднялся с деревянной скамьи, опершись левой рукой на столешницу, при этом едва заметно поморщился, словно от старой раны, и, разминая на ходу затекшие от долгого сидения ноги, двинулся вслед за монахом через анфиладу драпированных комнат.

Они прошли все здание насквозь и остановились у плотно закрытой двустворчатой двери из темного мореного дуба. Здесь капитан дежурной стражи, проявляя все возможное уважение, попросил посетителя сдать оружие. Рыцарь спокойно кивнул, отстегнул ножны от портупеи, вытянул клинок на ширину ладони и передал его капитану четким военным движением, держа обеими руками рукоятью вперед. Пармский копеечник, повидавший на своем веку немало оружия и участвовавший в десятках сражений, принимая меч, а вслед за ним и кинжал, уважительно покачал головой и с огромным усилием задавил едва не вырвавшийся наружу тихий завистливый стон.

Наборные ножны из слоновой кости скрывали клинок дамаской ковки с затейливым сирийским клеймом. Такой клинок в сильной и опытной руке мог перерубить простой железный фальшон, не оставив и заусенца на остром, как бритва, лезвии. Удобная рукоятка, обтянутая тонкой черной лайкой, была так затерта от частых прикосновений, что капитану сразу стало ясно – хозяин достает свое оружие не только для того, чтобы хвастаться перед приятелями. Несмотря на то, что меч был арабской работы, его круглый плоский набалдашник украшал такой же, как и на котте рыцаря, иерусалимский крест, составленный из кроваво-красных рубинов, окаймленных черными агатами.

Сразу же преисполнившись глубокого уважения к незнакомцу-воину, капитан-наемник

передал меч и кинжал помощнику, молча, кивком головы поприветствовал посетителя и подал знак охранявшему дверь алебардщику. Правая створка неслышно скользнула в сторону, открывая дорогу в покои. Секретарь сделал пригласительный жест, рыцарь шагнул вперед и неожиданно очутился в тропическом саду.

Кресло папы Григория находилось на своем обычном месте – неподалеку от бассейна. Приблизившись на расстояние нескольких шагов, посетитель остановился, ожидая дальнейших распоряжений. Без тени страха или смущения, однако, вместе с тем, не проявляя и непочтительного любопытства, он просто стоял в свободной позе и молча рассматривал старика.

С близкого расстояния быстро выяснялось, что если плоть сидящего в кресле старца была дряхлой и немощной, то дух его был молод и силен. Из-под редких выцветших бровей и низко склоненного сократовского лба на рыцаря смотрели, не мигая, живые колючие зрачки, окруженные пожелтевшими белками, которые придавали взгляду понтифика угрюмое волчье выражение. Так обычно разглядывает добычу старый, умудренный жизнью вожак, прежде чем решить, стоит на нее нападать или нет. Хозяин дворца рассматривал посетителя, словно пытаясь проникнуть ему в самую душу. Каков был результат осмотра, невозможно было понять – папа не выдал своих мыслей и чувств ни словом, ни жестом. Он лишь чуть шевельнул ногой, и из-под полы появился кончик такой же, как и риза, кроваво-красной бархатной туфли. Рыцарь сделал шаг вперед и, склонившись на одно колено, осторожно приложился к туфле губами.

– Так как же тебя называть, сын мой? – дождавшись, когда рыцарь поднимется с колен, спросил понтифик. Его низкий, с хрипотцой голос звучал чисто и властно. – Шевалье де Мерлан, сеньор де Монтелье или барон де Вази?

– Послание, переданное в Реймсе, ваше святейшество, в котором мне предлагалось немедленно прибыть в Ананьи, было обращено к барону де Вази, – ответил рыцарь, – однако этот титул – ошибка. Я принес оммаж^[34] мегаскиру афинскому, и не как барон, а как владелец трех рыцарских фьефов.

– Когда мы получили сообщение из Морей, мы еще не знали о других твоих титулах, – отвечал понтифик. – Однако, как только за тобой вслед отправилось это письмо, до Ананьи дошли новые сведения.

Папа сделал одно лишь движение трясущейся рукой, и к нему стрелой подлетел замерший в дверях секретарь. Справа от кресла, между кадками, обнаружилось большое бюро, на котором высилась кипа документов. Секретарь порылся среди пергаментов, вытянул из середины длинный лист и вопросительно глянул на Григория.

– Читай, – сказал тот, – только опусти все, что непосредственно не относится к делу.

Секретарь, шустро пробежав глазами большую часть бумаги, пискляво огласил:

«...помимо прочего хочу сообщить, что в последнюю неделю перед Великим постом в Реймс, к архидьякону прибыл некий благородный рыцарь, исполнивший крестоносный обет. Он назвался Жаком, сеньором де Вази, и предъявил грамоты, свидетельствующие о том, что принадлежащее ранее рыцарю, сиру Роберу, держание Мерлан отписано ему в наследство. Среди предоставленных документов имелось письмо патриарха Иерусалимского, свидетельствующее о героической гибели Робера де Мерлана в сражении с неверными, а также жалованная грамота магистра ордена Храма, Пере де Монтегаудо, в которой тот отказывается от каких бы то ни было притязаний ордена на владения, ранее принадлежавшие сиру Роберу по ту и по эту сторону моря. В конце концов, архидьякону была предъявлена только что подписанная хартия Гуго, графа де Ретель, передающая вышеозначенное держание Мерлан в вечное наследственное владение сиру Жаку.

Не имея ни малейших оснований отказать прибывшему рыцарю, я передал ему все унаследованные владения – половину мельницы и торфяное болото, а также и усадьбу с донжоном, что со дня убийства сира де Мерлана в святую землю находились под рукой вверенного мне диоцеза.^[35]

Смиренно прошу ваше святейшество уделить малую толику времени от ваших неотложных богоугодных дел и изъявить свою волю, кому же все-таки – диоцезу Реймс или прецептории Ассонс надлежит получать церковную десятину, Саладинову десятину, сотую и двухсотую крестоносные подати, а также и добровольные пожертвования с прихожан вышеозначенного Мерлана? На эти доходы, по своему обыкновению, наложили лапу (зачеркнуто) выдвинули притязания тамплиеры, а сей духовно-рыцарский орден, как известно, подчиняется одному лишь Святому престолу, и нет на него управы поместному клиру...

Припадаю к вашим ногам, святой отец, со смиренным почтением, Анри де Дрэ, архиепископ Реймский».

– Мы долго ломали голову, – глядя прямо в глаза рыцарю и не находя в ответном взгляде ни тени страха и смущения, произнес Григорий, – с чего это вдруг молодой граф Гуго де Ретель, который уже на всю Европу прославился тем, что готов сражаться со всеми своими светскими и духовными соседями за каждый спорный клочок земли, вдруг взял да и отдал целый рыцарский фьеф заезжему крестоносцу. Однако наши сомнения разрешило следующее письмо. Оно задержалось в пути, так как доставлявший его гонец, застигнутый снежной бурей на альпийских перевалах, вынужден был всю зиму и часть весны провести в одном из бенедиктинских монастырей. Вот что пишет епископ Вьенна.

Папа кивнул секретарю, который к завершению речи понтифика уже держал в руках нужный пергамент, и тот продолжил чтение:

«...исполняя волю вашего святейшества, направляю нарочным, непосредственно в Ананы, минуя латеранский секретариат, послание настоятеля церкви, находящейся в окрестностях Гренобля, в котором он описывает как очевидец события, произошедшие там на Рождество. Послание, адресованное мне, было написано чрезвычайно неразборчиво и было отдано лучшему переписчику диоцеза, для того чтобы чтение его не было затруднительным ни для святого отца, ни для его смиренной паствы...»

– Пропусти всю эту холуйскую чушь, – приказал папа, – и приступай сразу к сути, у нас не так уж много времени.

Секретарь кивнул и, немного изменив тон повествования, продолжил:

«В разгар рождественского пира в гренобльском родовом замке графов Вьеннских, Колиньи-ле-Неф, куда, по обыкновению, была созвана для разговения и прославления имени Господа нашего Иисуса Христа вся окрестная знать, а равно и духовные пастыри епископии, у ворот замка объявился никому не известный рыцарь, по виду крестоносец, который потребовал, чтобы его немедленно допустили к пирующим.

Граф Гуго Второй, хозяин замка, всегда любивший пышные и многолюдные застолья, велел немедленно препроводить пилигрима к его личному столу, дабы щедро угостить его и расспросить о делах, что вершатся в Святой земле.

Однако сей рыцарь, воспользовавшись милостью хозяина и оказавшись в зале с пирующими, пренебрег предложенным угощением и дерзко объявил, что он вызывает графа и всех присутствующих в замке членов его линьяжа, способных держать оружие, на смертельный

поединок.

Граф и его гости, сочтя, что имеют дело с полусумасшедшим странствующим рыцарем, коих много ныне бродит по дорогам Франции, Бургундии и Лангедока, не приняли его вызов всерьез и наслали на него стражу, дабы выставить наглеца за дверь.

Но возмутитель спокойствия, как выяснилось, мог за себя постоять. После того как отряд из пяти опытных копейщиков был во мгновение ока обращен в бегство, к приезжему вышел троюродный брат графа, сир Лерман, хорошо известный своими победами в кулачных боях, дабы достойно его проучить. Участвовать в поединке на мечах с человеком без роду-племени сир Лерман напрочь отказался и попробовал исполнить свою угрозу при помощи первого, что попало ему под руку, а именно – большой каминной кочерги.

Не успели присутствующие благородные сеньоры опомниться, как сир Лерман (как выяснилось позже, оставивший свои брэ и шоссе в дальнем углу обеденного зала, где он до появления рыцаря предавался плотским утехам с одной из горничных) уже корчился на полу в предсмертной агонии, а вырванная у него из рук кочерга, явившаяся причиной мучительной смерти путем полного разрыва внутренностей, была на локоть вставлена ему, да простит меня ваше преосвященство, но я, как свидетель, не могу погрешить перед истиной, между ягодиц...

Воспользовавшись всеобщим смятением и тем, что шум в зале затих настолько, что его слова могли расслышать все пирующие, рыцарь, во избежание дальнейшего обращения с ним как с простолудином, назвал себя морейским сеньором, шевалье де Вазы, и повторно вызвал теперь уже всех гостей, присутствующих на пиру, на смертельный поединок. На вопрос во имя чего или кого он собирается сражаться, рыцарь ответил, что речь идет о его даме, некоей Зофи, за честь которой он и собирается на выбор скрестить копьё или мечи, тем самым окончательно убедив присутствующих, что они имеют дело с сумасшедшим.

Рыцари Гренобля, возможно, и не приняли бы столь нелепый вызов, однако, не встречая в глазах присутствующих желания размахивать мечами в этот тихий рождественский вечер, он добавил к сказанному, что все, кто находится в замке, – на самом деле бабы и трусы, которые предаются всевозможным порокам, а в особенности сластолюбию и чревоугодию, вместо того, чтобы принимать крестоносный обет и сражаться за святую землю.

Как первый рыцарь Вьенна и Гренобля, Граф Гуго Второй, опытный воин, вынужден был, отстаивая честь своей фамилии, первым принять вызов и вскоре был убит.

Родичей и гостей на пиру у графа было много, поэтому поединки продолжались без отдыха вечер, ночь и весь последующий день. Приезжий рыцарь, не зная устали, расправлялся с лучшими бойцами Бургундии, словно с отроками, впервые взявшими в руки меч. При этом он не знал пощады, и его последний удар всегда разил наповал и оказывался смертельным. По завершении этой череды поединков, оказавшейся форменным побоищем, выяснилось, что бургундской ветви рода графов Колиньи-ле-Неф более не существует.

Единственный оставшийся в живых случайно оказавшийся на пиру дальний родственник худосочной побочной линии Колиньи, некто Гаспар, неожиданно унаследовавший как земли, так и титул владетельных графов, на том же столе, где, за отсутствием свободного места, были уложены бездыханные тела бывших хозяев замка, безо всякого на то принуждения добровольно подписал жалованную грамоту в пользу сира Жака де Вазы на селение Монтелье и тысячу акров прилегающей к нему земли.

Дело закончилось тем, что присутствовавший на пиру епископ Гренобля, поднявшись из винного погреба, где он предавался благочестивым размышлениям в обществе двух юных послушниц, остановил бессмысленную бойню и призвал рыцаря к ответу. Однако, исповедовав приезжего в замковой часовне, он, к всеобщему удивлению, признал все свершенные деяния не

только обоснованными как с точки зрения мирских, так и духовных законов, но и вполне богоугодными, затем причастил его и отпустил ему все грехи, назначив незначительную епитимью.

После причастия рыцарь покинул замок, посетил местное кладбище бедняков и убыл из Гренобля так же неожиданно, как и появился. По имеющимся сведениям, остановившись на несколько дней в вышеозначенном селении Монтелье, он направился в Шампань».

Секретарь закончил чтение, и над террасой нависла тяжелая тишина, нарушаемая лишь отдаленными вскриками неведомых птиц.

– И как ты можешь все это объяснить, сын мой? – выдержав надлежащую паузу, спросил понтифик.

– В зачитанных посланиях почти нет правды, – все так же бесстрастно ответил рыцарь, – пока эта история дошла до вас, святой отец, она превратилась в миф и обросла нелепыми подробностями. Не было и в помине никакой кочерги и никакого многодневного побоища. Да, действительно, я прибыл в гренобльский замок, вызвал графа Гуго на поединок и убил его. Кроме него со мной изъявил желание биться лишь упомянутый сеньор де Лерман, светлая ему память. Так что утверждение, будто я вырезал весь род Колиньи, не имеет ни малейших под собой оснований. Что касается отпущения грехов – это совершеннейшая правда. Действительно, выслушав мой рассказ, его преосвященство епископ счел мои деяния вполне обоснованными. Никакого аббата я в замке не видел, так что думаю, что целью сего послания было скорее желание архиепископа Вьенна опорочить в ваших глазах гренобльского епископа. Более мне нечего добавить к сказанному, святой отец. – Я не считаю, что тут нам не о чем говорить, – почти перебивая его, жестко произнес Григорий. – Господь с ними, с Колиньи-ле-Нефами... Изведя этих штауфенских прихвостней, ты сотворил богоугодное дело, сын мой, и принес большую пользу Церкви. Раз уж епископ Гренобля отпустил тебе твои грехи, то не имеет смысла выяснять все подробности. Полагаю, что у тебя имелись для этого достаточно веские причины. Теперь посмотри, если можешь на все происходящее с нашей точки зрения. Мы на протяжении многих лет готовим союз с монголами. И от этого союза, как тебе, наверное, хорошо известно, зависит ни много ни мало как судьба христианского Востока. С огромным трудом организовав цепочку посредников, соблюдая строжайшую тайну, мы отправляем на встречу с Чингисханом надежных посланников – рыцарей Святого Гроба, во главе с доблестным и умудренным в политике приором Сен-Жерменом, в числе которых находился и ты, сын мой, – в чине простого орденского сержанта. Почти сразу же после этого по ту сторону моря начинают происходить поразительные вещи. В Заморье, несмотря на титанические усилия Святого престола остановить этот уже никому не нужный поход, прибывает безбожник Фридрих со своим войском и полностью выходит из-под контроля. Император, вместо того чтобы с позором проиграть крестоносную войну, вдруг заключает мир с султаном аль-Камилем и получает без боя Иерусалим, а посланники, которых мы ждем, как манны небесной, исчезают бесследно. Год спустя мы узнаем, что монгольский император давно отдал Богу душу, а наши рыцари, добравшись только лишь до Багдада, сгинули в горах Трансиордании, по разным свидетельствам, то ли в стычке с сарацинами, то ли в бою с наемниками, посланными Фридрихом. Курия в полном неведении. Что происходит в Каракоруме? Рассчитывать ли нам на монгольские армии или нет? Продолжать войну с Фридрихом или заключать перемирие? Почти год мы не получаем никаких вестей и не можем принимать взвешенных решений. И вот недавно один из отправленных в поход сержантов, целый и невредимый, вдруг объявляется в Иерусалиме уже опоясанным рыцарем, проносится молнией по Святой земле, легко заручается полной поддержкой магистра тамплиеров, после чего снова исчезает и затем возникает в

Бургундии. Что случилось с вашим отрядом? Почему ты, сын мой, возвратившись в Акру, ничего не рассказал патриарху?

– На это было две причины, ваше святейшество, – чуть нахмутив брови, что не ускользнуло от пронизательных глаз понтифика, отвечал рыцарь. – Во-первых, наша миссия потерпела неудачу, и рассказывать было, собственно, не о чем. Мы действительно добрались до Багдада, где узнали о том, что Чингисхан умер, а его преемник еще не избран. Для того чтобы как можно скорее принести эту весть в христианский мир, мы двинулись назад. На обратном пути нас атаковали одновременно наемники-генуэзцы и воины эмира Газы, Салеха. В разгар сражения началось землетрясение, и все, кроме меня, погибли под камнепадом либо утонули в водах горного потока. Я чудом уцелел, не попав под завал. Более мне ничего не известно. Во-вторых, его высокопреосвященство, патриарх Геральд, при встрече удовольствовался лишь моим коротким сообщением о гибели всех рыцарей и не проявил ни малейшего участия в судьбе нашего крестоносного братства. Поэтому я, сочтя, что мой крестоносный обет исполнен, начал устраивать собственные дела.

– И устроил их просто великолепно, – усмехнулся папа своей тяжелой волчьей ухмылкой, – я слышал, что виноградники Монтелье и греческие владения, полные оливковых рощ, приносят тебе столь изрядный доход, какой не снился и многим графам по эту сторону моря.

– Ваши сведения, святой отец, как и в случае с моим несуществующим баронством и событиями в Гренобле, во многом верны, хоть и несколько преувеличены, – улыбнулся рыцарь. – Источником моего благосостояния являются трофеи, добытые в боях за веру, а что касается моего возвышения – в рыцари меня посвятил сам приор Сен-Жермен. До того как отряд погиб в Трансиордании, мы побывали в нескольких сражениях, и мессир счел мои, несомненно, не столь уж и значительные заслуги на это достаточным основанием.

– Так или иначе, ты теперь благородный рыцарь, владетельный сеньор и очень богатый человек, – Григорий протянул руку куда-то в сторону розовых кустов. Оттуда немедленно появился слуга, держащий в руках высокий стакан венецианского стекла, и, соблюдая предельную почтительность, помог папе сделать несколько глотков, – но я, – промочив горло, продолжил понтифик, – пригласил тебя не для того, чтобы выпрашивать тебя о твоих личных делах. Мне нужно знать, не вез ли Сен-Жермен с собой какое-либо послание? Может быть, он обмолвился хоть словом? Говорили, что вас на обратном пути сопровождали какие-то монголы...

– Увы, ваше святейшество, – снова нахмурился рыцарь, – я был не столь значительной фигурой в братстве, чтобы мессир обсуждал в моем присутствии свои дела. Во время последнего боя нас разделила обвалившаяся скала, и ничего о дальнейшей судьбе предводителей миссии мне не известно. Монголы на самом деле выделили нам отряд для сопровождения по пустыне, но они, не дойдя до Иерусалима, возвратились назад, чтобы как можно скорее узнать о результатах харултая.

– Харултай состоялся прошлой осенью, – кивнул головой понтифик, – на нем, вопреки всем ожиданиям, избран великим ханом не законный наследник престола, Толуй, а его старший брат, Угедей. По всему монгольскому царству ходят упорные слухи, что Толуй, слабый здоровьем и подверженный пагубной страсти неумеренного винопития, сам отказался от верховной власти в пользу талантливой и энергичной брата. Он сложил с себя полномочия правителя, возложенные на него на время двухлетнего траура, и теперь пребывает в одном из стойбищ Внутренней Монголии, где доживает последние дни. Также ходят слухи, что он убит, отравлен или просто исчез, однако ни подтвердить, ни опровергнуть их мы не можем. Насколько нам известно, новый правитель, Угедей, отказался от похода в Левант, и теперь монголы готовят большой набег на царство болгар. Вместо обещанной подмоги святой земле против сарацинских

султанов направлен один лишь корпус какого-то Чормаган-нойона. Да и тот не движется в Сирию, а занимается лишь тем, что гоняется в киликийских горах за недобитыми хорезмийцами и их предводителем Джалал ад-Дином. Не могу взять в толк, зачем ему эти несчастные беглецы, которые сейчас целыми семьями переходят на службу к конийскому султану? От них Иерусалимскому королевству не исходит ни малейшей угрозы. Однако, сын мой, меня больше интересует то, что ты можешь поведать о происходящем в святой земле.

Завершив продолжительный монолог, папа умолк и, продолжая непроизвольно покачивать головой, устремил на рыцаря испытующий взгляд.

– Не знаю, какие именно сведения доходят до вас с Востока, святой отец, – внимательно выслушав Григория, отвечал рыцарь, – однако то, что я там видел, вряд ли вас порадует. Неожиданное и неоправданное наложение интердикта на Иерусалим превратило и так уже почти проваленный поход в настоящий фарс. В церквах не проводятся службы, а пилигримы и крестоносцы толпами возвращаются в Европу, не получая индульгенций за исполненный крестовый обет. Да и сам Святой Град все это время находится в странном положении. Патриарший клир как был, так и остался в Акре. Никто, за исключением немногочисленных госпитальеров и небольшого отряда тевтонцев, не заботится о приеме паломников. Стены города так и не восстановлены, и окрестные эмиры то и дело совершают на него грабительские набеги. Поверьте, если подобное положение продлится еще несколько месяцев, то о возвращении Святой земли можно будет забыть навсегда.

– Ты честен, рыцарь, и не боишься говорить правду, сколь бы она ни была тяжела, – кивнул Григорий, бросив на посетителя быстрый взгляд хищника, приготовившегося к броску, – и я хочу за это тебя наградить. Завтра утром я буду служить мессу в кафедральном соборе и, в благодарность за заслуги перед делом защиты веры, хочу лично совершить над тобой обряд святого причастия.

– Ваше предложение – это огромная честь для столь малозначительного человека, – сделав небольшую паузу, словно тщательно продумывая ответ, медленно произнес рыцарь. – Однако, как истинный христианин, я вынужден сказать, что перед самым отъездом из Арденн исповедовался и причащался у кюре Мерлана. Увы, но Господь не допускает двойного отпущения за одно и то же прегрешение. Мчась по бургундским холмам, альпийским перевалам и равнинам Ломбардии, я так спешил как можно скорее прибыть на назначенную аудиенцию, что большую часть дня и ночи проводил в седле. Так что с тех пор единственными моими грехами можно считать разве что нескольких случайно раздавленных на дороге сусликов. Думаю, что столь незначительные прегрешения недостойны того, чтобы их отпускал глава Святого престола.

В глазах папы засветилась почти неприкрытая злость, замешанная напополам с уважением.

– Если бы мои богословы были столь же искушены в умении уходить от коварных вопросов, как этот простой рыцарь, то церковь уже давно повелевала бы миром... – пробормотал он себе под нос. – Что же, выходит, я не ошибся в тебе, сын мой. Но если ты ожидаешь, что после подобного ответа впадешь в немилость, то ты ошибаешься.

На самом деле я призвал тебя для того, чтобы предложить возглавить вновь учреждаемый орден. Возрожденный орден Святого Гроба, по нашему замыслу, должен будет превратиться из светского крестоносного братства в организацию с уставом тамплиеров. Открою тебе секрет. Я желаю на ближайшем Вселенском соборе принять постановление об объединении всех военно-монашеских орденов в единую силу и подчинить ее вновь созданному ордену. Я стар, и мне не так уж много отпущено времени, но я хочу остаться в памяти потомков как папа, который создал единое, непобедимое воинство Христово, способное сокрушить всех врагов святой церкви, не прибегая больше к помощи светских правителей. И ты, рыцарь, станешь магистром

этого воинства. Твое происхождение – не помеха. Достаточно короткого письма, даже не письма, а намек королю Франции, и ты получишь баронский, а затем и графский титул. Только подумай, тебя ждет слава великих королей-крестоносцев – Годфруа де Булона и Ричарда Английского. У тебя под рукой будут не меньше полутора тысяч рыцарей по ту и по эту сторону моря – такой регулярной армией не может похвалиться ни английский король, ни германский император. Со всего христианского мира в казну нового ордена будут стекаться щедрые пожертвования, все маноры^[36] тамплиеров, госпитальеров и тевтонцев будут управляться твоими людьми. Самые родовитые сеньоры будут склонять перед тобой голову и смиренно просить принять их в твое крестоносное братство. И не нужно меня благодарить, сын мой, ты заслужил эту честь, и надеюсь, что оправдаешь оказанное тебе доверие.

Закончив речь, папа замолчал и снова, как будто случайно, высунул из-под одежд носок своей бархатной туфли, вероятно для того, чтобы ошастливленному рыцарю не пришлось рыться среди облачения, когда он кинется на колени для благодарного поцелуя.

Но, к удивлению понтифика, рыцарь продолжал недвижно стоять в шаге от него, словно каменная статуя.

– Я исполнил свой крестоносный обет уже дважды, – медленно выговаривая слова и отлично осознавая последствия сказанного, произнес он твердым голосом, в котором не слышалось и тени колебаний, – защищая святую землю, я не раз смотрел смерти в лицо, а один раз чуть не шагнул за грань. Может ли Всевышний требовать большего от простого смертного?

Понтифик не сразу понял, что он получил отказ. Угрюмое лицо, которое до этого озаряло подобие улыбки, с какой принято изображать святого Николая, вручающего детям рождественские подарки, исказила гримаса плохо скрываемой ненависти.

– Что же, сир рыцарь, ты знаешь себе цену, – произнес он, сделав над собой неимоверное усилие для того, чтобы загнать внутрь свои чувства. – Но, как бы эта цена ни была высока, всегда найдется тот, кто будет в состоянии ее уплатить. И поверь мне, что настанет час, когда ты сам захочешь, чтобы тебе ее предложили. Но будет уже поздно. Однако сказанного не воротишь. С этого самого момента ты лишаешься моей благосклонности и поддержки и поверь, что, сразу же, после того как ты выйдешь за эти двери, – он указал на выход, где скучала охрана, – за твою жизнь никто не даст и медного гроша.

– Не спорю, ваше святейшество, – все так же, не поддаваясь страху и не теряя достоинства, отвечал теперь уже опальный рыцарь, – вы можете отдать приказ схватить меня, обвинить во всех смертных грехах и казнить или же просто велеть заколоть в случайной стычке. Однако могу сказать, что, пожалуй, нет того, чем меня можно было бы по-настоящему запугать. Смерти, как уже было сказано, я уже столько раз глядел в лицо, что привык и перестал ее бояться. Адских мук? Не мне объяснять, что невинноубиенные попадают в рай.

– Похоже, рыцарь, ты подготовился к этой встрече намного лучше, чем я, – медленно проговорил понтифик, – ну что же, в конечном итоге, ты прав. Все мы – от великих королей и могущественных прелатов до невежественных, погрязших во грехе язычников – всего лишь перышки, которые несутся под дуновением дыхания Господней воли неведомо куда. Ступай. Следуй своему предназначению. Я не буду тебя преследовать, но и не собираюсь благословлять. И помни, что с этого дня ты не можешь полагаться на защиту церкви.

Рыцарь, сохраняя бесстрастное выражение лица, поклонился и ровным небыстрым шагом покинул террасу.

Не успела створка двери закрыться за посетителем, как у кресла папы, вынырнув из кустов, появился кардинал Гоффредо.

– Сегодня же отправляйся к Фридриху в Сан-Жермано, – отдал распоряжение понтифик. – Последняя надежда на монгольскую поддержку рухнула, поэтому нет смысла затягивать

переговоры с императором. От моего имени соглашайся на все оговоренные условия, подписывай договор. После формального и неунизительного покаяния я сниму с императора интердикт. А стало быть, отлучение будет снято и с Иерусалима. Крестоносный поход императора будет завершен, и мы сможем, наконец, отобрать у патриарха полномочия папского легата. Да простит меня Господь, но столько вреда, сколько принес нам Геральд де Лозанн... Жаль, что я не могу своей властью лишить его и патриаршего звания, будь прокляты эти иерусалимские порядки, заведенные еще при Годфруа де Булоне... Патриарха назначает король из двух кандидатов, которых представляет орден Святого Гроба...

– Повозка ждет еще с утра, – кивнул головой кардинал, – я отправляюсь в Ломбардию сей же час.

– Проезжая через Флоренцию, – отдал распоряжение папа, – и прими с глазу на глаз моего старого друга, Франческо Каранзано. Передай ему от меня, что сын его Николо жив и здоров. Ныне он находится в Багдаде, выполняя мое особое поручение. Что последнее послание от него я получил пять недель назад и отправил в ответ приказ примкнуть к первой же францисканской миссии, которая будет направлена в Каракорум, на переговоры с монгольским ханом. Заслуги этого юноши в его тайной службе Святому престолу невозможно переоценить.

– Будет исполнено, брат Уголино, – почтительно склонил голову кардинал. – До отъезда позволю себе обратить твое внимание на одно из донесений, которое было доставлено, пока вы беседовали с несостоявшимся магистром. В нем идет речь о событиях, которые происходят в Киликии. Как известно, там, еще со времен покорения Константинополя и образования латинской империи, имеется горная крепость, в которой ныне засели бывшие тамплиеры-ренегаты, осудившие захват христианского города. Так вот, наш осведомитель утверждает, что во время Страстной недели один из монгольских отрядов, углубившись в горы Тавра, преследовал остатки армии хорезмийцев. Франки, которые уже долгое время не вмешивались в дела никейских императоров и конийских султанов, неожиданно вышли из своей твердыни и, придя на помощь к монголам, полностью уничтожили всех мусульман. Рассказывают, что эти воины отличались особым искусством владения мечом и копьем и что среди них был настоящий великан с булавой размером в два человеческих роста...

– Опять слухи, опять легенды, – поморщился папа. – Наши хронисты, живущие на Востоке, словно очарованные этими землями, не видят разницы между правдой и вымыслом. Стоит почитать хотя бы записки архиепископа Тира, Гийома, чтобы в этом убедиться. Напомни мне, как называется эта странная крепость?

– Хааг, – ответил кардинал.

– Хааг, – повторил за ним понтифик и сделал чуть заметный знак рукой, давая знать, что беседа завершена.

Секретарь понтифика раскрыл регистр, взял в руки перо, вывел сегодняшнюю дату и каллиграфическим почерком сделал запись:

«После заутрени, вне установленной очереди, его святейшество дал аудиенцию сиру Жаку-Роберу, шевалье де Мерлан дю Монтелье, барону де Вази, собрату-рыцарю иерусалимского ордена Святого Гроба. О чем они беседовали до самой обедни, его святейшество поведать не соизволил».

* * *

Жак де Монтелье вышел за дверь и принял у капитана свое оружие. Взяв в руки меч, он приложился губами к иерусалимскому кресту и привычным движением пристегнул ножны к

поясу. Никем не задержанный, под уважительными взглядами охраняющих папскую резиденцию наемников из Пармы, Перуджи и Сполетто, он вернулся на внешнюю галерею, спустился во двор и покинул дворец.

Неподалеку от ворот его ожидал эскорт. При появлении господина пятеро тяжеловооруженных и добротнo одетых конных сержантов немедленно вскочили в седла, а молодой оруженосец подвел ему огненно-рыжего скакуна. Конь при виде хозяина радостно всхрапнул и стал как влитой, позволяя хозяину без помех взлететь в удобное седло миланской работы.

– Значит, Толуй все-таки добрался до Монголии... – перед тем как махнуть рукой, чтобы подать команду к началу движения, чуть слышно произнес Жак.

Отряд, грохоча по брусчатке, понесся по тихим улочкам, распугивая ленивых итальянских гусей. Покинув город, всадники выехали на *via Antium* – петляющую меж холмов древнюю римскую дорогу, которая соединяла внутренние области Латиума с западным побережьем. Конь шел ровным размеренным аллюром, и Жак, ослабив поводья, погрузился в мысли. Он думал о событиях в Гренобле, повторяя про себя строчки письма кюре о смерти Зофи, которое выучил до последней буквы. Пробираясь через горы и долины Древней Эллады, с боями прорываясь через беспокойную Далмацию, в кварталах Венеции, под крышами постоянных дворов Ломбардии, в странноприимных домах, укрытых на заснеженных альпийских перевалах, он думал лишь о мести, и, видит Бог, он отомстил.

Хладнокровно и беспощадно расправившись с семейством Колиньи, он провел несколько часов в скромном жилище кюре, который был свидетелем последних часов Зофи, после чего отправился на кладбище, которое ему указал кюре, в самый отдаленный его конец. Ночь он провел на краю глубокого рва, наполовину заполненного присыпанными известью телами неимущих и безродных. Почтенный отец Браун, помнивший своего ученика ранним, впечатлительным юношей, был бы, наверное, крайне удивлен, если бы узнал, к каким последствиям привело его письмо. Но еще больше его бы поразили глаза Жака – с того самого момента, как он сошел с борта «Акилы» в Фессалониках, они сохраняли пугающее, совершенно бесстрастное выражение.

И снова перед глазами Жака встали благодатные итальянские равнины, покрытые неправдоподобно ярким травяным ковром, словно здешние холмы и долины, не жалея красок, расписал всеми мыслимыми оттенками зеленого цвета неведомый художник.

Они находились в пути уже несколько часов. Кони, купленные в Монферрате, шли ровно и размеренно, не зная усталости, и вскоре, когда всадники, преодолев затяжной подъем, поднялись в седловину меж двух возвышенностей, впереди, в просветах между холмами, засверкала лазурная гладь Тирренского моря. Отряд, перевалив через последнюю цепь холмов, выбрался на морское побережье. Вскоре, за поворотом бегущей вдоль береговой кромки дороги, объявилась и конечная цель пути – перед ними мирно дремал небольшой итальянский городок.

Анцио, построенный еще троянцами, ныне пребывал в покое и запустении. Канули в Лету те дни, когда его гавань не успевала принимать торговые корабли, а каждый состоятельный римский патриций считал своим долгом иметь здесь виллу для летнего отдыха. Теперь о том, что это древнее местечко было родиной Калигулы и Нерона, местом длительного пребывания Цицерона, Гая Лукреция, кесаря Августа, напоминал разве что небольшой, но удобный порт да полуразрушенная вилла, названные в честь рыжебородого гонителя христиан.

Окидывая внимательным взглядом мачты немногочисленных судов, поставленных на якоря неподалеку от берега, Жак снова возвратился к недавнему прошлому и подумал о том, что точно так же, первым после зимы по-настоящему солнечным днем и мачтами нефов и галер на внешнем рейде, встретил его Тир.

Отряд въехал в порт и, грохоча по древним каменным плитам, уложенным, наверное, еще во времена царствования царя Ромула, остановился напротив невысоких складских построек. На внутреннем рейде небольшой гавани Анцио, занимая ее чуть не всю целиком, возвышаясь стеной над пирсом и прилегающими зданиями, стоял огромный неф.

Жак соскочил с коня, не глядя передал поводья выросшему как из-под земли слуге и двинулся навстречу невысокому, круглолицему, улыбающемуся во весь рот человеку.

– Ну, здравствуй, Понше! – хлопнул он по плечу склонившегося в неглубоком, но уважительном поклоне марсельского капитана.

– Слава Богу, господин, наконец-то мы вас дождались! – продолжая все так же широко улыбаться, ответил Понше. – Положа руку на сердце, я уж начал всерьез беспокоиться. Итальянские земли еще не оправились от войны и, по мне, чрезвычайно опасны для сухопутных путешествий. То ли дело доброе торговое судно, на которое далеко не всякая боевая галера рискнет напасть. Опять же за те одиннадцать дней, что мы здесь стоим, чего только не наслушались. Тут о вас, монсир, такие слухи ходят...

– Все в порядке, капитан, – Жак зашагал в сторону схода. Понше, пристроившись слева и в полусаге позади, почтительно следовал за ним. – Лучше расскажи, как здесь идут дела?

– Как было приказано в последнем письме, – сделав неудачную попытку вытянуть руки по швам, затараторил почтенный марселец, – я отказался и от попутного груза, и от паломников, хотя предложения фландрских купцов и его преосвященства архиепископа были чрезвычайно выгодными. Мы пошли из Марселлоса в Геную, приняв на борт лишь пятьдесят бургундских копейщиков во главе с капитаном Воланом из Дижона. Бургундцы – настоящие солдаты. Жители Анцио и хозяева двух здешних постоялых дворов по три раза в день возносят молитвы Господу, дабы наш неф как можно скорее оставил их гостеприимный город, иначе последующее поколение здешних детишек окажется наполовину бургундцами.

– Как все прошло в Генуе? – улыбнувшись одними лишь кончиками губ, поинтересовался Жак.

– Все как и было велено, монсир, – Понше заговорщически оглянулся по сторонам и понизил голос: – Под покровом ночи мы погрузили на неф семь дестриеров, десять заводных коней, пятнадцать мулов, а также партию оружия и доспехов, достаточную, как утверждает посредник, амальфийский купец, чтобы вооружить до зубов целую рыцарскую баталию. Бургундцы, получив новые копья, кольчуги и шлемы, радовались, как дети.

– Все ли бумаги оформлены правильно, Понше? – удовлетворенно кивнув, задал следующий вопрос Жак.

– Ох, прошу простить великодушно, сир рыцарь, я так обрадовался, увидев вас, что напрочь позабыл о самом главном. Вот, все здесь, до последнего листа, – Понше лихорадочно зашарил в пояском кошелье и извлек из него увесистый рулон ярко-белых пергаментов. – Я постоянно ношу их при себе, опасаясь оставлять даже в сундуке для казны, что стоит в капитанской каюте. Вот! Это – грамота, подписанная старшиной гильдии марсельских корабелов и утвержденная нотариусом коммуны, а это – вексель, погашенный марсельской прецепторией ордена Храма. Тамплиеры без малейших задержек передали уговоренную сумму, так что уже пятая неделя пошла, как вы являетесь полновластным хозяином «Акилы».

– Как скоро мы можем отплыть?

– Как только наблюдатель на мачте сообщил о вашем приближении, все наемники сразу же были отозваны с берега и теперь ожидают на борту. Фуража для коней, продовольствия, воды взято на борт втрое сверх необходимого. Такелаж проверен, днище просмолено. Кони уже заведены в трюм. Осталось лишь подняться на мостик и отдать приказ, господин!

– Считай, что ты его уже получил, Понше, – легко взбегая по сходням, ответил Жак, – по

эту сторону моря все дела сделаны, все обеты исполнены и все долги отданы. Мы отправляемся на восток, в город Трапезунд.

Глаза капитана округлились:

– Вы что, поступили на службу к тамошнему греческому правителю, господин? Вот уж чего я никак не мог предположить.

– Нет, Понше, для трапезундского императора это слишком большая честь. Мы сойдем на берег и отправимся в горы Тавра. Именно там и находится конечная цель путешествия.

– Как скажете, хозяин. «Акила» принадлежит вам, я ее капитан, а стало быть, форштевень будет рассекал волны в том направлении, которое вы укажете.

Неф медленно отвалился от пирса, протиснулся через узкий проход, вышел в море и, подняв паруса, стал удаляться от берега.

Стоя на верхушке носовой башни, Жак наблюдал за стаяй сопровождающих «Акилу» чаек и вспоминал о тех, кажущихся бесконечно далекими, днях, когда он встретился впервые с Робером.

– Они живы, – прошептал рыцарь, обращаясь к чайкам, в которых, по поверью, вселяются неупокоенные души погибших моряков. – По ночам, во время грозы, когда начинает болеть раненое плечо, ко мне снова и снова приходит один и тот же сон, в котором все они, даже Робер, ожидают меня на краю Серой Степи – но, как ни странно, не по ту, а по эту сторону каменной стены.

Он вглядывался невидящими глазами в горизонт, пока береговая линия не удалилась настолько, что превратилась в укрытую дымкой цепочку едва различимых холмов. Жак уже не думал об оставленной им Италии. Все его помыслы занимало лишь одно-единственное желание – добраться до загадочной киликийской крепости, что находится на скале Хааг, которую Сен-Жермен определил местом встречи рыцарей Святого Гроба, в надежде отыскать там своих пропавших друзей. Его невеселые мысли оборвал тревожный возглас, донесшийся со стороны кормовой башни.

– Измена, измена, господин! На корабле шпион! – Из-за мачты появился Папикий, конвоируя визжащего от страха Понше. Рука марсельского капитана была заломлена назад, а к горлу его приставлен страшный кривой кинжал.

Не успел Жак вымолвить ни слова, как из-за спины Папикия вылетел разъяренный Хор.

– Вот мы тебя сейчас, вражье племя! – замахнулся он на беднягу своей колотушкой.

– Стоять! – рявкнул Жак. – Отпустите Понше, никуда он с корабля не денется, и рассказывайте обо всем по порядку.

Хор и Папикий, беспрекословно исполнив команду, затараторили, перебивая и поправляя друг друга. Из их сбивчивого рассказа Жак выяснил, что его охранники, в точности следуя раз и навсегда заведенной процедуре, едва поднявшись на борт корабля, стали его обшаривать, начиная с кормового трюма.

– Шибко мастер Григ порядок любил, – пояснил громила Хор. – Чуть что не так – сразу же плетью по филейным частям. С тех пор у меня, если новое место не проверю, задница сама начинает чесаться.

Двигаясь от кормы к носу и заглядывая при этом во все щели, они добрались до центрального трюма, где и обнаружили прячущегося чужака.

– Не человек, а зверь какой-то, – с ненавистью глядя на капитана, проскрипел Папикий, – сидит в углу, за колонной, глаза вытаращил, зубы скалит. А у самого меч наготове. Словом, или соглядатай, или подосланный убийца.

– Именно так, господин! – затряс бородой Хор. – И этот не иначе как с ним в сговоре.

– Ты об этом знал, Понше? – обернулся Жак к капитану.

– Грешен, знал, монсир, – потирая уколотую шею, мрачно ответил тот. – Ох, чуял я, что лучше бы вам сразу во всем сознаться. Да ведь он меня еще в Марселлосе запугал – пригрозил, что уши отрежет. А какой же из меня капитан без ушей? Но это не то, что вы...

– Допросить нужно, кто подослал. Сейчас я его на палубу вытащу! – Хор, не дослушав до конца объяснений капитана, воинственно взмахнул колотушкой и ринулся в открытый настежь люк.

Почти сразу же из темноты донесся шум схватки. Колотушка несколько раз стукнула по дереву – ее хозяин, пытаясь достать невидимого противника, то и дело попадал в переборку. Затем послышались громкие воинственные вопли, которые быстро переросли в хрипы и стоны. Звуки колотушки пропали, и им на смену пришли глухие удары, судя по всему, противники перешли к кулачному бою.

Пока Папикий, сжимая в руке кинжал, все никак не мог решить, бросаться ли на помощь товарищу или еще подождать, на палубу высыпали поднятые по тревоге копейщики. Когда Жак, спустившись с башни, подошел к месту событий, снизу уже не доносилось ни звука. Наемники по команде своего капитана окружили люк со всех сторон, словно медвежью берлогу, и выставили вперед копья.

Из темноты донеслось ворчание. Жак уж было собрался отдать приказ к атаке, как вдруг вместо обложенного зверя на палубу вылетел Хор. Точнее, не вылетел, а был выброшен сильной рукой. Он перевалился через край, словно сноп, и тихо застонал от обиды и бессилия, а снизу из люка вдруг раздался знакомый голос:

– Как говорил мой покойный дядюшка, граф Гуго де Ретель: «Кто никому не доверяет, тот никогда не будет иметь друзей». Я-то уж грешным делом подумал, что «Акилу» захватили разбойники, а это, оказывается, твои новые слуги, пейзанин. И это я для того за тобой чуть не полгода гонялся по Франции и Бургундии, чтобы погибнуть под колотушкой какого-то охламона?

Из люка показалась рыжая вихрастая макушка.

– Робер!!! – Не веря своим глазам, Жак бросился вперед. – Все назад, опустить оружие! Это свои. Неужели это ты, дружище? Я чуял, что ты остался жив, но встретить тебя здесь и сейчас...

– Интересно, а кого ты рассчитывал увидеть? – спросил, выбираясь наверх, достопадный рыцарь. – Архангела Гавриила? Устроил, называется, приятелю приятный сюрприз – обложили как медведя, да чуть колотушкой не прибили. Ну да ладно, теперь обо всем по порядку. Но прежде всего – обед. Твой капитан Понше жаден, как цистерцианский монах. Всю дорогу от Марселлоса он кормил меня, словно простого пассажира, одним лишь черствым хлебом и солониной, так что для начала давай как следует поедим, выпьем доброго бургундского вина, а затем обстоятельно ответим на все вопросы, что вертятся сейчас у тебя на языке.

Оторопевшие копейщики, два незадачливых телохранителя и еще не до конца оправившийся от пережитого страха Понше с удивлением наблюдали за тем, как их хозяин-рыцарь и рыжий коротышка-шпион, обнявшись, идут на бак, где уже был накрыт и сервирован стол.

Надув парус свежим ветром и с шумом раздвигая воду, «Акила» быстро двигался на юг – капитан Понше рассчитывал еще до захода солнца бросить якорь в одной из бухт на входе в Сицилийский пролив. Друзья закончили завтрак и теперь отдавали должное красному бургундскому вину – пять бочонков терпкого напитка с виноградников Монтелье, заставляющего кровь быстрее бежать по жилам, были предусмотрительно припасены в трюме. Однако, глядя на то, как лихо Робер осушает кубок за кубком, Жак всерьез опасался, что их может и не хватить до конца плавания.

Им прислуживал старый слуга, изгнанный из баронского замка после смерти своего

хозяина и нанятый в Арле, на постоялом дворе, где он пытался устроиться на работу. Убрав грязную посуду и поставив на стол три больших кувшина с вином, старик удалился, оставив друзей одних. Положа руку на сердце, уединением это назвать было трудно. Хор и Папикий, под видом исполнения своих охранных обязанностей, держались в поле видимости, пытаясь уловить хоть слово из негромкой беседы, а из-за фальшборта кормовой башни то и дело появлялась и исчезала голова Понше, который со страхом ожидал наказания.

– Ну, по правде сказать, приятель, – Робер, вальяжно откинувшись на спинку стула и положив ноги в коротких сапогах на подставленный табурет, начал, наконец, рассказ. С довольной физиономией и привычно топорщащимися в стороны усами, он разительно напоминал досыта накормленного амбарного кота. – Я сам, когда очнулся, решил, что нахожусь на том свете. Все завалено камнями, скалы совсем другие, вокруг ни души, одно лишь воронье скачет. Лежал, ждал, когда за мной ангелы прилетят, чтобы, значит, к святому Петру отвести, пока, прошу простить великодушно, мне до ветру не захотелось. Да так, еще раз прости, приперло, что больше лежать не смог. Выбрался из-под тел, облегчился и вдруг подумал: «И какой же это загробный мир? Где в Писании сказано, что души пьют, едят да облегчаются?» А, стало быть, я еще жив...

Робер налил вина, надолго приложился к кубку, опорожнил его, вытряс капли на язык, довольно запыхтел, поправил усы и продолжил:

– В общем, оценил я обстановку, понял, что битва давно закончилась, увидел следы наводнения. А солнышко пригревает, трупы, того, сам понимаешь... Ну, думаю, если я отсюда не уберусь, то тогда точно Богу душу отдам. Разогнал стервятников, сбросил доспехи, чтобы не мешали, кое-как перевязал раны, приспособил вместо костыля обломок копья, да и захромал по ущелью в обратную сторону. Почему в обратную? Хоть убей не скажу! Крови я потерял изрядно и уже почти ничего не соображал. Шел я так день, потом ночь, пока совсем сил не лишился. Ну, думаю, от смерти все же так и не смог убежать. Высмотрел неприметную ложбинку, залег. Тут у меня горячка и началась. Долго ли лежал – не ведаю. Очнулся, словно тот тамплиер Годдар из легенды, – подо мной меховая подстилка, над головой звезды переливаются, где-то неподалеку ручей весело так журчит, рядом костерок потрескивает, а дымок, от него идущий, чем-то вкусным пропитан, так что слюнки текут. Только вот у огня сидела не сарацинская принцесса, а древний старик, одетый в шкуры. Оказалось, отшельник, в горах живущий сорок лет, Ансельм. Он меня нашел и травами целебными выходил.

Робер увлекся и повысил голос, при этом охранники явно оживились и начали вытягивать шеи. Жак повернул к ним голову и сделал страшное лицо. Хор и Папикий немедленно скрылись за мачтой.

– Дня через три я окончательно пришел в себя, – продолжал между тем Робер. – Тут и припомнил свою шуточную клятву. Ну, помнишь, тогда, ночью, побожился, что если живым останусь, то подамся в отшельники. Вот, думаю, это и есть знак свыше. Делать нечего, меч свой закопал и стал готовиться к послушанию. Ансельм, как узнал о моем решении, обрадовался несказанно: «Мне, – говорит, – недолго уже осталось, а этим местам без нашего брата-отшельника никак нельзя оставаться. Только так сразу тебе здесь оставаться нельзя – не выживешь. Нужно научиться от лихих людей укрываться да хлеб насущный добывать». Два месяца он меня по Трансиордании водил, отшельничьим наукам обучал, так что теперь я эти горы знаю не хуже, чем родное мерланское болото. Ох и места, я тебе доложу, приятель! Одни подземные реки, что на десятки лье тянутся, чего стоят... Будет время, расскажу о таком, чего ты в жизни не слышал и не видел. Вот так, от ущелья к ущелью, добрались мы, наконец, и до нашего места боя. Там-то уже, кроме косточек обглоданных, ничего не осталось. Решил я хоть их похоронить по-христиански. Однако искал-искал, а доспехов-то ни твоих, ни братьев не

нашел. Не оказалось там также и останков Толуя и Чормагана, а вместе с ними пропали и кибитки. Пал я на колени перед Ансельмом: «Христом Богом прошу, – говорю, – пока я обет не принял, помоги разузнать, что с моими друзьями случилось». Ну, старику это что «Отче наш...» прочитать – он ящеркой по скале поднялся, сразу же увидел, что после землетрясения появился новый завал, да меня по камушкам к монастырю и привел. Там я и понял, что случилось, а чего не понял, мне Ансельм объяснил. Проводил меня через расщелину к выходу, по которому вы это место покинули. По оставленным следам сказал, сколько там было человек и как они выглядели. Понял я, что Сен-Жермен и Толуй решили саркофаг здесь оставить, а сами за помощью отправились. Показал он мне и место, где вы его спрятали. Хорошо укрыли тайник, он бы его и не нашел, если бы не знал, что там, в конце галереи, еще одна пещера была.

– Вы вскрыли тайник! – Жак даже привстал с места, выплеснув на палубу вино из кубка.

– Господь с тобой, – ухмыльнулся Робер. – Ты, Жак, как был вилланом, так и остался, хоть по пять золотых шпор на каждый сапог нацепи. Ансельм долго сидел у той замурованной стены, а потом сказал, что внутри находится неупокоенный дух самого великого завоевателя, каких еще не видел свет. Что дух этот заперт древним заклинанием, которое тем, кто тайник сделал, не иначе как сам дьявол нашептал. Что заклинание это не только заперло дух в пещере, но и заговорило пещеру от тех, кто попробует в нее проникнуть. Так что саркофаг там как был, так и остался.

– Ну, слава Богу, – облегченно вздохнул Жак.

– Так то оно, конечно, так, – кивнул Робер, – только отшельник еще сказал, что запертый заклинанием дух войны со временем набирает все больше силы, и если его не освободить в ближайшее время, то позже он, вырвавшись на волю, развяжет войну, страшнее которой и быть ничего не может.

Друзья надолго замолчали. Воспользовавшись паузой в разговоре, слуга подскочил к столу и вытер тряпкой пролитое вино, которое показалось Жаку кровавым пятном.

– Тут, – продолжил Робер, – я и решил, что хошь не хошь, а обет исполнять нужно. Решил отшельником здесь же и остаться. Братья-то, думаю, рано или поздно сюда обратно вернутся, а я спрячусь, да и погляжу на них хоть одним глазком. Заодно и за тайником присмотрю, чтобы чужие до него не добрались. Ансельм мне назначил еще месяц послушания, для испытания твердости веры, да и оставил меня одного. Я для себя пещеру присмотрел. Живу не тужу, охочусь, травы собираю, молюсь. Ох, Жак, такая на меня тогда благодать снизошла, что я уж и не понимал, как это раньше мог в миру жить да смертоубийствами промышлять. Жду не дождусь возвращения Ансельма, чтобы обет принять. И все бы хорошо, но как начну думать о том, как ваша судьба там, в миру, сложилась, так сердце начинает болеть. И видения еще эти почти каждую ночь приходили. То вспомню битву при Бувине, как мы с Недобитым Скальдом англичан рубили, то наше путешествие на «Акиле», турок этих несчастных. А то встают перед глазами багдадские минареты, наш обед на берегу Тигра, да еще глаза Хафизы...

– И что же, решил нарушить данное слово? – изумился Жак.

– Типун тебе на язык, богохульник! – прорычал в ответ достославный рыцарь. – Я долго думал, как поступить. Мучался, молился. Тут-то Всевышний меня и надоумил – я же ведь тогда, ночью, не сказал, что подамся в отшельники сразу после окончания битвы. А стало быть, имею полное право на некоторое время вернуться в мир, чтобы узнать о судьбе моих друзей и, если понадобится, поспешить им на помощь.

– Слушай, а твой Ансельм случайно не иудей? – ехидно поинтересовался Жак. – Уж больно ловко ты под его руководством научился свои обеты толковать...

– Молчи, безбожник! Пути Господни неисповедимы, а именно умение правильно понять посланное знамение и отличает истинно верующего. Короче, не дожидаясь возвращения

пастыря, я наточил о камень кинжал, глядя на свое отражение в воде, сбрил отросшую к тому времени бороду, переоделся из шкур в человек... то есть я хотел сказать в мирское одеяние и отправился в Иерусалимское королевство. Исключительно из присущей всем настоящим христианам горячей любви к ближнему первым делом я посетил Тир. Ибо кто как не Хафиза, не зная о том, что со мной случилось, нуждалась в братском утешении.

– Не сомневаюсь, что она его получила сполна! – рассмеялся Жак.

– Я не мог оставить бедную, истосковавшуюся женщину без утешения, – грозно зашевелил усами несостоявшийся отшельник. – И использовал для достижения этой богоугодной цели самый надежный и действенный способ. Обет целомудрия я, между прочим, не давал.

– Да бог с ним, Робер. У меня и в мыслях не было тебя осуждать. Лучше объясни мне, наконец, как ты оказался в трюме «Акилы»?

– И он еще имеет наглость меня об этом спрашивать? Да только забота о тебе и подвигла меня на это! Я бесконечно признателен тебе за то, что ты позаботился о бедной вдове. Она купила две небольших галеры, четыре доходных дома, постоянный двор и открыла мастерскую по изготовлению пурпурной краски. Мне, правда, пришлось немного помочь одинокой беззащитной женщине и слегка вразумить конкурентов, так что теперь все ныряльщики Тира работают на нее. На третий месяц пребывания в деревне маронитов, когда большая часть дел была улажена, Хафиза, наконец, позволила мне ненадолго отлучиться. Влекомый исключительно заботой о спасении души, я решил навеститься в Акру, чтобы узнать, как там обстоят дела.

– И что же ты там узнал?

– То, что я там увидел, повергло меня в возмущение. Весь клир во главе с Геральдом до сих пор не решился перебраться в Иерусалим. Так и сидят за стенами патриаршего квартала да ждут у моря погоды. Там во мне разыгрались мои отшельнические чувства, и я проник в резиденцию патриарха, смирив гордыню и скромно умолчав о моих мирских званиях и титулах. Так, никем не узнанный, я смог выяснить, что ни Сен-Жермен, ни уцелевшие братья Святого Гроба более в королевстве не объявлялись. Единственный человек, перед кем я решился открыться, был секретарь нашего приора, брат Тристан. Он-то мне и поведал о том, что ты появлялся в Акре и, несмотря на козни архидьякона, все же получил злополучное известие о гибели Зофи. Так вот, значит, думаю, зачем мой Жак ринулся в Бургундию. Эх, дров он там и наломает. Как же ему без меня? Нужно спасать, пока не поздно. Я купил место на почтовой галере. Будь прокляты тамплиеры, которые содрали с меня за провоз сумму, достаточную для того, чтобы купить хорошего заводного коня! Хафизу едва удар не хватил... Через несколько дней отплыли из Тира в Венецию. Оттуда, расспрашивая всех и вся, я двинулся в Ломбардию, через Альпы в Бургундию, а дальше по твоим следам, которых, по мере приближения к Греноблю, обнаруживалось все больше и больше. По дороге я прикидывался – ты только представь – фламандским суконщиком из Гента. И знаешь – очень помогало. Как только где-нибудь на постоялом дворе объявлялись земляки, которые по зловредной привычке всех горожан непременно лезут с расспросами, пытаюсь отыскать общих знакомых, я просто припоминал о некоем сире Максе из Гента по прозвищу Недобитый Скальд. После этого все купчишки втягивали головы в плечи и шарахались от меня, как от чумы. Знают нашего Скальда его земляки, знают и хорошо помнят...

Так я гнался за тобой до самого Реймса. Но ты уже получил приглашение папы и поскакал в Италию, при этом отрядив большой обоз в Марселлос. Я пристал к нему под видом богомольца и проследовал до самого порта, где и встретил уважаемого мэтра Понше. Он сначала пытался отпираться, прикидывался, что никакого сеньора Жака де Монтелье не знает. Так что пришлось немного освежить ему память. Выяснив все, что знал наш бравый капитан, я отправил его делать

примочки, дабы не видны были следы от побоев, а сам без шума занял место в трюме и приказал молчать до самого твоего возвращения на неф. Такая вот история. А теперь ты мне объясни, приятель, зачем куплен «Акила» и куда мы теперь плывем?

Робер перевел дух, затем, не удовольствовавшись размерами бокала, вцепился обеими руками в кувшин и надолго припал к узкому горлышку. Пока приятель, урча и отдуваясь, промачивал осушенное во время долгого рассказа горло, Жак поведал ему обо всем, что произошло после битвы в ущелье, доведя цепь событий до поединка в Гренобле.

– Отомстив таким образом графу, – завершил он свое повествование, – я принялся за обустройство собственных дел. Вначале вступил во владение завещанными тобой манорами, затем передал все владения – в Греции, Бургундии и Арденнах в управление тамплиерам. По договору, заключенному с казначеем парижского Тампля, весь причитающийся доход теперь переводится в Геную, одному из тамошних банкирских домов, который имеет конторы по всему Востоку. Тех денег, что я привез из похода, вполне хватило, чтобы приобрести неф и закупить все, что необходимо для того, чтобы снарядить рыцарский отряд. Так что мы теперь начинаем собственный поход.

– Ты что, все же решил выполнить нашу миссию и в одиночку доставить саркофаг Темучина в Иерусалим? – Глаза Робера округлились в непритворном испуге. – Ведь я же тебе рассказал о том, что слышал от Ансельма...

– Мне было известно место, куда должны были направиться братья, – ответил Жак. – Я тебе уже говорил, что Сен-Жермен собирался вести отряд в крепость, расположенную в горах Тавра. Мало того, по дороге в Ананьи я случайно услышал от паломников из Сполетто прелюбопытную историю о страшных крестоносцах-великанах, недавно появившихся в киликийских горах. Эти воины, каждый из которых ростом в пятнадцать футов, вооружены огромными булавами. Они поселились в горной цитадели, которая называется Хааг, и теперь держат в страхе не только турок и хорезмийцев, но даже и ассасинов-исмаилитов...

– Вот, значит, как, – ухмыльнулся Робер, колотя ладонью по дну кувшина в надежде извлечь из него последние капли. – Теперь-то мне понятно, в чем дело. Там они, наши братья, в Киликии, в этом нет ни малейших сомнений. Нашего гентского малютку трудно с кем-то спутать. Стало быть, мы направляемся в Триполи, а оттуда, через Эдессу, двинемся в горы Тавра...

– Это, конечно, самый короткий путь, – кивнул Жак. – Но никто в Леванте не должен знать о нашей истинной цели. Поэтому мы пойдем окружным путем – через Босфор и Понтийское море. Высадимся на берег в Трапезунде.

– Ловко придумано, приятель! – хлопнул себя по колену Робер. – Ну что же, Трапезунд так Трапезунд.

– Одно меня беспокоит, – немного помявшись, произнес Жак. – Как же теперь быть с твоим наследством? Ведь ты же на самом деле жив, а я, выходит, незаконно присвоил себе сеньорию Мерлан...

– Не забивай себе голову пустяками! – воскликнул Робер, отставляя в сторону второй опустевший кувшин. – Я же сказал, что мое возвращение в мир – это временная и вынужденная мера, вызванная лишь настоятельной и неотложной необходимостью. В деньгах я теперь не нуждаюсь, сам понимаешь – Хафиза... А титул для меня, как для любого отшельника, просто пустой, ничего не значащий звук. Так что владей Мерланом на здоровье. Только не вздумай об этом пока никому рассказывать! Пусть Понше и остальные для маскировки так и продолжают меня величать «сир рыцарь». Одно лишь меня повергает в уныние. Путь нам предстоит долгий, а особых схваток до прибытия в Киликию, похоже, не предвидится. Голову не приложу, чем мне заняться во время плавания? Умру ведь со скуки.

Пока Жак подбирал слова, пытаясь объяснить другу, что только владение грамотой и чтение книг из новой, организованной в одной из кают библиотеки может любой, даже самый долгий и бедный на события путь превратить в увлекательное путешествие, как из-за мачты раздался стук катящихся по палубе игральных костей. Вслед за этим до ушей двух рыцарей донеслись азартные крики бургундцев.

Усы будущего отшельника хищно зашевелились, а в его глазах появился привычный лихорадочный блеск.

– Ну, ты тут посиди пока, приятель, да прикажи еще вина принести, – пробормотал он извиняющейся скороговоркой, одновременно с этим вытягивая шею, чтобы рассмотреть игру. – А я ненадолго. – С этими словами сир Робер сорвался с места и ринулся вперед, судорожно хватаясь за поясной кошель. Жак вздохнул, вышел из-за стола и двинулся в сторону лестницы, ведущей на носовую башню, прикидывая по дороге, надолго ли хватит денег, выделенных Хафизой, азартному игроку, чья потрясающая неудачливость давно уже стала притчей во языцех.

Большой, длиннокрылый, белый как снег альбатрос, висящий в восходящих воздушных потоках над самой корабельной мачтой, некоторое время наблюдал за копошащимися на палубе людьми. Затем, набрав высоту, шевельнул кончиками крыльев и, удаляясь от нефа, заскользил на юго-запад, в сторону Туниса, куда к середине длинного средиземноморского лета приходили тучные косяки вкусной, откормленной ставриды.

Конец

Киев, июнь – октябрь 2007 г.

notes

Примечания

Все христианские даты в книге приведены по «старому», юлианскому календарю. Поэтому даты католических праздников и исторических событий могут не совпадать с приведенными в современных источниках (*прим. автора*).

Неф – тяжелое парусное торговое судно (*прим. автора*).

Сюрко – безрукавка из плотной материи или меха с разрезами по бокам, носилась поверх одежды вместо плаща или меховой накидки (*прим. автора*).

Болт – короткая арбалетная стрела (*прим. автора*).

Туркополы – у тамплиеров и госпитальеров отряды легкой кавалерии, которые набирались из коренного населения латинского Востока – арабов и тюрок, обращенных в христианство (*прим. автора*).

Брэ – предшественники современных брюк – две отдельные штанины из шерсти или кожи, закрепленные завязками на поясе (*прим. автора*).

Мизерикордия, кинжал милосердия, – кинжал с узким трёхгранным либо ромбовидным сечением клинка для проникновения между сочленениями рыцарских доспехов. Использовался для добивания поверженного противника. Появился в Западной Европе в конце XII века (*прим. автора*).

Фальшон – односторонний короткий меч с лезвием, расширяющимся на конце (*прим. автора*).

Хаурт – плотный валик из ткани или войлока со свисающим с него куском ткани, кожи, пластинчатого доспеха или кольчуги. Надевался на грудь боевому коню во время турниров и сражений (*прим. автора*).

Камиза – длинная рубаха с рукавами, пошитая из тонкой ткани. Заменяла одновременно рубашку и нижнее белье (*прим. автора*).

Гамбезон – длинный (до колена) стеганный поддоспешник. Надевался под кольчугу. На латинском Востоке практиковались и наддоспешные гамбезоны – толстые «фуфайки», эффективно защищающие от стрел (*прим. автора*).

Бург – в Средние века поселение городского типа, вырастающее у стен замка или крепости. Зачастую бурги обносились собственной защитной стеной (*прим. автора*).

Гимелата – речь идет о Храмовой горе Иерусалима (*прим. автора*).

Завоевав Иерусалим в 1099 году, франки превратили мечеть Омара на Храмовой горе в христианский храм, который именовали «Храм Соломона», «Храм на горе», «Дом Господень на скале». Так как Храмовая гора является третьим по значению (после Мекки и Медины) местом паломничества мусульман, то, отвоевав город обратно в 1187 году, Саладин немедленно вернул мечети Омара ее исходное назначение (*прим. автора*).

Титульный владетель – король или другой сеньор, потерявший свои землевладения, как правило, в результате захвата врагом (*прим. автора*).

Икта – элитные воинские формирования Каирского султаната. Основу икты заложил Саладин, выделив доходные владения для содержания своей личной гвардии. К середине 13 столетия икта состояла в основном из мамелюков – выкупленных на невольничьих рынках мальчиков, которые воспитывались как профессиональные воины. Впоследствии руководители мамелюков сместили династию потомков Саладина – Айюбидов и основали собственную султанскую династию (*прим. автора*).

Текст письма кади приведен по реальному источнику. На русском языке публикуется впервые (*прим. автора*).

Числа 20:21 (прим. автора).

Числа 21:(21–25) (прим. автора).

Моргенштерн – вид холодного оружия, ведущий свое происхождение от крестьянского цепа, – шипастая железная головка, соединенная цепью с рукояткой (*прим. автора*).

Пулены – прозвище франкских владетелей латинского Востока, родившихся в государствах крестоносцев. Они считались уже укоренившейся, местной, а не пришлой знатью (*прим. автора*).

Великий прецептор – должностное лицо ордена тамплиеров, еще именовался «прецептор иерусалимский». Управлял главным административно-хозяйственным округом ордена, Иерусалимской прецепторией (командорством) и входил в состав Верховного капитула. Считался вторым лицом после великого магистра (*прим. автора*).

Интердикт (от лат. interdictum – запрещение) – одна из форм церковного воздействия и наказания в католицизме, заключающаяся во временном запрете совершать богослужение и религиозные обряды в пределах прихода, города (*прим. автора*).

Дестриер – боевой конь франкской рыцарской кавалерии. Дестриеры выбирались из нескольких пород, проходили особую выучку и стоили огромных денег, поэтому на них пересаживались только для участия в турнирах и сражениях (*прим. автора*).

Шап-ле-фер – средневековый европейский шлем в форме «железной шляпы». Широко использовался всеми видами пехоты (*прим. автора*).

Мегаскирство — так назывались крупные феодальные владения в Морее, государстве, образованном в 13 веке на территории завоеванной франками Греции (*прим. автора*).

Босеан! – боевой клич тамплиеров (*прим. автора*).

Баталия – также эскадрон, тактическая единица рыцарской кавалерии во время сражения. Баталии образовывали полки, составляясь в свою очередь из «знамен» или «хоругвей» и отдельных рыцарей (*прим. автора*).

Лигурийские наемники – одно из средневековых названий генуэзцев. Торговая республика, более известная по имени своей столицы как Генуя, в эпоху Крестовых походов часто называлась Лигурийской республикой (от Лигурии – античного названия этой земли), а также республикой Святого Георгия (*прим. автора*).

Битва при Пуатье – 4 октября 732 года близ Пуатье франкская тяжелая конница и пехота под командованием Карла Мартелла разгромили вторгшихся из Испании арабов, остановив тем самым их продвижение по Европе (*прим. автора*).

Паломничество Карла Великого (Le Pelerinage De Charlemagne) – франкский эпос начала 12 века, перевод со старофранцузского А. Трубников (*прим. автора*).

Инсигнии – знаки власти, должностные отличия (*прим. автора*).

Котта – верхняя одежда, нечто вроде куртки, достигающей до середины икр, плотно сидящей на груди, с узкими рукавами (*прим. автора*).

Оммаж (вассальная присяга) – ритуальная клятва, которую вассал, вступая во владение, давал своему сюзерену (*прим. автора*).

Диоцез (епископство) – высшая административно-территориальная единица в структуре «белого духовенства» Римско-католической церкви, во главе которой стоит епископ (архиепископ) (*прим. автора*).

Манор – хозяйственная единица, доходное владение. Манором могло быть поле, выгон, сдаваемый в аренду дом, часть доходов от сада и т. д. (*прим. автора*).